НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Республики
Бурятия

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

№ 2 /84/ 2021

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

№ 2 (84) март-апрель 2021

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов
Секретарь-референт: Елена Зяблова
Зам. главного редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова
Зам. главного редактора по литературной критике: Александр Шерстюк
Зам. главного редактора по международным литературным связям: Николай Тимохин
Консультант по международным литературным связям: Елена Думрауф-Шрейдер
Заведующий отделом публицистики: Наталия Каретникова
Заведующий отделом поэзии: Александр Балтин
Заведующий литотделом «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко
Заведующий отделом культуры: Татьяна Лапахтина

Дорогие друзья, коллеги, авторы и читатели журнала «Северо-Муйские огни», с прискорбью сообщаем, что 23 марта сего года на восемьдесят пятом году ушёл из жизни наш друг и соратник, член литературного экспертного совета «Северо-Муйских огней», Заслуженный работник культуры РФ, иркутский писатель и журналист Арнольд Иннокентьевич Харитонов.

Скорбим и помним.

Информационные партнёры:

- **Поэтическое издательство «Образ»** /г. Москва/.
- **Литературный журнал «Новый Свет»** /г. Торонто, Канада/.
- **Литературный журнал «Приокские зори»** /г. Тула/.
- **Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «ИртышЪ-Омь»** /г. Омск/.
- **Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели»** /г. Самара/.
- **Международная медийная группа «Интеллигент»** /г. Костомукша, Карелия/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.
Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.
Фото на страницах обложки: «Весна на Муякане» – окрестности Северомуйска – из архива редакции.

Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2021

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 9024582889; 8 9246503603
Секретарь-референт: тел.: 8 9248385348
Форум журнала: http://smogni2008.rusff.ru
Е-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание

Борис Зорькин. Куда ж нам плыть?...3

Публицистика
Александр Балтин. К 130-летию О. Мандельштама...6
Нина Ищенко. Русский язык как пространство творчества...8
Анастасия Соколова. «Чтобы была в земле правда» (продолжение, начало в №1-2021)...10
Владимир Плотников. Видение мёртвого носа. Впечатления и ассоциация после просмотра сериала «Грозный»...13
Поэты конца советской эпохи
Сильный голос Георгия Кольцова...23

Проза
Георгий Каюров. Жучка. Рассказ...26
Александр Шерстюк. Два рассказа об отце...30
Светлана Донченко. Ворона. Рассказ...32
Райнгольд Шульц. Кругосветное наследство. Рассказ...33
Лидия Гусева. Рассказы...34
Лариса Калинина. Месса си минор. Эссе...36
Проза Донбасса
Иван Черняев. Господин с зонтом. Рассказ...38
Анна Матвеенко. Васян. Рассказ...40
Борис Фроенченко. О малой и большой – Родине. Эссе...42

Поэзия
Сергей Чепров. «Когда б насквозь мы видели друг друга...»...43
Виталий Кузнецов. Забайкальская весна (из книги «Двенадцать месяцев с душой»)...44
Николай Ерёмин. «И, глядя в космос...»...45
Марк Полыковский. Мои сезоны (фрагмент сонетного венка)...46
Леонид Карпов. «О, женщина! Ты стольких вдохновила...»...49
Ефим Гаммер. «На перекрёстке чувств и мнений...»...50
Юлдуз. «Газели цветущего сада»...52
Ольга Козловцева. Русская судьба...53
Ольга Флярковская. «Над Рузой-рекой»...54
Ольга Суханова. «Я сделаю кораблик из письма...»...55
Татьяна Хатина. «...стихами здесь дышится...»...56
Сергей Шилкин. Из новых стихов...57
Людмила Вечёркина. «О, наваждение весны!»...58
Алёна Марковская. «...Я просто люблю любить...»...59
Владимир Ильичев. «Попроси, чтобы рос тамариск...»...60
Калина Изабела Жёла. «...весна от касания губ...»...61
Алла Фефелова. «Солнце приветливо мне улыбнулось...»...62
Сергей Белов. Из цикла «Мартовские иды»...63
Екатерина Мотыженкова. Русь моя...64
Ксения Мотыженкова. «В капле мёда...»...65
Марина Логвинова. «Всё это моя Россия...»...66
Поэзия Восточной Сибири
Вера Мамедова. «...в руку тихо ягода скатилась...»...67
Елена Попова. В чертогах неземных нерукотворных (венок сонетов)...68
Поэзия Донбасса
Иван Нечипорук. «Когда земля уходит из-под ног...»...70
Елена Заславская. «Вкус поцелуя/И вечное чудо кириллицы...»...71
Светлана Шемякина. «Мы – ни там и ни здесь...»...73

Сатира и юмор
Валерий Румянцев. Встреча (рассказ из цикла «Литературный экспресс»)...74
Илья Криштул...78
Сергей Зарвовский...81

Рыбохотобзор
Юрий Жекотов. Сойка-пересмешница. Рассказ...82
Владимир Пронский. Цапля. Рассказ...84
Дмитрий Побединский. Песня весны. Рассказ...85

Борис ЗОРЬКИН
г. Сочи, Краснодарский край
Окончил филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. Автор 14 книг стихов и прозы (литературный псевдоним Валерий Румянцев).
Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018).

Куда ж нам плыть?..

Мир, в котором мы живём, в ближайшие десятилетия ждут чрезвычайно трудные времена. Признаки предстоящих потрясений видны уже невооружённым глазом. Это истощение энергоресурсов, крах мировой экономики, невиданного масштаба природные катаклизмы, дефицит пресной воды, новые виды войн (гибридные, биологические и т. п.), перенаселённость планеты, эпидемии (с которыми не способна будет своевременно справиться медицина), а то и вообще что-либо полуфантастическое, например, воздействие на нашу жизнь инопланетян...

Россия, как и другие страны, явно не готова достойно встретить подобные вызовы Времени. Политическая ситуация в стране складывается как кубик Рубика. Идеи носятся в воздухе и выбирают себе жертвы. Плачевное положение дел в РФ во многих сферах известно всем, кто проявляет хотя бы малейший интерес к жизни своего Отечества, и перечислять все беды не имеет смысла. Напомню только один факт: по данным Росстата за последние двадцать лет русских людей в РФ стало на семь миллионов меньше.

Думающим россиянам уже ясно, что капитализм, в который шулерски затащили Россию, ведёт её к катастрофе. Убить Прошлое нельзя, Будущее – можно.

Чтобы избежать подобного развития событий и выйти на дорогу прогресса, у нас есть только один путь: вернуться к строительству социализма. Однако в ближайшие годы этого не произойдёт по целому ряду причин.

Крупная буржуазия, получившая как манну небесную орудия и средства производства, которые были созданы несколькими поколениями советских людей, эту собственность и баснословные прибыли просто так не отдаст трудящимся. Уровень эксплуатации будет постоянно возрастать путём продолжающейся инфляции, снижения реальной заработной платы, введения новых налогов, штрафов и т. д. И не надо здесь строить никаких иллюзий, как это делают, например, псевдокоммунист Геннадий Зюганов и его сторонники.

Кроме того, необходимо честно признать, что примерно половина трудящихся не хочет сегодня строить социализм. Каждый из них надеется в конечном итоге «вписаться в рынок» и стать хотя бы мелким буржуа.

В советские годы в подавляющем своём большинстве герои искусства и литературы жили и действовали не ради своих личных интересов, а во имя общественного счастья. И такой подход к творчеству способствовал формированию «нового советского человека». Но И. В. Сталин понимал, насколько сильна мелкобуржуазная психология у многих людей, и учитывал это в ходе социалистического строительства. Именно по этой причине в годы его правления в соответствии с советскими законами функционировали и индивидуальные предприниматели, и артели. Всего в этом «министерстве» работало около шести миллионов человек, которые производили предметы народного потребления (мебель, приёмники, замки и т. п.). Их продукция составляла 10-11% ВВП страны. После смерти Сталина волюнтарист Хрущёв в основном ликвидировал этот «сектор» в экономике и тем самым нанёс существенный ущерб делу строительства социализма в СССР.

После реставрации капитализма в РФ выросло уже два поколения. В подавляющем большинстве эти люди имеют весьма смутное представление о жизни в СССР при социализме. Их знания «отравлены» злобными пропагандистскими мифами буржуазных СМИ и ограничены рассказами родителей, бабушек и дедушек, которые были представителями рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Старшее поколение не по рассказам, а «вживую» может сравнивать жизнь народа в СССР и в новой России. Если рассматривать бытие широких слоёв трудящихся, то сравнение, безусловно, не в пользу буржуазной РФ.

При этом не нужно забывать, что представители старшего поколения жили в эпоху, когда КПСС, вступив в последнюю стадию своего гниения, фактически продолжала отбирать власть у советов всех уровней, то есть у народа. Чего стоит только один расстрел рабочих в Новочеркасске в июне 1962 года.

Однако вместе с этим политические и экономические принципы советской власти, заложенные В. И. Лениным и И. В. Сталиным, продолжали функционировать: равноправие независимо от происхождения, национальности и вероисповедания, бесплатное жильё, образование и медицина, качественные продукты питания, своевременное пенсионное обеспечение, и т. д., и т. п.

Когда в 1973 году я окончил вуз и начал свою трудовую деятельность, мне бросилось в глаза вот что: из числа моих друзей, приятелей и знакомых, которые отличались умом, честностью и порядочностью, никто не попал на работу в партийные, советские и комсомольские органы; зато всякая «шелупонь» туда проникала. И это не случайно. После смерти И. В. Сталина существенно изменилась и кадровая политика, и в эти органы набирали в основном будущих горбачёвых и ельциных.

А когда в 1977 году я начал служить оперуполномоченным Назрановского РО КГБ Чечено-Ингушской АССР и в ходе агентурно-оперативной деятельности стал регулярно получать недоступную

для рядовых граждан информацию о положении дел в республике, то перед глазами открылось много неприглядных картин общества «зрелого» социализма. Приведу лишь один пример.

Однажды мы узнали (для оперативных работников подобных тайн не существует), что начальник нашего отделения бесплатно взял (фактически украл) в автотранспортном предприятии новый двигатель с коробкой передач для своего личного автомобиля. Сотрудники отделения сразу же (без согласования с председателем КГБ ЧИ АССР генерал-майором Белозёровым В. И.) провели партийное собрание и исключили начальника из партии. Однако по команде генерала бюро Назрановского райкома партии наше решение отменило и заменило исключение из партии строгим выговором с занесением в учётную карточку. С должности начальника районного отделения КГБ провинившийся сразу же был снят и с понижением отправлен для прохождения дальнейшей службы старшим оперуполномоченным в Наурское РО КГБ ЧИ АССР. А мы в глазах руководства стали выглядеть «бунтовщиками», которых в одном коллективе оставлять было опасно. В течение года всех нас «раскидали» по другим подразделениям...

Этот и другие примеры, на которых не хочу останавливаться, свидетельствовали о том, что мелкобуржуазная психология (дать обществу поменьше, а взять побольше), как ржа железо, разъедала не только партийно-советских работников, но и представителей (как называли тогда чекистов) «вооружённого отряда партии». И это не удивительно. С приходом к власти Н. С. Хрущёва «чистки» в КПСС прекратились, «суды чести» для крупных чиновников канули в Лету, партийные работники регулярно стали получать конверты (и с этих денег не платили ни налогов, ни партвзносов), и т. д.

В то время многие наши соотечественники с завистью смотрели на европейцев и американцев с их обилием качественной одежды и обуви, сотнями сортов колбасы и сыра на прилавке. А у нас присутствовал дефицит предметов народного потребления, очереди были постоянным спутником советских людей и т. п. – отсюда появлялось и такое большое количество недовольных социализмом. К этому обязательно следует добавить, что старшее поколение не могло получить от государства больше материальных благ ещё и по той причине, что шла холодная война, и львиная часть государственного бюджета вынужденно расходовалась на армию и оборонную промышленность.

И вот уже прошло тридцать лет, как мы оказались в новой реальности, где нас ежедневно окружают «свинцовые мерзости нашей жизни». И как же в этих условиях ведёт себя основная масса рабочих, крестьян и интеллигенции? Изучает труды классиков марксизма-ленинизма? Пытается вникнуть в историю Советского Союза и понять причину краха социалистической идеи на практике? Или, может, упивается чтением произведений лучших советских писателей? Увы, ничего этого нет.

И при этом народ безмолвствует. Одни боятся, как бы не было ещё хуже, другие считают, что от них ничего не зависит, третьи «тонут» в болоте своих проблем и взывают о помощи, четвёртые от отчаяния впали в апатию... А может быть, творческая интеллигенция подхватила упавшее знамя борьбы за дело рабочего класса? Глядя на многочисленные телевизионные шоу, этот вопрос даже задавать как-то неприлично. У подавляющего большинства представителей нашей творческой интеллигенции убеждения умещаются в формате денежной купюры. И совершенно справедливо Николай Зиновьев в своём стихотворении «Интеллигенция» дал её такую характеристику:

Пусть не всегда была ты стойкой
И горькую пила украдкой,
Но всё-таки была прослойкой,
А нынче стала ты прокладкой.

«Как ни тяжело это осознавать, но шелест зелёных купюр, вид блестящих автомобилей и не исчезающие с экранов голые груди и задницы оказались сильнее самых правильных идей, а когда народ из великого множества материальных и духовных потребностей выбирает для себя классическое требование рабов: «Хлеба и зрелищ!» – тогда самыми востребованными писателями оказываются главным образом те из них, кто может выплеснуть на страницы своих книг максимальное количество крови, водки или спермы» (Николай Переяслов).

За последние тридцать лет «качество» россиян существенно изменилось. Это уже совсем не тот народ, который строил заводы и фабрики, возводил электростанции, выиграл Великую Отечественную войну и в кратчайшие сроки восстановил разрушенное хозяйство, создал ядерный щит, первым в мире покорил космос и стоял в очереди за книгами Юрия Бондарева и Константина Симонова.

Хочет ли такой народ снова строить социализм?

За прошедшие четверть века в России появилось полсотни политических партий. Но ни одну из них нельзя отнести к разряду «партии нового типа», то есть к такой партии, которая в условиях сегодняшнего дня смогла бы организовать рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию на борьбу за свои политические и экономические права. Ни в одной из этих партий нет ярких личностей, которые готовы отдать свои жизни делу рабочего класса. Поэтому так и хочется прибегнуть к иронии: современная партия нового типа – это партия, которую возглавил новый тип.

Есть, правда, у нас несколько действительно марксистских партий (Рабочая партия России, Российская коммунистическая рабочая партия и др.), но они, к сожалению, больше похожи на религиозные секты и не играют почти никакой роли в жизни РФ. Они малочисленны, не имеют сильных лидеров, не берут на вооружение большевистскую тактику борьбы и не учитывают настроений широких слоёв населения. А эти настроения обусловливают и поведение этих самых

«широких слоёв». А каким образом проявляется это поведение в политической жизни? Прежде всего пассивностью, несмотря на всё возрастающую неприязнь к правящей партии «Единая Россия».

Буржуазная власть даже не допустит до выборов в Государственную Думу ни одну партию, которая стоит на платформе марксизма-ленинизма. И подтверждением такого вывода является, например, такой факт. В 2014 году в Министерство юстиции РФ были поданы документы для государственной регистрации Объединённой коммунистической партии (ОКП), и вскоре эта партия получила отказ в регистрации. Причина отказа Минюста – «использование партией коммунистической символики, красного знамени и гимна «Интернационал»».

Другими словами, многочисленных побед (которые были в СССР под красным знаменем) в РФ быть не должно, они запрещены законом. Запрещена (не на словах, а на деле) стремительная модернизация промышленности, рост ВВП 8-10%, как в сталинские годы, бесплатное обучение и медицинское обслуживание и т. д.

Запрещён справедливый призыв «Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов!» В соответствии с российскими законами должен быть «мир голодных и рабов», и буржуазное государство будет определять их количество. Сегодня, по заявлению буржуазной власти, их численность определена в 22 млн человек, а завтра «лимит» может быть законодательно увеличен, ибо «правовая система в государстве – это воля господствующего класса, возведённая в закон» (В. И. Ленин).

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
А паразиты – никогда!

Эти призывы, звучащие в тексте «Интернационала», расцениваются как экстремистские и тоже считаются преступными. Власть открытым текстом уже предупредила трудящихся: теперь все природные богатства принадлежат не им, а узкому кругу лиц.

Читаешь «Интернационал» – и складывается впечатление, что он написан не сто пятьдесят лет назад, а сегодня:

Презренны вы в своём богатстве,
Угля и стали короли!
Вы ваши троны, тунеядцы,
На наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, палаты –
Всё нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата
Того, что взято грабежом.

Обращает на себя внимание тот факт, что ролики с «Интернационалом» в ютубе прослушали уже миллионы наших соотечественников. А те комментарии, которые пишутся в последнее время, звучат всё угрожающе... Это для власти, безусловно, сигнал.

Если в ближайшее время Россия изберёт путь, который предлагают социал-демократы (у нас это КПРФ и её союзники), материальное положение трудящихся несколько улучшится, но иллюзий строить не стоит. Страна так и останется в статусе придатка Запада, так как власть по-прежнему будет в руках буржуинов.

Даже если В. В. Путин под давлением трудящихся и решится на такой шаг (что маловероятно), олигархи не позволят ему этого сделать. Мы двадцать лет наблюдаем, как президент пытается «переформатировать» нашу компрадорскую буржуазию в национальную, но все его «телодвижения» в этом направлении по большому счёту терпят фиаско. У наших олигархов (да и представителей буржуазии «рангом» ниже) слишком глубоко на Западе «увяз коготок», так что придётся и «всей птичке пропасть».

Будущее теряет свою привлекательность по мере его приближения. Скорее всего, в самые ближайшие годы политический курс нашей власти не изменится. В этом случае повторится 1905 год, а там рукой подать и до 1917-го, ибо Россия продолжит оставаться «слабым звеном» капиталистической системы. Безусловно, такого развития событий никто не хочет, но «времена не выбирают, в них живут и умирают» (Александр Кушнер).

«Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца, – вопрос несущественный. Существенно то, что лёд сломан, что путь открыт, дорога показана» (В. И. Ленин).

Вспышка революционных настроений в 1917 году была вызвана разорительными последствиями первой мировой войны. История неповторима даже в своих повторениях. Что послужит толчком для новой «вспышки», никто не знает. Пока мы только наблюдаем, что империализм как высшая и последняя стадия капитализма продолжает затягивать «узлы» всё новых и новых противоречий по всему миру, развязать которые мирным путём навряд ли удастся.

Из поступков народов складывается поступь Истории, – поэтому рано или поздно народ скажет своё слово. Этого как огня боится наша буржуазия. И власть будет делать всё, чтобы «электорат» не превратился в граждан своего Отечества, потому что именно в такие моменты Истории появляются Минин и Пожарский, Ленин и Сталин.

Публицистика

Александр БАЛТИН
г. Москва
Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США. Лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

К 130-летию О. Мандельштама

/Осип Эмильевич Мандельштам родился 3 (15) января 1891 года в Варшаве/

1

На воздухе сквозном, образованном проёмами в кружевах или орнаментах яви, держатся стихи – Мандельштам доказывал это, опуская определённые звенья и добиваясь эффекта, ранее невиданного.

Так построены сложнейшие «Стихи о неизвестном солдате» – своеобразный краткий эпос века, предзнаменование грядущих катастроф, вместе – и обозрение дальнобойности прошлого, где и Дон Кихот и Лермонтов – своеобычные современники.

Всё лучшее – современно лучу, соскальзывающему вниз с немыслимых высот, чтобы давать возможность подъёма малым сим, но поэты – чувствительнее прочих современников, и то, что ощущается ими, становится посланиями в грядущее, являясь отчётом о пребывании здесь, на земле, в своём времени.

Прост ли ранний Мандельштам?

В достаточной мере, и – всегда красив: тут мрамор мерцает над бездной и акварельные разводы сменяются густыми мазками масляной живописи.

Архитектура Мандельштама строится на параллелях: культурологических и каменных одновременно, и как опара восходят купола Айя-Софии, неся весть облакам:

Айя-София, – здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.

И всем векам – пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зелёных мраморных столбов.

Культурный космос человечества мерцает над каждым почти стихотворением Мандельштама; и Оливер Твист перекликается с добрым Чарли Чаплиным, а похороны в лютеранской кирхе подталкивают к логичным обобщениям.

Мера, которой Мандельштам судит мир, высока, и его пророчество:

Он сказал: Довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

Мы познали на себе, будучи – в большей или меньшей степени – причастны к расчеловечиванию человека.

Гекатомбы жертв двадцатого века позади, и надежда, что подобное больше не повторится, позволяет жить дальше... хотя денежно-соблазнительный вихрь, кружащий большинство, не позволяет им задумываться об этом. Тем более – не до стихов.

Мраморная мощь Мандельштама гудит, тем не менее, требуя внимания и развитого чувства языка; она гудит, совершенством своим заставляя меняться тех, кто соприкасается с нею.

2

Двадцатый входил в свои права, начинал переставлять мебель, грозя всем, кто в лабиринте, который считали домом жизни своей; все запутаемся...

Развивается череп от жизни
Во весь лоб – от виска до виска, –
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится – сам себе снится –
Чаша чаш и отчизна отчизне –

Звездным рубчиком шитый чепец –
Чепчик счастья – Шекспира отец.

Таковы мощь и последовательность развития человека: данные со скульптурной силой строфою из «Стихов о неизвестном солдате» Мандельштама; такова осмысленная мощь природы, производящей шедевры без человеческого участия; и плачевней куда участь человека, тоже способного творить шедевры: шедевры! а не получать каналы глазниц, в которые будут литься войска:

Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб – от виска до виска, –
Чтоб его дорогие глазницы
Не могли не вливаться в войска.

Гибнущие ради жизни, обретают свечение рая.
Не доказуемо.
Не проверяемо.
Время «крупных, оптовых смертей» ломилось в реальность, и шевелились губы, бормоча:

Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рождён в девяносто четвёртом,
Я рождён в девяносто втором...

Монументальная эпическая поступь стихотворения, точно низводит в бездны, которых не должно было быть, грозя расчеловечиванием каждой человеческой индивидуальности (о чём Мандельштам предупреждал ещё в «Ламарке»).

И, беря в свидетели воздух, Мандельштам обозначает полновесным пунктиром ряд сияющих картин, за каждой из которых качается жёсткий кармин смерти.

Смертей будет много.
Будет:

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей –
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.

В страшный луч сойдутся дикие образы и отчаянная фактография века; страшный луч тяжело станет на сетчатку любого, и страсти, лёгшие в основу этого почти инфернального луча, будут увеличены – против обыкновенных.

Тяжело спускаться прекрасной, эстетически совершенно выстроенной лестницей Мандельштама.

Тяжело дышать воздухом стихотворения.

Особенно учитывая, что мы уже знаем всё происшедшее в двадцатом веке, и с этим скарбом живём два десятилетия двадцать первого...

3

Зрение можно растягивать, как лайковую перчатку, и углублять, словно совершаешь прыжок в воду...

Рыбы мысли разлетаются в разные стороны, чтобы собраться, сфокусироваться, дать новый объём.

Новый объём реальности – проза Мандельштама, как художественная, так и литературоведческая: проза во многом построенная, как его поэзия – с опусканием звеньев, с невероятным сближением вроде бы противоположного, с зигзагообразным движением мысли.

Мандельштам будто вместе с Данте исходил множество воловьих подошв горными тропами Италии – или надмирными тропами поэзии.

Глаголы растягиваются, мускульно сжимаясь, и энергия, выделяемая ими, способна питать мозг на многие годы.

Ярость Виллона отливается в хулигански-великолепные баллады, а праздность и бездеятельность его жизни роскошны, как пиршество.

Русская поэзия раскрывает свои механизмы в статьях Мандельштама, и ходы, прорытые Хлебниковым для будущих веков, становятся очевидны, как положение стрелок на циферблате.

Мера таинственности поэзии не уменьшается от разъяснения внутреннего устройства стихов; велеречие и простота символистов затмеваются ясным миром акмеизма, всегда называющего предметы своими именами.

Имена предметов не менее таинственны, чем взгляд в зеркало, способного поглощать вашу внешность, не обнажая сады зазеркалья.

Стихи, в определённом смысле, идут оттуда, минуя сложные извилины человеческого мозга и фильтруясь через золото, имеющееся в душе каждого, в том числе поэта.

Русская поэзия рассматривается от восемнадцатого века до современников: бушующей Цветаевой, холодно-мастеровитого Асеева...

Мандельштам, столько давший, как поэт, как прозаик оставил наследие, едва ли уступающее по значению звучанию его лиры.

4

Она была хранительницей мандельштамова огня и свидетельницей событий, созидаемых эпохой, с размахом первостроителя и ошибками первопроходца.

Крепкий настой прозы Надежды Мандельштам!

Ликование крупных существительных и стремительные удары глаголов: так шаман мог бить в свой бубен.

Магические кристаллы, в гранях которых отражено всё конкретное, но – главное: имеющее признаки вечности.

Разумеется, проза мужа не могла не повлиять на мемуары жены, признанные – сразу после выхода – незаменимыми источниками в изучении творчества поэта, равно и документами эпохи, столь же страшной, сколь и созидательной.

Впрочем, споры о значении работ Н. Мандельштам разделили читающих на два лагеря: полагавших, что мемуарист имеет право на суд над эпохой и отдельными её представителями, и тех, кто считал, что сведение счётов с противниками не может быть литературным документом.

Истина, как всегда, уютно и равнодушно располагавшаяся посредине, не слишком заботилась о судьбах самих спорщиков, признав «Мемуары» Мандельштам книгой, силою превосходящей время, каковы бы ни были её достоинства и недостатки.

Шампанская игра страстей кончается трауром скорби – или скорбью траура, что, в сущности, не очень важно в мире, меняющем полюса.

Литературная злость становится питательной силой таланта многих, попавших в окуляр мемуаристки.

Слава поэта возможна во времена не слишком замаранные высотами технологий: нынешнее время не реагирует на былых знаменитостей, оставив их наследие и судьбы горстке почему-то ещё интересующихся литературой.

Утверждать, что время восстановит баланс и вернёт литературу в насущный обиход реальности, нет оснований: так же, как нет оснований утверждать, что книга Н. Мандельштам когда-либо сгинет в аметистовых водах Леты.

Нина ИЩЕНКО

г. Луганск, ЛНР

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – учёный, культуролог, литературный критик. Член Союза писателей ЛНР. Кандидат философских наук. Член Философского монтеневского общества Луганска. Редактор-составитель пяти сборников Философского монтеневского общества (Луганск). Автор портала «Луганский Информ Центр». Доцент кафедры музыкального искусства эстрады в Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского.

Русский язык как пространство творчества

Рецензия на альманах «Крылья. Взмах четырнадцатый», издание Союза писателей ЛНР

Литературно-художественный альманах «Крылья. Взмах Четырнадцатый» опубликован в Луганске в 2020 году. Альманах выпускается Союзом писателей ЛНР при поддержке Интернационального союза писателей. На страницах альманаха помещены произведения авторов из ЛНР, ДНР, России, Сербии, Белоруссии, Словакии и Греции.

Тема культурного единства является центральной для альманаха, задавая принцип подбора материала и восприятия художественного текста. В альманахе русский язык творит единство русской культуры, является местом проявления культурной памяти, полем единения во времени и пространстве.

Память о человеке сплетается с культурной памятью в разделе альманаха, посвящённом Анатолию Мальцеву. Анатолий Мальцев, поэт, есениновед, основатель альманаха «Крылья» и первый его главный редактор, ушёл из жизни в 2020 году, в год выхода 14-го номера альманаха. В сборнике приводятся стихи Анатолия Мальцева, фотографии, не публиковавшиеся ранее воспоминания о нём его друзей и коллег. Благодаря альманаху «Крылья» знаковое для Луганска имя его первого редактора Анатолия Мальцева входит также в русское культурное пространство, в сферу русской литературы и русской культурной памяти.

Прямо тема русского мира и русской культурной памяти затронута в работах донбасских и российских писателей, представленных в альманахе.

Так, Андрей Чернов, писатель, публицист, литературовед из Луганска, раскрывает тему мобилизации русского мира в рецензии на сборник Галины Чудиновой «Творящее благо». Пермская писательница Галина Чудинова известна далеко за пределами своего края. С начала войны в Донбассе Чудинова интересуется этой темой, участвует в совместных литературных проектах с

луганскими писателями. Проза Галины Чудиновой соответствует классическим образцам русской литературы, и особенно ценно, что свой талант писательница вкладывает в произведения о Донбассе и его жителях, которые защищают свой край. Это одно их проявлений духовной мобилизации русского мира, которая обеспечивает единство памяти и культуры.

В альманахе «Крылья» представлен также критический текст Галины Чудиновой о творчестве Ивана Донецкого, который живёт в Донецке, в военном городе, и художественно осмысляет свой личный опыт и опыт своего края в произведениях, входящих в сборники Союза писателей ЛНР «Время Донбасса» и «Выбор Донбасса», а также изданы отдельной книгой под названием «Мама, если не я, то кто». В этой книге автор поставил себе целью показать в художественной форме, что такое донбасский характер, и справился с задачей.

В этих и других произведениях альманаха показано единство русской культуры воюющего Донбасса и России. В то же время Русский мир как культурная общность гораздо шире государственных границ. В сборник включены произведения авторов из Греции, Словакии, Сербии, для которых русский язык является пространством творчества и общения с читателем.

Нани Сариду, гречанка из бывшего СССР, живёт и работает в греческом городе Александруполисе. В альманахе «Крылья» опубликованы её стихи на русском языке, в которых образы природы и творчества переплетаются друг с другом, выражаются через друг друга и создают картину человека, живущего равно в природной и поэтической стихии.

В альманахе опубликован рассказ «Отложи свою жизнь на потом» писательницы Анны Фичем из Словакии. В этом рассказе на нескольких страницах показана жизнь нашего современника, своеобразного человека без свойств нашего времени, который живёт, ни к чему внутренне не привязываясь, решая проблемы по мере их поступления и скользя по поверхности жизни. Избавление от лишних хлопот и неприятных ситуаций которого достигается таким образом, покупается ценой отчуждения от жизни, отстранения от жизнетворчества и постепенного угасания. В финале рассказа автор показывает, что любую ситуацию можно изменить, что в любой момент можно начать жизнь сначала, заново, сделать то, что давно откладывалось, и стать счастливым.

Поэт Драгана Мрджа из Сербии представлен стихотворениями, в которых яркие эмоции и память пережитого сливаются в образе дунайской природы и родных Балкан, которые становятся символом жизненного пути человека.

Русский язык и русская культура как пространство памяти, связывающее разные пласты времени, представлены в поэме Елены Заславской «Nemo». Центральной темой поэмы является тема Луганска, города в степи, который оказался под ударом вражеской армии. Военный город Луганск изображается в поэме в образе затонувшего города, города под водой. Хронотоп поэмы – военный Луганск 2014 года – становится местом пересечения нескольких смысловых слоёв. Луганск выступает как город, который накрыла волна войны и смерти. Луганск также является местом сохранения и пробуждения исторической памяти, которая в латентном виде включает несколько эпох: доисторическую древность геологического моря Тетис, культуру степняков, которые сгинули, оставив после себя курганы – субмарины, полные мертвецов. Луганск в поэме реализует ещё один смысл – это город, в котором ищут друг друга влюблённые, город, который разъединяет их, но как пространство поиска таит в себе возможность встречи, то есть объединения. Наконец, Луганск как топос входит в пространство русского языка. Это происходит как в самой поэме, так и на уровне гипертекстуальных связей, а именно: сама поэма «Nemo» вводит Луганск в пространство русской поэзии, реализуя потенциал русской культурной памяти места в рамках постмодернистской работы с текстом.

Есть в альманахе и мой текст. Статья «Книжная полка Татьяны Лариной» составлена как подборка эссе о книгах, которые читала или могла бы прочитать Татьяна Ларина, одна из первых героинь мировой литературы, которые сознательно выстраивают себя по цитатам из чужих книг, примеряют на себя образы и сюжеты прочитанных романов. В Татьяне Лариной сливается несколько линий взаимодействия текста, автора и читателя: Татьяна героиня романа, которая сама читает романы и подражает им; Татьяне подражают русские читательницы Пушкина; Пушкин уверяет в своей книге, что Татьяна – реальный человек, а с Онегиным он вообще знаком лично. Пушкин показывает в романе, как в случае Татьяны сокровища мировой культуры обогащаются, сливаясь с русской культурной основой, полученной во время воспитания в русской деревне, и создают тот неповторимый характер русской женщины, который восхищает читателей всего мира.

Так творчество луганских писателей, представленное в альманахе «Крылья», способствует включению литературы Донбасса в общероссийский исторический и литературный контекст. Сборник стал ещё одним шагом на пути интеграции литературы Донбасса в российское литературное пространство, формирования общей культурной памяти. Важность этой работы в воюющем городе на передовой трудно переоценить. Альманах снова показывает, что, когда говорят пушки, Музы не молчат. Самоосмысление края в творчестве его писателей важнее и нужнее всего в кризисные переломные моменты, в военное время, когда под угрозой оказываются неуловимые реалии идеального мира – память, история, русский язык. Эти хрупкие и неуничтожимые константы русской культуры сохраняются в альманахе «Крылья».

Анастасия СОКОЛОВА

г. Москва

Член МГО Союза писателей России, Союза журналистов Москвы, православный историк и писатель. Публиковалась в московских СМИ, журналах и альманахах. Автор 3 книг прозы и книги стихов. Лауреат и дипломант ряда московских литературных фестивалей и поэтических конкурсов. Лауреат конкурса «Избранники муз» в номинации «Избранник Клио» (история).

«Чтобы была в земле правда»

Из истории Боярской Думы в эпоху правления Ивана Грозного

(Продолжение, начало в №6/82/2020, №1/83/2021)

Старину я вам скажу стародавнюю
Про царя было про Ивана про Васильевича.
Уж он, наш белой царь, он хитер был, мудёр,
Он хитёр и мудёр, мудрей в свете его нет.

Народная историческая песня

Избранница царя

Незадолго до венчания на царство, молодой 16-летний государь принимает решение выбрать себе достойную супругу-соотечественницу из числа девиц благородного происхождения.

«Как все люди, слишком рано начавшие борьбу за существование, – пишет В. О. Ключевский, – Иван быстро рос и преждевременно вырос. В 17–20 лет, при выходе из детства, он уже поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумывались и в зрелом возрасте. В 1546 г., когда ему было 16 лет, среди ребяческих игр он, по рассказу летописи, вдруг заговорил с боярами о женитьбе, да говорил так обдуманно, с такими предусмотрительными политическими соображениями, что бояре расплакались от умиления, что царь так молод, а уж так много подумал, ни с кем не посоветовавшись, от всех утаившись».

Избранницей царя становится 17-летняя дочь боярина Романа Захарьина, Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева. Митрополит Макарий этому браку всячески способствовал.

Известная писательница, историк XIX века Александра Осиповна Ишимова (1804-1881) так пишет о женитьбе Ивана IV:

«Между тем ещё за несколько недель до коронования знатные придворные чиновники посланы были во все Русские области с указами государя о том, чтобы бояре и дворяне, имевшие дочерей девиц, везли ко двору всех самых прекрасных из них... Но никогда ещё не собиралось в Москве столько прекрасных, милых, добрых девиц, как в январе 1547 года, когда Иоанн вскоре после коронования хотел праздновать и свою свадьбу. С каждой из девиц приезжали родители, а часто и родственники.

Иоанн выбрал из всех красавиц самую скромную, и от того самую прелестную, Анастасию, дочь небогатой вдовы Захарьиной. Покойный отец невесты, Роман Юрьевич, был окольничим, а дедушка боярином при Иоанне III. Предки их происходили от одного Прусского князя, выехавшего в Россию с двумя сыновьями и крестившегося в Греческую веру в 1278 году...

Итак, Анастасия была дочерью знаменитого родоначальника наших царей. Все историки того времени с восторгом говорят о прекрасных качествах души и сердца этой первой царицы Русской! Благочестие, ум, чувствительность, неизъяснимая кротость – всё соединялось в прелестной супруге Иоанна Васильевича».

Русский писатель, журналист и историограф Н. М. Карамзин (1766-1826), так характеризует избранницу царя: «Не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства её, приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединённые с умом основательным; не говорят о красоте: ибо она считалась уже необходимою принадлежностию счастливой Царской невесты».

По словам летописцев: «преподобная Анастасия наставляла и приводила Иоанна на всякия добродетели».

Англичанин Горсей пишет о царице: «Эта Царица была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и влиятельной, что её почитали и любили все подчинённые. Великий князь был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом».

Царица Анастасия была искусной рукодельницей: некоторые вышитые ею пелены, покровцы, плащаницы, воздухи для церквей сохранились и по сей день.

Однако женитьба Царя «на неровне» вызвала ожесточённое возмущение бояр. Так, князь Семён Лобанов-Ростовский обвинил Ивана в том, что «...их всех Государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит: да и тем нас истеснился, что женился, у боярина своего дочерь взял... рабу свою. И нам, как служити своей сестре?».

Вплоть до самой кончины царицы Анастасии (7 августа 1560 года) бояре московские так и не смирились с выбором царя. Впрочем, как и со всем родом первой русской царицы, внучатому

племяннику которой, Михаилу Фёдоровичу Романову (1596-1645), судьбой было предназначено в 1613 году стать основателем трёхсотлетней династии Романовых (1613-1917).

Бунт против боярского произвола

Начало царствования 17-летнего государя было омрачено трагическими событиями – Московскими пожарами и кровавым бунтом москвичей против боярского правления, вошедшим в историю как Московское восстание.

Причины восстания имели глубокие корни. В 30-40-е годы, в малолетство Ивана IV, после гибели его матери, великой княгини Елены Глинской, в период боярского правления, произошло резкое обострение внутренних социальных противоречий, связанное с произволом правящей аристократической верхушки. В народе росло недовольство всё увеличивающимися непосильными налогами.

Родственники царя по материнской линии бояре Глинские после венчания Ивана IV на царство приобрели большое влияние при дворе. Как пишет А. О. Ишимова, «Иоанн и после своего коронования мало думал о царских обязанностях и, не любя заниматься делами, отдавал всё на откуп Глинским, родственникам и любимцам своим, которые, не заботясь о благополучии народа, думали только о своей собственной выгоде и бессовестно притесняли всех, кто в чём-либо противоречил им, так что народ возненавидел не только их, но даже всех их друзей и знакомых».

Толчком для восстания послужил московский пожар, названный «Великим». Вспыхнув засушливым, жарким летом 21 июня 1547 года, пожар уничтожил все деревянные постройки и продовольственные запасы жителей столицы: «...Тая же весны пришла засуха великая и вода в одну неделю спала, а суда на Москве-реке обсушило». Лишённые крова озлобленные москвичи вышли на улицы.

Обратимся к памятнику, который доктор исторических наук, профессор, академик РАО С. О. Шмидт (1922-2013) называл «Сказаниями о Московских пожарах». Составитель «Сказаний» пишет, что первая встреча Ивана IV с погорельцами состоялась сразу же после пожара, ещё до восстания 26 июня 1547 года:

«Царь же и государь князь великии зряше беду сътворшую на граде его и на святых церквах и бывшую печаль князем и бояром и мужем москвичем, прослезився, теша их, рек: Не скорбите, князи и бояре мои и народ. Господь дал, господь взял, буди имя господне благословено отныне и до века. Киждо, людие мои, ставите хоромы по своих местех, а аз вас жаловати рад и лготу дати».

Но по городу начали распространяться слухи об умышленном поджоге столицы родственниками царя, князьями Глинскими. В Новгородской летописи говорилось: «Потому что на них зговор пришол буттось они велели зажигати Москву». Бабку царя Анну Глинскую обвинили в том, что она пожар наколдовала: «вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою по Москве да кропили и оттого Москва выгорела».

На заседании Боярской Думы 23 июня заговорщики из княжеской партии в составе Ф. Бармина, князя Скопина-Шуйского, боярина И. П. Федорова-Челяднина, князя Ю. Тёмкина-Ростовского, Ф. М. Нагого и Г. Ю. Захарьина открыто обвинили царскую родню в поджоге. Царь поручил создать комиссию для расследования дела. Возглавили следствие сами же заговорщики. На кремлёвской площади ими было собрано вече. На заданный народу вопрос: «Кто жёг столицу?», наёмники в толпе закричали: «Глинские!». Этого «доказательства» оказалось достаточно, судьба Глинских была решена. Пришедшего на вече Юрия Глинского «всем миром» забили камнями. Всех, попавшихся под руку князей Глинских растерзала разъярённая толпа. Дворы Глинских были разграблены, толпа не щадила ни детей боярских, ни их слуг. Восставшие перебили ополченцев из Северской земли, на которых Глинские пытались опереться в борьбе за власть.

***

Царь с семьёй – царицей Анастасией и братом Юрием – поспешили укрыться от восставших в своём загородном дворце, в селе Воробьёво (Воробьёвы горы). Узнав о месте пребывания царя, огромная разъярённая толпа окружила село.

Заговорщики пустили новый слух, будто Глинские вызвали к Москве «крымцев». Узнав о месте пребывания царя, бунтовщики, во главе которых шёл городской палач, окружили дворец, требуя выдачи им для расправы Анну и Михаила Глинских.

Летописи так описывают те события: «бысть сметение людем московским: поидоша многие люди чёрные к Воробьёву и с щиты и сулицы, яко к боеви обычаи имаху, по кличю палача».

Во дворце в ближайшем окружении царя находился священник Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестр. Начав духовное служение в Новгороде, он был переведён в Москву митрополитом Макарием. В своей обличительной, «кусательной» речи святой отец обвинил царя в «детских неистовых играх» и «буйстве», сказав, что «за грехи государей Бог наказывает всю землю». Речь Сильвестра царём была воспринята благосклонно.

«Совершилось чудо, – пишет русский общественный деятель, психолог, психиатр и историк, профессор П. И. Ковалевский (1849-1931). – Обливаясь слезами раскаяния, Иоанн простёр десницу к наставнику и требовал от него силы быть добродетельным и помощи».

Сам Иван Грозный впоследствии так вспоминал о событиях июня 1547 года: «И от сего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя». Царю удалось уговорить народ разойтись, пообещав отставку воеводы Михаила Глинского.

По версии профессора А.А. Зимина, «поддавшись уговорам царского окружения, чёрные люди ни с чем отправились восвояси».

Н. М. Карамзин утверждал, что толпу разогнали выстрелами.

Продолжающиеся в Москве ещё около недели волнения были подавлены, зачинщики казнены. По мнению С. О. Шмидта, расправа над участниками восстания не была суровой, так как «политическая ситуация лета 1547 года никак не подходила для совершения массовых казней».

Одновременно с Московским восстанием происходили волнения и в других русских городах. Как считает доктор исторических наук, профессор И. И. Смирнов (1909-1965):

«Будучи стихийным взрывом борьбы низов против произвола боярских правителей, Московское восстание 1547 года не имело, по-видимому, никакой сколько-нибудь выраженной политической программы. Единственное требование восставших москвичей, о котором упоминают историки, – это требование расправы с Глинскими, олицетворявшими в глазах народных масс все отрицательные стороны боярского правления».

По мнению Н. М. Карамзина, «истинные виновники бунта, подстрекатели черни, князь Скопин-Шуйский с клевретами обманулись, если имели надежду, свергнув Глинских, овладеть царём».

После подавления Московского восстания Иван IV глубоко осознал необходимость реформирования государственного аппарата управления, с целью укрепления абсолютной самодержавной власти.

***

В «Хрущёвском» списке «Степенной книги царского родословия», хранящемся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, говорится о том, что по совету митрополита Макария царь повелел собрать в Москву выборных людей из всех городов: «И в день недельный изыде со кресты на лобное место, и, совершив молебная, нача речь говорити к митрополиту». Эта, исполненная покаяния и драматизма речь молодого царя, впервые была опубликована Н. М. Карамзиным, и позже цитировалась в гимназических учебниках и книгах по русской истории:

«Святой владыка! Знаю твою любовь к Отечеству: помоги мне в моих добрых намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери, а вельможи не старались обо мне: своевольствовали, отнимали моим именем у людей чины и богатство, притесняли народ – и никто не останавливал их. В жалком детстве своём я был как будто глух и нем: не слушал бедных и не защищал их. Судьи несправедливые! Вы делали, что хотели. Сколько слёз, сколько крови из-за вас пролилось! Я не виноват в этой крови и слезах!». Здесь молодой царь поклонился на все стороны и продолжал так: «Люди Божьи и Богом нам данные! Умоляю вашу веру к Нему и любовь к нам: будьте великодушны! Нельзя исправить прошедшего зла! Я могу только вперёд спасать вас от притеснений. Забудьте, чего уж нет и не будет! Соединимся все любовью христианской. С этого дня я ваш судья и защитник!»...

Собравшиеся поддержали царя, своей покаянной речью завоевавшего авторитет и уважение народа. По словам А. О. Ишимовой, «Как сильно его кроткие слова восхитили всех Русских! Они увидели счастливую перемену в сердце царя, увидели исполнение молитв своих, и с радостными слезами обнимали и поздравляли друг друга с новым правлением. Оно, с этого счастливого дня, в самом деле, сделалось новое: власть бояр кончилась, и государь начал управлять не по их воле, а по своей собственной, всегда более благодетельной для народа».

«Приняв на себя груз ответственности за народ и державу, – пишет митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, – юный царь с ревностью приступил к делам государственного, общественного и церковного устроения».

Владимир ПЛОТНИКОВ
г. Самара
Историк. Член Союза журналистов России, Союза писателей России. Автор 9 книг прозы, художественной публицистики и лирики.

Видение мёртвого носа

Впечатления и ассоциация после просмотра сериала «Грозный»*

«Он очень высокого роста. Тело имеет полное силы и довольно крепкое, большие узкие глаза, которые всё наблюдают самым тщательным образом. Челюсть выдающаяся вперёд, мужественная... В руке посох с тяжёлым набалдашником, символизирующий крепость государственной власти на Руси и великое мужское достоинство самого Царя».

Германский посол Даниил Принц о 46-летнем царе Иоанне IV (год 1576)

Ужасный сериал, о неизбежности съёмок которого нельзя было не догадаться, прогромыхал-таки по экрану. Сродни смерчу, саранче или тьме половцев и печенегов – порвал, порезал, посносил мозги и нервы, души и сердца миллионов тех, кому дорога Грозная, но Великая Русь. Потому что недруги, пусть и в лице нерусских сценаристов с продажными продюсерами, не могли не лягнуть Грозного, но Величайшего Русского царя. Я не раз уже писал и о сериалах про Софию Палеолог с Иваном Великим, и про Годунова «с первой и второй переменой блюд», и о самом Иване IV Васильевиче («Какой царь, такие победы!» — о значении битвы при Молоди, «Не царь» – о сериале «Царь»). Но так и не перестаю изумляться смердяковщине наших кино-дуче.

Бал правят ново-норманисты...

Чингисхан и Тамерлан вытоптали половину Азии там, где прокатились их орды. Но нет в Монголии и Узбекистане героев чтимее этих извергов Человечества. Наполеон I покосил миллионы в Европе и на Ближнем Востоке, предельно обескровил родную Францию и навсегда лишил её статуса величайшей державы. Но умилённые французы молятся на душегуба. Равно как пруссаки – на Фридриха Великого и Фридриха Барбароссу, испанцы – на Кортеса, Писарро и герцога Альбу, англичане – на Кромвеля и Генриха VIII. И даже Украина – на Бандеру и Шухевича... А «демократические» власти активно потворствуют культу цивилизованных кровоядцев. И только в России самых великих создателей несокрушимой империи топчут, порочат и купают в ядовитой слюне русофобы, коим нет перевода ни на кремлёвском чердаке, ни в голубятне минкульта.

Франция по морям и волнам волокла гроб с Бонапартом, чтобы за тысячи лье с почестями перезахоронить прах корсиканца в Пантеоне – как святого! Русский же царь Иван IV Грозный не сподобился даже скульптурно присоседиться к 128 ликам на памятнике «Тысячелетия Руси». А ведь Грозный, для Европы Ужасный, не просто удвоил заштатную Московию, но превратил её в могучую Россию, угадав, начертав и возглавив самые дерзкие, самые фантастические и по-настоящему национально-имперские мега-проекты, которые после него продолжали, довершали и приумножали Борис Годунов и Пётр I, Екатерина II и Григорий Потёмкин, Александр Суворов и Фёдор Ушаков, Александр III и Иосиф Сталин...

Увы, в роскультуре лет триста бал правят те, кто травил Ломоносова и Пушкина, Чайковского и Хомякова. Имя им ново-норманисты... чикагского розлива. И «Грозный» – ярчайшее в плане тусклости и тухлости их порождение на ниве «важнейшего из искусств». Так стоит ли, друзья-товарищи, разоблачать их, тратить нервы и слова? Разве не в том цель пакостников и ненавистников, чтобы позлить народ? Для упырей – яство и пиршество, плюс результат: чем больше взвинчено мозгов и порвано сердец, – тем скорее «совки и ватники» подохнут...

Всё это сознавая, я и подумал обойти вниманием сам сериал и обойтись без отклика. Увы и ах, но нечто вопиет откликнуться. Нет, профанаторы и неучи не стоят чувств и аргументов. Им – истина до фени. А поэтому пройдём по пунктам Правды, что выпали из мешанины бредней, казней, пыток, пьянок, блуда. Самые же зло-умышленные из «ляпов» тезисно проиллюстрируем – «как было дело».

Уже подсобрав тезисы и ляпы (многие не раз толковал), увидел немало гневных отповедей. Однако не буду смывать «дубликаты»: повторение не только мать учения, но и удвоение пользы от усвоения, а следственно, усиление воздействия для закрепления в памяти.

Род или дар?! Или отец русской демократии

Итак, попробуем вкратце перечислить всем, казалось бы, известные (хотя нет, не всем – лишь тем, кто учился истории в советской школе до конца 1980-х) достижения, благодеяния и нововведения государя-преобразователя. Начали...

...Сам институт «русской демократии». Первый Земский собор, созванный «деспотом и тираном» в 1549 году, год всего лишь спустя принял новый Судебник – свод законов, по которому Россия жила 275 лет, вплоть до правления Николая I. Причём, рабство тогда было не только запрещено, – конкретно Иван Грозный *ликвидировал мировые невольничьи рынки* в Казани и Астрахани. В одну Казань до её взятия ежегодно угонялись – до 50 тысяч в год – полонённые русские для перегона в Крым и на Кавказ с последующей перепродажей в Османскую империю или «добрую цивилизованную»... Европу. А вот крестьянин русский рабом не был – не был он прикреплён к земле «крепостью», ежели способен был покрыть её аренду. Крепостничество – это уже после Ивана...

...Централизация власти и прекращение феодальной усобицы. Грозный сделал всё от возможного до невероятного в рамках власти одного человека для обуздания боярского сепаратизма

и его чудовищной язвы по имени «местничество», что по новой разъедает «демократизированную» РФ. Если не в курсе, местничество – это когда на любой важный пост (МЕСТО) веками ставились (читай: ставятся) *не за ДАР, а за РОД*. «РОДовитые» при всей своей приРОДной безДАРности местники, зачастую, из спеси и мести, ни в грош не ставя даровитую «чернь», могли сорвать (и срывают) важнейшие государственные проекты и боевые операции. Частенько сиё и делалось причиной неудач в войне.

Тот же Дмитрий Иванович Хворостинин (1535/40-1590), величайший полководец XVI века**, официально, сиречь по званию, был вечно «на вторых ролях» (2-й или 3-й воевода). То бишь, ради принятия стратегического решения он вынужден был лавировать и убеждать дебилов (высокомерных, но прирождённых). Всё это чрезвычайно мешало ведению не то что бы отдельных сражений, но и целых кампаний (примером – срамной и неоправданный разгром рати ярого местника-воеводы Тюфякина в 1578 году у Вендена). Зная это, Иван Грозный проталкивал Дмитрия Хворостинина и прочих незнатных самородков неформально, в обход местнических истерик. За что хронически (верьте – не верьте!) судился со знатью, вытаскивая Хворостинина из... «холодной». Так что совсем не всё так ладно обстояло с неоспоримой диктатурой царской. Бояре до Петра были сильней и... погибельней. Урок в другом: за век до Петра Великого и Грозный царь пестовал своих «птенцов гнезда Иванова». Среди них корифеи русской внешней политики братья Щелкаловы, замечательные управленцы Годуновы, недюжинные царедворцы и, если надо, ратиборы Бельские. И напоследок: судьбоносную дипломатическую миссию-маяту к императору Рудольфу II «Мистику» и папе Григорию XIII (1580-81), создателю современного календаря, царь поручил всего лишь «лёгкому гончику» Истоме Шевригину – «молодому паробку из рязанских детей боярских»...

Итог таков: самые отъявленные и титулованные своевольники были отосланы со двора в отдалённые земства. Но и там, на местах, взамен воеводского/княжеского, *уже шагало выборное самоуправление*, чему способствовали земская и губная реформы. Потеснить же блатных губошлёпов в системе управления государю помогла перестройка системы приказов (министерств), успешно заполняемых способными парубками из подлого сословия...

...Опричнина – *институт укрощения местников и устранения сепаратистов*. Вопрос: какую же цель преследовало решение Грозного об упразднении «Избранной рады», всю сплошь из вчерашних единомыслов? По мнению историка-профессора А. А. Зимина, падение Избранной рады обусловлено тем, что, будучи «правительством компромисса» (между широкой массой мелких/средних феодалов и узкой прослойкой дальновидного боярства) она «в обстановке народных движений стремилась консолидировать силы феодалов и поэтому не могла пойти на решительную борьбу с удельной децентрализацией». Вдобавок Рада продавливала идею совершенно нереального на тот момент сокрушения Крымского ханства, которую России удалось осуществить лишь двести лет спустя, при Потёмкине с Суворовым. Иными словами, Рада объективно, увлечённо и настойчиво (как и свойственно либерал-демократам) обрекала себя на роспуск. Да, на большие вельможи из старинной аристократии могли ещё простить царю «точечные наезды» на ту или иную фамилию... Спустили они и разгон «Избранной рады». Но «этот тип замахнулся на самое святое» – на вотчинные владения и властные (вечные) полномочия Боярской Думы!

Действительно: в 1562 году царь издал *указ об ограничении вотчинных прав*! Такого допустить не можно, а простить нельзя. И будущий диссидент Андрей Курбский лупит по недавнему патрону филиппикой за сей предерзостнейший выпад. Нашёл, кого! Ещё пару лет спустя была предпринята попытка заговора/переворота. Грозный смуту пресёк. Точнее, ссёк! И следом – через год – тысяча чёрных всадников с метёлками и пёсьими мордами, ураганом понеслась по вольностям боярства и столбового дворянства. Страну посетила опричнина! «Обрезание центробежной воли» знати и стало главной задачей, историческим предназначением опричного войска из худородных дворян.

Позднее (со второй половины 1570-х) опричнину продублировал «удел»: «В «удел» царь записал жалованные поместья в хороших, ближе к столице, землях – для своих мало-знатных, но верных поплечников. А в окраинные земства всю боярскую кровь сцедил. В чужих, мол, дворах крылышки скорей пообломают». По большому счёту, «зверства опричников» – чёрный миф, раздутый боярами-сепаратистами (как сегодня – «кровавый Сталин», насаждаемый либер-антисоветчиками). Разумеется, криминальные инциденты случались. Вопрос: а можно ли было при тогдашнем уровне – «средневекового Глонасса» (связи то бишь), уследить за всеми нарушениями и злоупотреблениями? Ежели учесть, что в наше время, когда в России всё напичкано камерами слежения и чипами, полицаи, врачи, волонтёры, доценты и даже жёны рэперов грабят, убивают, насилуют и расчленяют тех, кого призваны лечить, учить, любить и защищать?! Отсюда:

...Судебная реформа. Царь ввёл суд присяжных и приговоры по суду – после проведённого дознания (следствия)... А за казнокрадство, кумовство и мздоимство – на кол и на плаху! За измену, предательство и крамолу – туда же или, на худой край, в постриг. Между тем, общее число казнённых (по суду и следствию) при Грозном не превышает 5 тысяч человек (и то округлённо). Какое уж тут сравнение с истреблением сотен тысяч при всего-то 8 лет лютовавшем султане Селиме I – тоже Грозном*** и также вдвое «прирастившем Оттоманскую империю?.. Или с набившими оскомину 30 тысячами перебитых за одну Варфоломеевскую ночь гугенотов при другом современнике Грозного – «безвольном» Карле IX Валуа?.. Или с более чем 72 тысячами во имя «промышленного прогресса» повешенных Генрихом VIII английских крестьян?.. Или с «армадой» гёзов и их мирных членов семей, уничтоженных благородным испанским герцогом Альбой?.. Умолчим про вырезанные миллионы жертв весёлых испанских конкистадоров... Красавцы!

Важнее другое: «Как ни странно, опричные репрессии и военные потери не повлияли на общее настроение: ни бунтов, ни массовых волнений. Даже странным образом наоборот: сражаясь в

Ливонии, русские одновременно отражали набеги крымских татар, присоединяли обширные «uluses» (улусы) сибирских, калмыцких и ногайских дюков, осваивали южные плодородные земли. Им присягали донские atamany, а правители Северного Кавказа добровольно просились под руку Москвы, долготы которой удивительным образом хватало на всех». Отчего так? А оттого, во-первых, что русская колонизация это не английский, португальский, испанский или французский колониализм, чёрно-красно-жёлтый реванш за который нынче захлестнул бывшие метрополии. А во-вторых: репрессии Грозного чётко целили в шеи чванной знати, а не простолюдинов. Царь любил свой народ, и народ отвечал ему сторицей. Единственное, на что сетовал Грозный под закат дней, что не додушил семёрку семеек, наиболее вредоносных для русского централизованного государства. Как в воду глядел: семибоярщина, едва не погубив Россию в начале XVII века, регулярно трансформировалась, чтоб уже в виде семибанкирщины угробить экономику разваленной империи на рубеже XX-XXI веков. Прозорливец!

Русь на земле и в головах

...Имперское объединение регионов и просветительская колонизация. Иван Грозный прирастил массу земель, удвоив державу: с 2,8 млн кв. км на момент воцарения до 5,4 млн кв. км к концу правления (что превысило площадь территории остальной Европы). Население страны, несмотря на потери в Ливонской войне, набеги кочевников и ежегодный угон десятков тысяч рабов кочевыми людоловами, выросло за то же время, по меньшей мере, на треть, а максимум – в полтора раза (до 10 млн. человек). Мало кто в наши дни способен понять, какой это был для того времени *личный подвиг и, одновременно, революционный сдвиг в массовом сознании*. Дело в том, что в XVI веке у тех же литвинов, новгородцев, псковитян, тверичей не было даже зачатков для формирования с детства вбитого в нас понятия «Русский» и тем более: «единая Русь». Каждый князь, любой захудалый властитель на удельном лоскутке почитал себя государем. А тогдашние жители тупо принимали за родину собственное место обитания. Начиная с: «мы двора барина такого-то». Тем более, не витало в природе и облака такого, как «Русь вообще». Были лужи и болота: «Русь Белая» или «Русь Малая», «Великое Русское княжество Литовское» альбо «Великое Русское княжество Московское», «Господин Великий Новгород» али «Свободно торгашливая Мангазея»... Стоит ли поминать Запорожскую Сечь, Казанское и Астраханское ханства, Пермь Великую и царство Сибирское, Орды Большую Ногайскую и Малую Ногайскую (Казыев улус)?.. Если даже у черемисов (марийцев) менталитет резко отличался, зависимо от их проживания: на луговых землях (агрессивные) или горных возвышенностях (тихие)?! И в то же время все этносы сии неприметно, но либо навсегда уже вливались в состав Руси, либо пока ещё временно «чинили шерть» (давали присягу на верность государю Московскому) – по договору признавали себя его союзниками-вассалами, от года к году всё более русифицируясь.

«Покорённые» народы же спокойно жили, сообразуясь со своими обычаями, соблюдали традиции, развивали этническую культуру, дедовские промыслы, помалу обучались письменности, помногу крестились – короче, всячески просвещались и приобщались к благам цивилизации. Русской!.. И это всё, заметьте, на фоне истребительной похоти и рабовладельческой наглости европейских колониальных держав. Вывод: не прибери Нас вовремя Грозный, – всё бы Поволжье с Сибирью, Дикое поле с Кавказом достались бы туркам. Не верите?! А что же тогда на наших глазах Эрдоганом проворачивается, как не идея Великого Турана: от Якутии до Ливана и от Турции до Татарстана? Вот уж фиг вам! Благодаря Ивану Грозному, из тех медвежьих углов умело мы слепили и скрепили государство огромное с единым управлением из стольного града Москвы. Повторюсь: с высоты XXI века сейчас нам просто невозможно вообразить, каких усилий стоило Ивану *внушить и привить всем понимание Единой Общей Руси*, какой это несравненный подвиг великого государственника. И сколь тонко искусство сиё! Не зря же он, по примеру деда Ивана III, правителям (в том числе пленённым) присоединённых территорий дарил «бумажные княжества» (например, Касимовское близ Рязани), по воинской службе отмечал. Те же с годами становились верниками русского престола, основывая российские же дворянские (в будущем офицерские) фамилии: Голицыны, Строгановы, Шереметевы, Годуновы, Урусовы, Карамзины, Сабуровы, Тургеневы, Дивеевы, Аксаковы, Юсуповы, Аракчеевы, Дашковы, Ермоловы, Булгаковы, Державины, Апраксины, Куракины, Салтыковы, Мансуровы...

...*Военная реорганизация*. Все эти великие территориальные приобретения Ивана Грозного были бы немыслимы без учреждения постоянного – стрелецкого – войска, первой регулярной армии в Европе с первым же в мире единообразным для всех обмундированием. При Грозном страна заимела образцовую артиллерию. За что спасибо «Андрюхе Чохову, штукарю великому, первому на Руси пушечнику. Благодаря чоховским умельцам, Москве по пушкам в мире ровни не было: за год, самое мало, сто орудий лили. Чохов-то сам вышел из артели оружейника Кашпира Ганусова, как покрестили на Москве ливонского литейщика Каспара Гнусса, 15 лет делавшего огромные медные стволы. И нынче в орудийном рукомесле не было Чохову ровни». И это так, мастера ремёсел и «солдаты удачи» со всей Европы мечтали сделать свой гешефт у щедрого Московита. И одним из поводов к Ливонской войне явился как раз запрет польских и ливонских правителей на въезд в Россию, равно как обратный провоз русских товаров. «Лишённое выхода к морю, Русское государство не могло сноситься с Европой на собственных кораблях. А ливонские немцы с литвинами под страхом смерти не пропускали в Москву европейских мастеров и учёных». В одном лишь 1547 году 123 приглашённых Иваном Грозным иностранных «спеца» были задержаны в Ливонии, а первый же нарушитель запрета был убит при попытке бежать на Русь. «Давно искавшее морских путей русское купечество злобилось. А тут и московская знать, вкусив казанской крови, но недополучив

трофеев, размечталась о новых владениях. Устремившись на запад, взоры их соединились в лакомой Ливонии». Несмотря на все препоны и запреты, за годы правления Грозного из Европы в Московию переселилось порядка тридцати тысяч семейств (чего стоит пресловутая «Наливка» немецкая слобода в Замоскворечье?!). Среди них находились храбрецы, что за приличные деньги из госказны (5 рублей) осваивали пустующие земли вдоль тысячекилометровых *линий Засечной черты*.

Кстати, создателем этого великого и новаторского оборонительного сооружения против кочевых захватчиков был опять же Иван Грозный с его военачальниками. В те дни была отлажена и великолепная технология постройки переносных крепостей по «принципу детского конструктора... Лего»: заранее подогнанные под стены и башни брёвна нумеровались, разбирались, сплавлялись водой и споро собирались в нужном месте. Сиё ноу-хау позволило Ивану Грозному после нескольких неудачных попыток зараз взять неприступную Казань. Чудо объяснимо! К ужасу татар, русские в зиму незаметно возвели опорный пункт для осады Казани – Свияжск. Сдаётся, что это не только новое слово в военном искусстве, но и ступень в создании величайшего государства, похвастать чем удаётся единицам. Но покончим: путём постепенного слияния опричного войска с земским Грозный подстегнул *процесс формирования служилого дворянства – будущего офицерства*, в после привлечения на службу казачества и – спецназа... Итог известен: скромный опрично-земский корпус у Молоди (1572) громит «тьмы тем» – крымчаков Девлет-Гирея!.. Признаюсь честно: раззадоренный рекламой, ради Молодецкой битвы, «Грозного» и досматривал. Ну, и «съел чижика» – жалкое подобие батальной фрески. Отсюда горькое послевкусие: не успокоятся на сём – жди второй части по типу «Годунова-2»...

...*Налоговая реформа*. Упомянутый Судебник учредил общую единицу налогообложения – большую соху. Тогда же была введена строгая и «на века законсервировавшаяся» монополия государства на ценные отечественные товары, прежде всего пушнину (соболь, куница, песец, чернобурка, рысь). «Что касается самих лесов, озёр и рек, то, сколько бы ни собирали оттуда дорогих мехов и рыбы (а её великое множество), значительной частью всего этого владеет князь. Меха предназначаются для подарков и продажи, сушёная рыба для снабжения крепостей и в пищу, и всё, что из этих запасов предоставляется князю, оказывается наилучшим. Никто не может распродавать своего прежде, чем не будет распродано принадлежащее князю» (Антонио Поссевино). Та же меховая пошлина, задуманная Грозным царём, просуществовала до начала XXI столетия.

...*Церковный передел (секуляризация угодий)*. На Стоглавом соборе в 1551 году, созванном по инициативе Ивана IV, был принят *Стоглав, свод из 100 глав* (плюс, позднее, 101-я глава о церковном землевладении) соборного приговора. В грандиозном этом уложении церковных законов попытались решить все злободневные вопросы: по соотношению норм государственного права с церковным. По правилам владения и передела храмовых земель; по религиозным образам и оформлению пантеона (с зафиксированным списком святых). По регламенту (службы, обряды, каноны) и проведению описи церковных земель; по введению единой системы налогов... А в финале Ливонской войны (1580), «когда многоземельное поповство поперёк встало, решил Иван Васильевич и церковные владенья на казённый прок подкорнать. Сказано, сделано: уже этой зимою церковный собор пощипал монастырские вотчины в государеву пользу. И отныне настоятели ни земель покупать не могли (всё купленное в казну отбиралось), ни держать их в закладе: только по особой милости царя»...

Певучие, здоровые, бегучие

...*Культура и образование*. Стоглавый собор обязал духовных лиц во всех городах заводить детские школы на «учение грамоте, и на учение книжного письма и церковного петия псалтырного», повсеместно узаконил употребление многоголосного пения. Иван Грозный в Александровой слободе основал музыкальный центр (навроде консерватории), где творили и учили лучшие умельцы «музикии» и «красного пения» (краснопевцы): солисты, музыканты и композиторы Фёдор Крестьянин (Христианин), Иван Юрьев-Нос, братья Потаповы, Третьяк Зверинцев, Савлук Михайлов, Иван Каломнитин, крестовый дьяк Андреев. Сам царь смолоду обладал красивым звучным распевом. Тогда же были сделаны и первые шаги в книгопечатании: создан Печатный двор, Иваном Фёдоровым издана книга «Апостол». Но даже первопечатнику создатели сериала уделили позорно мало внимания и времени. Грозный поощрял изобретательство, например, в военном деле, при нём велось колоссальное строительство, в том числе дворцов и храмов (Собор Василия Блаженного)...

...*Здоровье нации и профилактика эпидемий*. Пограничные посты при Грозном обзавелись своеобразными «карантинными бригадами», которые препятствовали распространению инфекций, в т.ч. запоздалой чумы, веками косивших другие народы. Иностранцы, вплоть до иезуита А. Поссевино (автора самой злостной небылицы «Про то, как Иван Васильевич убил Ивана Ивановича-сына»), дивились, сколь здоровый на Руси климат, как мало здесь лекарей и лечебниц, а аптек... так нет вообще!..

...*Скоростной транспорт*. При Грозном русская ямская сеть считалась самой передовой, развитой и скорой в мире. Ям – это ямская (почтовая) станция, где можно было по казённой надобности получить свежих лошадей; ямы были густо натыканы вдоль основных шляхов/магистралей, чтобы легче было сменить лошадей. За сутки вполне можно было преодолеть до 200 км.

...*Русский флот*. Как-как? Грозный и флот? А вы веком не ошиблись, милейший? Да уж, нам вбили в голову, что «отец российского флота» – Пётр Великий. Опровергать не будем. Лишь несколько строк из донесения *Джерома Горсея*[****] – английского купца и посланника:

«Он (Иван Грозный) послал за мной и сказал, что окажет мне честь, доверив значительное и секретное послание к её величеству королеве Англии, ибо он слыхал, что я умею говорить по-русски, по-польски и по-голландски. Он задал мне много разных вопросов и был доволен моими быстрыми ответами; спросил меня, видел ли я его большие корабли и барки (barcks) у Вологды. Я сказал, что видел.

– Какой изменник тебе их показал?

– Слава их такова, что люди стекались посмотреть на них в праздник, и я с толпой пришёл полюбоваться на их странные украшения и необыкновенные размеры.

– А что означают твои слова «странные украшения»?

– Я говорю о тех скульптурах львов, драконов, орлов, слонов и единорогов, которые так искусно сделаны, богато разукрашены золотом, серебром и диковинными цветами и прочим.

– Хитрый малый, хвалит искусство своих же соотечественников, – сказал царь стоявшему рядом любимцу. – Всё правильно, ты, кажется, успел хорошо их рассмотреть; сколько их?

– Ваше величество, я видел около двадцати.

– Скоро ты увидишь их сорок, не хуже, чем те. Я доволен тобой. Ты можешь, не сомневаясь, рассказать многое об этом в чужих краях, но ты изумился бы ещё больше, узнав, какие бесценные сокровища украшают их внутри. Говорят, королева, моя сестра, имеет лучший флот в мире?

– Это так, ваше величество.

– Какова разница с моим?

– Её корабли обладают силой и мощностью, с которой они пробиваются через великий океан и бурные моря.

– Как они устроены?

– Искусно, они острокилевые, не плоскодонные и их обшивка настолько толста, что её невозможно пробить пушечным выстрелом»...

На этом, извините, с реформенными начинаньями завяжем. Поговорим об «ошибках» киношников. И, как говорится...

Встречают по одёжке...

С неё и начнём...

...Грозный, то есть величественный. Именно таковым государь Иван Васильевич виделся не только своим подданным (это понятно), но и чужим, в том числе завистливым и недружественным визитёрам: «Самой своей одеждой, окружением и всем прочим он старается выказать величие даже не королевское, но почти папское. Можно сказать, что всё это заимствовано от греческих патриархов и императоров, и то, что относилось к почитанию бога, он перенёс на прославление себя самого. Он носит тиару, пышно украшенную жемчугом и драгоценными камнями, и не одну (их он постоянно меняет, чтобы показать своё богатство; говорят, что они привезены из Византии). Их он или имеет при себе, когда сидит на троне, или носит на голове. В левой руке у него жезл, или посох, украшенный довольно большими алмазными зёрнами, как бы узлами. Он носит спускающуюся до пят одежду, почти такую, какую обычно носят папы, когда исполняют торжественное богослужение, на руках его много перстней с огромными драгоценными камнями. Справа над его троном, на котором он восседает, лик спасителя и пречистой девы» (*Антонио Поссевино о встрече с Иваном Грозным в Старице летом 1581 года*).

В принципе, данное описание вполне согласуется с портретом Грозного, набросанным Д. Принцем за пять лет до А. Поссевино: «Он очень высокого роста. Тело имеет полное силы и довольно крепкое, большие узкие глаза, которые всё наблюдают самым тщательным образом. Челюсть выдающаяся вперёд, мужественная. Борода у него рыжая, с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая, вьющаяся, но волосы на голове, как большая часть русских, бреет бритвой. В руке посох с тяжёлым набалдашником, символизирующий крепость государственной власти на Руси и великое мужское достоинство самого Царя».

Даниил Принц из Бухова (1546-1608) был послом «Священной Римской империи» в России. У него не было причин возвеличивать монарха-схизматика. Учтём и то, что исторически западные европейцы повыше ростом, чем русские. Послами же становились чаще всего потомственные аристократы, которые ростом – повыше подмастерья. Стало быть, из уст посланца Рудольфа II слова «очень высокого роста... тело имеет полное силы» – что-то да значат. Но не для наших кино-ненавистников царя-преобразователя. Отметим: всё то – опять уже про зрелого, почти «предсмертного», Ивана. При этом, как ни странно (для авторов сериала), сильного, стильного и нарядного. Но... гораздо более позднего, чем Иван-Маковецкий в конце сериала (1572). А как насчёт молодого?

«Красив собою», — вот лаконичная характеристика 27-летнего Ивана от венецианского посла *Марко Фоскарино*. Уж кто-кто, а венецианцы знали толк в красоте пропорций.

«Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп; возрастом (ростом) велик бяше, сухо тело имея – плещи имея высоки, груди широкы, мышцы толсты», – это уже русский источник (*«Повесть книги сея прежних лет»*, написана до 1630 года) про увядающего Ивана Грозного. Но опять же: ростом очень велик, плечи высокие, грудь широка, мышцы толсты. Согласитесь, никак не тянет на изможённого доходягу, которого... «подушкой задушили». Как, не слыхали? Да, если верить авторам «Годунова» (а теперь вот «Грозного»), где Маковецкий и дебютировал как Грозный, то удавили милостивца его любимцы — Богданка и Бориска (Бельский с Годуновым). И хрен бы с ними, сохранившийся и вполне нормальный щитовидный хрящ гортани Ивана Васильевича камня на камне не оставляет от «удушающей версии».

Есть ещё одно свидетельство, состряпанное сто лет спустя, но – от кремлёвских обитателей, которые на тот момент гораздо лучше нас осведомлялись насчёт предшественника Романовых: «Телосложения он был вполне крепкого, роста высокого, глаза имел быстрые, но небольшие, нос – орлиный, лицо морщинистое и красное; высокомерный в обращении, с крепкою памятью... Ум имел проницательный и быстрый; не знал меры одинаково ни в ненависти, ни в благосклонности, одинаково был жаден до славы, как и до богатств; гордости же был необычайной, до того, что требовал непременно выучить слона преклонять перед ним колени».

Сия «объективка» составлена *Якобом Рейтенфельсом*, племянником Йохана фон Розенбурха, личного врача государя Алексея Михайловича. Якоб якобы проживал при дворе царя в 1670-1673 годах, где и сочинил *«Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии»* (1676).

Итак, огромный рост, крутое телосложение, мощь и силу, острый ум, крепкую память, орлиный нос и пронзительный взор грозного монарха подтверждают многие очевидцы. Одна затыка: прижизненные парсуны (портреты персон) в ту пору делать воспрещалось. И всё-таки до нас дошли серебряная копейка, отчеканенная в Новгороде после 1554 года, плюс оттиск гравюры на обложке «Апостола» Ивана Фёдорова. Нет, вру: в Норвегии объявилась ещё одна прижизненная «парсуна»: у Грозного огромный лоб, крохотный нос и... доброе лицо.

Зато сохранились останки, которые изучил знаменитый скульптор, антрополог и археолог *Михаил Герасимов* – признанный мастер воссоздания облика умерших по их костям. Судя по скелету из усыпальницы Архангельского собора Московского Кремля, Иван Грозный на момент смерти в 53 года имел *рост порядка 179-180 см, а вес под 90 кг*. Экспертиза свидетельствует: *«Судя по степени развития рельефа костей скелета, он был очень силён, смолоду хорошо тренирован»*. Всё это хорошо сопрягается с вышеприведёнными свидетельствами современников. Так вот, в 1963 году, применив собственный метод с опорой на экспертизу, Михаил Герасимов воссоздал бюст Ивана Грозного, и тот весьма сходится с портретами более поздних находок – новгородской копейки и оттиска с гравюры в «Апостоле».

«Герасимов заключил, что по антропологическим параметрам Иоанн был ближе всего к динарскому типу, характерному для западных славян. Это объясняется тем, что в родословной Грозного по материнской линии есть поляки, белорусы и сербы. Но высокие круглые глазные орбиты и крупный, хотя и тонкий, с резким выступом нос больше подходили к средиземноморскому типу. Эти черты Иван Васильевич, вероятно, унаследовал от бабки по отцу Софьи Палеолог, в девичестве византийской принцессы. Впоследствии Герасимов писал, что не намеренно придал лицу Грозного «то отталкивающее выражение, которое оставляет столь тягостное впечатление». Однако изображение действительно получилось весьма выразительным: брезгливо сжатые губы, мрачный напряженный взгляд, тяжело нависающий над бровями огромный лоб. Перед нами состарившийся прежде времени человек, изнурённый моральными и физическими страданиями» (*«Кириллица»*, см. https://zen.yandex.ru/media/cyrillitsa.ru/kak-na-samom-dele-vygliadel-ivan-groznyi-5b5eb057443e0900a95d25db). Но вот ведь любопытная деталь: «Весь скелет как бы скован в едином положении. Остеофиты на позвонках образовали замки. Всякое движение, вероятно, вызывало очень сильные продолжительные боли». Это подтолкнуло ряд экспертов к выводу о растянутом во времени «отложенном отравлении» Ивана Васильевича и сына его Ивана. Доза мышьяка в их костях вдвое превышала норму, а ртути – в 5-6 раз.

То есть к тому времени суставные недуги и боли довольно сильно искривили позвоночник и ссутулили царя. И это позволяет допустить, что смолоду он был ещё выше — под 185 см. Притом, что метр восемьдесят для его времён – примерно то же, что для нас два метра! Таким образом, царь должен был, минимум, на голову-полторы возвышаться над тогдашней толпой, что и подтверждают очевидцы.

А нам чего кажут поверх того, что сажей мажут?

17-летний Грозный (в подаче 43-летнего актёра Яценко), не говоря про 32-летнего, но явно ещё, если без поклёпа, не покляпа***** – гнутого (в трактовке 62-летнего Маковецкого) – оба на фоне киномассовки выглядят далеко не великанами-силачами. Так – сухенькими старичками.

Грустно, но факт: канонический «Иван Грозный» в исполнении *Николая Черкасова* (из эйзенштейновской экранизации середины 1940-х) идеально отражает и облик, а конгениально – и фигуру царя. По всем параметрам: гениальная актёрская игра, исполинский рост, широкие плечи, орлиный нос, грозный и умный взгляд... В общем, угадано и по росту, и по величию. Тогда как Яценко с Маковецким «не по Сеньке шапка». Хотел было посочувствовать крупному артисту Маковецкому. Но подумалось: так никто же никого не неволил. Сам на те же грабли наступил... Как, собственно, и другие хорошие лицедеи, знакомые людям с «Годунова-1-2».

В связи, раз уж вспомнили про классические кино-образы: экранному А. Д. Меншикову столь же фатально не везёт. Вдумайтесь, 204-сантиметровый император Пётр (ему в кино подфартило на сто процентов: Николай Симонов, Владлен Давыдов, Роман Ткачук, Алексей Петренко, Дмитрий Золотухин, Александр Лазарев, Виктор Степанов, Александр Балуев) и верный Данилыч при его 196 см – оба – для конца XVII века смотрелись гигантами. Внушительней даже, чем сейчас Николай Валуев. А что мы видим на экране? То Сергей Шакуров (рост 170, ниже среднего роста даже в наши дни) из водевильных «Тайн дворцовых переворотов». То мелкотравчато-ужимистый Майков – он же Пчёла из «Бригады» Белого – в «Тоболе». С поправкой на век/рост даже Николай Ерёменко («Юность Петра» и «В начале славных дел») низёхонек будет. И выходит, братцы, что старого-доброго Михаила Жарова в образе временщика (из довоенного же «Петра Первого») никто не переиграл!

Справедливости ради: с начала прошлого века экранного Ивана Грозного пытались увековечить многие, порою, гениальные актёры. Евгений Евстигнеев («Ермак»), Олег Борисов, Павел Шпрингфельд, Алексей Жарков. И опять же ростом не вышли. Ближе к оригиналу Иннокентий Смоктуновский, Пётр Глебов, Кахи Кавсадзе (но очень уж злобненький)... Случались и дегенеративные вариации: Пётр Мамонов в предыдущем сериале «Царь» (2009), Гоша Куценко... Но после Черкасова лучше всех, как ни парадоксально – Юрий Яковлев из кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию» и... немой Фёдор Шаляпин в чёрно-белой ленте вековой давности (1914)...

Однако только в «Грозном» (2020) физическое юродство и моральное глумление над героем превзошли все «степеня лжи» и «пределы неприличия». Зачем же принижать так грозное величие? Ведь был царь Иван Грозный ещё и...

Книжник, писатель, просветитель, музыкант...

«Ни один государь нашей древней истории не отличался такою охотою и таким уменьем поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковном соборе, с отъехавшим боярином или с послами иностранными, отчего получил прозвание *в словесной премудрости ритора*», – отмечал в своём эпическом труде историк *Сергей Михайлович Соловьёв*. А академик-филолог и либерал-любитель *Дмитрий Лихачёв* не отказал тирану в звании «*одного из самых образованных людей своего времени*» (правда, писалось это в советское время). И даже, мягко говоря, не симпатизировавший жестокому государю историк *Владимир Кобрин* признавал-таки его феноменальную память.

И это уже просто невозможно замолчать. Грозный вошёл и в русский фольклор, и в русскую литературу шестнадцатого века как один из величайших писателей, стилистов, логиков, полемистов, духовных и политических мыслителей. Он не уступил в религиозном споре католическому миссионеру и виртуозному диспутанту Антонио Поссевино, нарочно посланному в Москву (1581), чтобы сагитировать Владыку Востока к впадению в римскую веру. И снова фиг вам.

Поражает радуга талантов, кругозор познаний и широта интересов Православного государя Ивана Васильевича. Он сочинял остроумнейшие, аллегорические, на стыке сатиры и гротеска, послания своим оппонентам и политическим партнёрам: князю-ренегату Курбскому (их переписка стала хрестоматийным эталоном философско-политической дискуссии). Польскому королю и главному супротивнику Стефану Баторию. Его предшественнику на троне Сигизмунду II и ещё одному неприятелю – шведскому монарху Юхану III. Выдающемуся католическому агитатору Яну Роките и шляхетскому воеводе Григорию Ходкевичу. Забубенному любимцу, угодившему в Крымский зиндан, Василию Грязному и великой королеве Англии Елизавете I...

Лицевой летописный свод, вобравший жемчужины древнерусской и средневековой литературы – его же детище. Очевидно, царь отменно проштудировал унаследованную от бабки Софьи ценнейшую библиотеку морейских деспотатов, которая вошла в культурный обиход как загадочно исчезнувшая «Библиотека Ивана Грозного».

Иван Грозный известен как *автор текстов и музыки* к дошедшим до нас стихирам «на Сретение Владимирской иконы Божией Матери», «на преставление Петра митрополита Московского и всея Руси», «Канона Ангелу Грозному воеводе», сочинённому под псевдонимом Парфений Уродивый.

«Поверх книг желтел свиток с любимою стихирой, писанной смолоду на преставление Петра, митрополита Московского и всея Руси. Того самого, что митрополичью кафедру в Москву перенёс. Хоровые творения царя в ходу долго были. При храме Александровской слободы он даже певческую станицу завёл с великим распевщиком Фёдором Крестьянином, Ваней Носом и Стенькой Голышом. Покуда горло позволяло, сам и всенощное бдение слушал и первую статию сам пел, и божественную литургию слушал, и красным пением пел на заутрени и на литургии. Кроме Петровской, славилась стихира в честь Сретения иконы Владимирской Богоматери, спасшей Русь от Темир-Аксака (эмира Тамерлана). Осмогласие, как на Руси звали ноты, Иван украшал фитой в середине строк – там, где нужно было выделить напевные обороты»...

Стихирой называлось православное произведение для духовного пения; Иван Грозный был крупнейшим автором, а в лучшие годы и исполнителем. В хоре государевых царских дьяков состояли крупнейшие русские композиторы этого времени, пользовавшиеся покровительством Ивана IV: вспомним его капеллу мастеров красного пения из Александровской слободы.

«...Опосля «маленькой» богатырская грудь царя круто пошла на взъём, губы разверзлись, и оттуда густо и звучно пролилось: «Но ради пребременныя славы самолюбия сладости мира сего все свои благочестия душевные со крестьянскою верою и законом, поправ еси, уподобил семени, падавшему на камения и возросшему и воссиявшему солнцем со зноем, абие словеси ради ложнаго соблазнился еси и отпал еси, и плода не сотворил еси, еже убо воссиявшее слово Богу истинному и к нам прямо службу еси...»

Во как! Государь завёл лучшую свою стихиру на преставление Петра-митрополита******. Щелкалов знал, сколь жидок и жалок его, дьячий, пискун. Иван-то был ревнителем «красного пения». Но также верно, любил он и тех, кто знает творения его на память. Дьяк прозорливо заучил в своё время всё, писанное государем. И теперь его слабый визглячок влился в велико-княжеский малиновый распев так, как ржавь оттеняет серебро. Радостный царь хлопнул его по плечу, прижал к груди. Водка зерновая была доброй – брала и на морозе. Вдруг песнь на выдохе задребезжала. Всё чаще поклёвывая, царь бубнил внятно, но бессвязно и, значит, можно уж не брать на ум для нового указа, – разве вот мотать на ус»...

И вот тут я с вашего позволения спрошу: а кто такой некий Щелкалов, что в сериале Андрианова представлен то ли дьяком (каким?), то ли трусоватым шутом, коего Иван Васильевич в моменты редкого прозрения нудит записывать хронику «Жития своя».

...И некто Щелкалов

«Последним ступил дьяк Андрей. Не худ – не плотен, не низок – не высок. Не тих – не звонок, не гладок – не шершав. Бесцветен и незаметен. И дела вёл так, как говорил: нудно, но ровно, скучно, но толково. Речь: без сбоя и надрыва, швов и шишек, – тем и отличался от прочих царёвых докладчиков. Ничто его с цели не могло увернуть. В лице тоже приметного мало, кроме носа. Тот как бы сам всему брат: не дышал, не сморкал, не нюхал, а тихо, но полно жил жизнью вольною, правя целиком всем человеком. Без соплей и без насморку. Одет неброско: мутно-травный кафтан, больше по виду подрясник. Вместо сабли у пояса – писчий прибор, в руке – посох-кульган. Почитай, третий уж год похрамывал Андрей, и это был единственный изъян в облике и в списке послужном. А виной – Кесь, он же Венден окаянный, где взялся дьяк воеводить – полками хороводить. Оттуда с щёлкой в пятке бежал, оставив поляку знатную поживу и тыщу душ православных. Царь простил. Ссылка-то известная – «измена, вот и проиграли». Да и заслуг дьяковых, не в пример, больше поражений».

Итак, просим любить и жаловать: *Щелкалов Андрей Яковлевич* (+ 1598), виднейший русский государственный деятель, блистательный дипломат, думный дьяк (министр) – глава Посольского приказа (МИД), заправлявший внешней политикой Московии в конце правления Грозного и при его сыне Фёдоре Иоанновиче. Всего добился сам, происходя из худого рода. Но был также и родной его брат *Василий Щелкалов* (+1609). Имена обоих упоминаются в Тысячной книге (1550) и Дворовой тетради 1552 года. Оба возвысились с начала 1570-х. Как и брат, Василий Яковлевич заправлял внешней политикой, причём значительно дольше Андрея Яковлевича. Думным дьяком Посольского приказа Василия назначили 30 июня 1594 года, когда старший брат Андрей был отставлен и ушёл в постриг. С 1595 года Василий Щелкалов ещё, параллельно, и Печатник. Влиятельнейшие политики эпохи, Щелкаловы всеми силами препятствовали усилению английского влияния на Москве. Далеко глядели, однако! Какого же Щелкалова имели в виду авторы «Грозного»? И ведомо ли им, вообще, о наличии двух братьев-дьяков? Дичайший образчик демонстративного невежества.

И тут я о своём! Сцена с пением стихиры Иваном Грозным и слабеньким подвывом Андрея Щелкалова мной написана в 2013 году, свет увидела в журнале «Русское эхо» (2014), публиковалось в интернете, в т.ч. на сайте РП. Так вот, в сериале «Грозный» я услышал и увидел жалкое её подобие, если не сказать пародию, где жидёхонько наскуливают уже оба: безголосый (это бывший-то краснопевщик!) Грозный и робкий прихвостень «некто Щелкалов»...

После такого (!) меня уже не «терзали смутные сомнения» даже, когда вдруг обнаружил поразительное сходство обложки первого тома моего «Московита и язовита» (издан в 2016-м), разработанной Ириной Кремена, с афишей «Грозного», что воспроизведена в статье Ю. Щербакова. Да ведь те же ракурсы и пропорции, профили и даже посох – посерёдке. Только вместо нижнего левого бородача (у меня папы Григория), здесь – 32-летний дряхлячок Иван Грозный...

Ляпов, как уже говорилось, в «Грозном» не счесть. Отмечу один из самых отвратительных, безграмотных – исторически непреложных. Речь про свадебный пир и прочие «посиделки районных братков 1990-х» в как бы боярских прикидах. Ну, а как на самом деле 400 годами ранее пировали и какие церемонные ритуалы блюли стольники царские да гости кремлёвские?

«...По лестницам металась челядь. Суматошная внизу, наверх она влетала с чинной отработкой каждого шага, движения, вздоха – стремительно, но размеренно. Приказ Большого дворца походил на стронутый улей, все дворы: Хлебный, Сытенный, Житенный и Кормовой, – сбились с ног угодить царю и гостям. Жареные лебеди на ночвах-подносах, цельные кабанята, гуси и индюки с начином… Гусеницей вползали блюда с пирогами: трубчатые левашники с требухою, подовые – с рыбным и мясным харчем, пряженые – с кислым сыром и зеленью. А следом неслись вина: романея с ренским, мушкатель с мальвазией, взвар на корешках с гречаной медовухой, монастырский тягучий бастр с вязким хунгарским кагором... А под них на золотую скатерть распихивались приборы: серебряные кубки и бронзовые чаши, воловьи рога с оковкой и сердоликовые чарочки.

Ходко завертелись две сотни служивых жильцов. Все, как один, с золотыми цепками на парчовое платье, при саблях и бердышах, перекрывали они дворец и переулки, задолго до подходов к Кремлю не оставляя ни щели, ни доступа. Такой уж день выдался: с первого часа заседала Дума боярская. А значит, после обеда пировать начнут.

Набрякшие от пота, животастые, важнячие думцы собирались в большой палате царских хором. У каждого – своё место на одной из протянутых к трону скамей. Царя не было. Лишь слева от трона поставец пустой – под «яблоко» державное. Но никто не смел спросить: где, когда? Велено собраться, а уж сколько ждать, Богу весть...

...Дума была недолгой. Царь с сыном Иваном с подачи начального дьяка Посольского Приказа Андрея Щелкалова приговорили: отправить тайно Варяжским морем и немецкими землями через Прагу в Рим лёгким гончиком младого парубка Истому Леонтия Шевригина, из рязанских детей боярских. Цель поездки – склонить императора Рудольфа и папу Григория на сторону Московии, дабы пресекли влиянием своим военные злодейства Стефана Батория, короля польского, супротив Руси. На бумаге всё это звучало длиннее. Дума беспрекословно утвердила решение Рюриковичей. А потом был долгожданный пир, на котором царь, к общему удивлению, призвал к себе никому неведомого парубка рязанского. Услыхав своё имя, Шевригин, подготовленный Щелкаловыми, всё одно растерялся. Спаси Бог Василия Яковлевича, за дверьми с ним оставленного: в бок толкнул.

И вот всё ближе, ближе... Царь с возвышенного стула смотрит на парубка, парубок смотрит на царя. Глаз погорчило слезой. Истоме не впервой видеть царя, и всякий раз обмирал от волнения. Но чтобы вот так: глаз в глаз?! Это было счастье, ничем не заслуженное и никакой наградой не оплатное! Для русского человека, особливо дворянского сословия, не было в свете более великого мужа, чем царь. И не было чести выше, чем голову свою отдать по первому царскому слову. Государям Московским повезло на народ – в самой дальней и райской чужбине русский отчаянно, до хрипа твердить будет, что нет в мире никого милостивей, добрей и великодушней, чем его государь. И никакая дача не стоила ласкового царского слова.

...Замедляя шаг, как учили, Истома, не пряча глаз, опустился на колени и лишь потом склонил голову. После третьего указа голова оторвалась от пола. Государь пырнул зрачками – в человеке нет ничего верней и правдивей первого его взгляда. Взгляд парубка пришёлся по сердцу. В очах и в осанке ни капли подобострастия или страха. Лишь – ожидание и любовь. Такая открытость глянулась Грозному. Не подкачал Щелкалов, Годунов не обманул. Да и сам ты в выборе, видать, не промах, поел соли, чтоб силу альбо слабину раскусить. Надёжный добр молодец! А что не знает языка, так сдюжит в остальном. Силушка так и прёт, здоровьем пышет, глаза умные и без задирства. Таких среди ближних и знатных – раз-два и обчёлся: повышибало. Иван мизинцем повёл: подь-ко. Шевригин приблизился. «Встань, Истома!» – молвил Иван Васильевич так тихо, что расслышал самый дальний застольник. Царь протянул руку, Шевригин припал губами. Он не замечал ни старости лица, ни серости кожи. Перед ним был Отец Земли, за которого теперь хоть в пекло. Иван поманил кравчего, что-то шепнул. Тот зычно воспроизвёл: «Сыну боярскому Шевригину Леонтью жаловано место на третьей скамье». Гул порывисто встряхнул залу. У Истомы горели уши, а в них хрустел и перекатывался жар. По счастью, нашлось, кому указать и провести. Он, убей Бог, не вспомнил после, с кем сидел, но то, что «гуси» не мелкого полёта, – сомневаться не приходилось. Рязанский и тут не смешался: стать позволяла, а вызова сызмалу не боялся, как и отец Шеврига. Ел и пил, не чуя, а потому не много. Лишь временами от кравчего доносило: «Арсений-ста, великий государь жалует тебя чашей!» После таких слов к пресловутому Арсению подскакивал чашник в расписной белой рубахе с ковшиком. Бледнея либо краснея, счастливец выпивал до дна и низко кланялся, а чашник звонко извещал: «Арсений-ста выпил чашу государеву и государю челом бьёт!» – «Димитрий-ста выпил чашу государеву и государю челом бьёт...» – «... челом бьёт... жалует тебя чаркой... челом бьёт... жалует тебя чаркой... челом бьёт... Жалует тебя чаркой!

Шевригин вздрогнул от «шила» в локоть. Теперь только в ушах аукнулось: «Леонтий-су, великий государь жалует тебя чаркой...»*******

Вместо Эпилога, или Нос на месте зада

А что на этот счёт в кине? Увы и ах, содом и срам. Ну, отчего, скажите, у нас дураки и дилетанты, бездари и безобразники, манкурты и мизантропы снимают о русской великой и невесёлой истории любую чушь и похабель, не соизволив даже ознакомиться с подлинными обрядами предков из заботливо собранной историками, писателями, художниками и охранённой кладовой?

...Иван Грозный скончался 436 лет назад (1584). 14 лет спустя (1598) династия Рюриковичей приказала долго жить, ещё через семь годков пресеклась нелегитимная династия Годуновых (1605). А дальше – Смута. Но Смута началась вовсе не потому, что её заварил царь Иоанн. Скорее, наоборот, Смута потому и началась, что до сроку умерщвлён был великий царь, в узде державший и свору боярскую и внешнего врага укрощавший. А перед тем ухищрённо в могилу свели его достойного наследника – Ивана-царевича. И набежали на Русь безголовую не серые волки, а гиены с шакалами, одно могущие: рвать, рвать, рвать падаль, да слабого...

Но завет оставил ли нам Иоанн Великий, он же Грозный? Может быть, этот: «Бойтесь безродной семибоярщины/семибанкирщины. От этих все беды для Руси».

А ещё – урок в полвека долготою, как, не имея и сотой части советского потенциала, задать стране вектор воздвижения в веках ни на кого не похожей цивилизации – Россия-СССР: «Люби Русь и народ свой; твёрдо ступай; волю имей стальную; веру православную не сдавай; вражьею хвалой не обольщайся; ответ, слово дав, сам держи и с других спроси – по делам его. По делам и награда»...

Эх, Ивану бы Васильевичу – у нас имеющееся, не говоря про утраченное советское...

Ответ держи... Ответа нет... И Грозных...

Я долго не мог понять, что же так напрягает – угнетает даже при явлении Грозного «а ля Маковецкий». Вдруг осенило: НОС! Не Грозного Нос — и не Маковецкого. Белый, восковый, ненатуральный – мёртвый... Как у Милляра в образе Кощея иль Бабы-Яги. И нет опять: там он гармоничней. Там – сказка...

Вот оттого подтекст куда зловещей: сей мёртвый НОС – совсем не лишний в маскараде левой лжи. Отнюдь! – он её знак и символ – её метафора. НОС, как убежавший не в тот жанр, тот самый – гоголевский – засланец. Беда, что занесло беднягу из сатиры в драму. И вышел фарс. С чего? С того, что Нос майора Ковалёва не по размеру носу сценариста. А потому:

«И кто ж здесь царь?

– Я, мёртвый НОС»...

Занавес.

Зрители: «Фильм неживой и царь мертвецкий».

Пояснения и справки

Для вящей иллюстративности в статье цитируются фрагменты 1 тома моего романа «Московит и язовит» (2012-2014).

Из перечня приблизительно 300 исторических источников, научных работ и справочной литературы, использованных при работе над романом, автор рекомендует, пускай и полярные в оценках, но оттого и потому, следующие труды исторические про Ивана Грозного и эпоху следующих авторов:

— Николая Карамзина и Сергея Соловьева, Василия Ключевского и Николая Костомарова, Казимира Валишевского и Павла Пирлинга, Георгия Форстена и Витольда Новодворского, Дмитрия Иловайского и Александра Нечволодова, Николая Лихачева и Дмитрия Лихачёва, Роберта Виппера (!) и Сергея Платонова...

— Сергея Веселовского и Георгия Вернадского, Георгия Федотова и Михаила Алексеева, Льва Черепнина и Александра Зимина, Сергея Шмидта и Руслана Скрынникова, Вадима Кожинова и Игоря Фроянова, Ивана Смирнова и Вадима Каргалова, Анны Хорошкевич и Натальи Прониной...

— Бориса Флоря и Владимира Королюка, Александра Филюшкина и Виталия Пенскова, Николая Рогожина и Леонида Юзефовича, Дмитрия Володихина и Александра Бушкова, Сергея Фомина и Валерия Шамбарова, Анри Труайя и ...

Из историко-документальных источников по теме я бы выделил книги:

«Памятники сношений Древней России с державами иностранными по высочайшему повелению изданные II Отделением Е.И.В. Канцелярией» в 10 томах, – Санкт-Петербург, 1851.

Джером Горсей «Записки о России XVI – начало XVII в.». – М., Изд. Московского университета, 1990.

Вальтер Делиус «Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве», «Аграфы», Москва, 2005.

Дж. Флетчер «О государстве Русском» – в кн. «Накануне Смуты. История Отечества» – М., «Молодая гвардия», 1990.

Поссевино А. «Исторические сочинения о России XVI в.». / Пер., вступ. ст. и комм. Л. Н. Годовиковой. – М: Изд-во МГУ, 1983.

И особенно: Е.Ф. Шмурло «Курс Русской истории» в 4 томах, «Алетейя», Санкт-Петербург, 1998-1999.

Из последних: изыскания Игоря Дубровского, открывшего свод из сотен уникальных документов о дипломатии Ивана Грозного 1-й половины 1580-х гг., в т.ч.:

«Новые документы о России Ивана Грозного» // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XI. М., 2012, с. 25–58;

«Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном» // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013, с. 7–72;

«Архивные материалы о русских посольствах в Италию в конце Ливонской войны (Памяти Е.Ф. Шмурло)» // Средние века. Вып. 75 (1–2). М., 2014, с. 171–191;

«Политика папства в отношении Московии: черновики инструкции Поссевино» // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XVI. М., 2014, с. 19–96;

«Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга» // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XVIII. М., 2015, с. 74–217.

Из списка достоверных авторов исключаю навсегда Тимура Эзугбая. Грузин, попробуй-ка состряпать столь же «уважительные пассажи» про царицу Тамар, Давида Строителя или, на худой, конец – Шеварднадзе и этого, который обещал галстук скушать, да так и не сожрал. Тогда – по тимке шапка... но не мономахова...

---

* Название статьи — и есть первая ассоциация с пасквилянтской премьерой в 1999 году на самарской сцене оперы С. Слонимского «Видения Иоанна Грозного» в постановке М. Ростроповича и Р. Стуруа, против которой восстала вся патриотическая общественность, зато прибыли похлопать послы аж 6 зарубежных стран.

** «Главный у них [русских] муж, наиболее употребляемый в военное время» – так аттестовал Д.И. Хворостинина в книге «О государстве Русском» (1588-1589) английский посол Джайлс Флетчер. Историки выделяют необычайную частоту битв и походов «кавалера трёх золотых рублей» от царя Ивана Васильевича Хворостинина, а также рекордное количество местнических тяжб против него» (22 с 1572 по 1590 годы – в среднем каждые восемь месяцев), подсчитал в книге «Воеводы Ивана Грозного» Дмитрий Володихин, доктор исторических наук.

*** Селим I Явуз (Грозный или Свирепый; 1465-1520) – девятый султан Османской империи (1512–1520); правление начал с казни всех родственников по мужской линии, способных претендовать на султанский престол (возможно, и отца Баязида II). В 1513 году вырезал в Анатолии до 40-45 тысяч шиитов в возрасте от 7 до 70 лет. В 1517 году при ночном штурме Каира было «зачищено» до 50 тысяч жителей и в назидание показательно обезглавлены 800 мамлюкских беев! Вот такими методами «турецкий Грозный» увеличил площадь Оттоманской империи на 70% – до 1,5 млн. км².

**** Цитируется по книге: Джером Горсей «Записки о России XVI – начало XVII в.». – М., Изд. Московского университета, 1990.

***** Покляп (старорус.) – горбун, сутулец.

****** «Но ради обременныя славы...» – дословный текст стихиры Ивана Грозного на преставление Петра-митрополита воспроизведён при прослушивании диска «Стихиры Ивана Грозного в исполнении Мужского вокального квартета под художественным руководством Игоря Воронова» (2 диска, «Мелодия», 1989).

******* «Арсений-ста... Леонтий-су» – частица «–ста» означала высокий род выкликаемого, «-су» – разряд попроще.

30.11 – 2.12.2020

Сильный голос Георгия Кольцова

О книге стихотворений «Неизбывная сила родства» /Иркутск, 2020/

Георгий Николаевич Кольцов родился в 1945 г. в селе Буреть, Боханского района, Иркутской области. По окончании школы работал учителем физкультуры. Проходил службу в рядах Советской Армии, в Забайкалье, в Читинской обл., ст. Безречная. Затем поступил в Литературный институт им. Горького, где обучался в семинаре известного поэта-песенника Л. И. Ошанина и в 1976 году успешно его окончил.

Участник знаменитого Читинского совещания писателей 1965 года, 6-го Всесоюзного совещания молодых писателей, один из авторов сборника стихов «Зёрна», изданного по итогам Читинского совещания (1966 г.), персонального сборника стихов «Корни кедра» (Иркутск, 1975 г.). Его произведения печатались в ряде Всесоюзных и региональных изданий: «Советский воин», «Звезда», «Пограничник», «Студенческий меридиан», «Смена», «Сибирь», «Сибирские огни» и др. В 1983 в альманахе «Истоки» издательства «Молодая гвардия» публикуются лучшие его стихи, а после трагической гибели моего брата в 1985 году – ещё одна подборка его стихов. Память о Георгии Кольцове жива в сердцах его друзей по поэтическому цеху. Свидетельство этому – публикация его стихов в журнале «Сибирь» в 2015–2017 гг. К 70-летию со дня его рождения была выпущена мной и переиздана в 2017 году книга стихов под названием «Спасательный круг». В 2018 году напечатаны стихи в журналах «Берега» и «Молодая гвардия». В 2019 году выходят стихи в журналах «Парус», «Дон_новый», «Союз Писателей», «Сибирский Парнас», «Александръ», «Слово Забайкалья», «Доля», альманахе «Рукопись». В этом году ожидается публикация не только на страницах журналов в России, но и за рубежом: журналах «Эрфольг» (Германия), «Новый Свет» (Торонто, Канада), «Жемчужина» (Австралия), альманахах «Новый Континент» (Чикаго, США), «Связь времён» (Сан-Хосе, Калифорния, США) и «Витражи» (Израиль). Эти публикации, на мой взгляд, говорят о высоком уровне профессионализма в творчестве моего брата как поэта.

Я уверен, что эта книга вызовет большой интерес среди любителей и почитателей творчества моего брата поэта Георгия Николаевича Кольцова.

Александр Кольцов,
брат поэта

Стихотворение логично тяготеет к последней строчке, могущей стать кульминационной, что не исключает, конечно, вспышек-чудес внутри других строф и строк; так и жизнь можно определить, как движение к смерти, сколь бы это ни было печально, но стихи о смерти, о ритуалах, её сопровождающих, точно определяют меру одарённости поэта.

Жизнь торжествует в разномастном гуле,
Где вздохи вдов порою не слышны...
В большой эмалированной кастрюле
Замесит мама
Тесто на блины.

И соберет соседок и знакомых,
Запрячет под косынку седину.
А тёплый блин
Вдруг встанет в горле комом,
Когда я на собравшихся взгляну.

Стихотворение «Поминки» Георгия Кольцова разворачивается плавно: с тою неспешностью речи, какая свидетельствует о вдумчивом, глубоком отношении к жизни и... смерти; оно собирает многое, как в корзину бытия: и отчаяние, естественное при соприкосновении со смертью, и ощущение прорехи в воздухе, остающейся после уходящего; и даже тёплую домовитость блинов: пусть и поминальных.

Георгий Кольцов обладал хорошим, сильным поэтическим глазомером, позволяющим определять точные соответствия предметов и явлений бытия; качество, делающее стихи серьёзной летописью жизни и исключающее варианты словесных игрищ, столь популярных в наше время.

Родословная засияет опавшими листьями былого: которые, в сущности, дают новую, бесконечную почву, и – в конце концов – что может быть таинственней ветвления рода?

Сколько смешано судеб
И различных кровей!
Добираюсь до сути
Родословной своей.
Дед родился в Николу.
И один на один,

Был пока ещё молод,
На медведя ходил.
Шкуры в старом сарае
Много лет берегли.
От него, Николая,
Николаи пошли.

Род развернётся множественностью подробностей, обеспечивающих современность, и стихотворение, стянутою дугой всеобщности, вольётся в мир, повествуя о великом течении жизни.

...Русь поселковая, сокровенная, всё более и более уходящая вдаль, широко раскрывается в поэзии Кольцова: она живёт грустью скорее, нежели радостью, но она же живёт тою тайной земли, какой не могут противостоять все технологические изощрённости предложенных нам времён.

...ибо теплоту и насущность хлеба и крова никто не отменял, и ничто не отменит.

Мерцают острые картины охоты; «Песня о погибшем шофёре» развернёт полотнище памяти...

Порою стихи Кольцова кажутся столь естественными, будто это фрагменты коры – с начертанными на них письменами на праязыке, который понимают все: и люди, и деревья, и птицы, и животные.

Высокая естественность речи, хорошая огранка стиха, душевность, которую ничем не заменишь, организовывали поэтический свод Георгия Кольцова, и чуткое сердце найдёт в нём много духовно питательного, необходимого для жизни души...

Александр Балтин, член Союза писателей Москвы (автор 84 книг и свыше 2000 литературоведческих публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США).
Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

……

Георгий КОЛЬЦОВ

«Неизбывная сила родства»

Родословная

Сколько смешано судеб
И различных кровей!
Добираюсь до сути
Родословной своей.

Дед родился в Николу.
И один на один,
Был пока ещё молод,
На медведя ходил.

Шкуры в старом сарае
Много лет берегли.
От него, Николая,
Николаи пошли.

Но отец мой в атаке
Был сильней во сто крат.
Выходил он на танки
Со связкой гранат.

А без вести пропавших
Сколько в нашем роду?..
По следам землепашцев
И служилых иду.

Не сгибались под ветром,
Не боялись огня.
В честь их
Именем светлым
И назвали меня.

Ну, а если я струшу
В горьком беге минут,
Мёртвых прадедов души
Пусть меня
Проклянут.

Поминки

Жизнь торжествует в разномастном гуле,
Где вздохи вдов порою не слышны...
В большой эмалированной кастрюле
Замесит мама
Тесто на блины.

И соберёт соседок и знакомых,
Запрячет под косынку седину.
А тёплый блин
Вдруг встанет в горле комом,
Когда я на собравшихся взгляну.

Там, за окошком,
В этот вечер глуше
Шумят листвой осенние леса.
Помин души погибшего отца.
Она в мою переселилась душу!

Я разолью,
Как требует обычай,
Настойку, что от выдержки светла.
О коробок сломаю уйму спичек,
Прикуривая около стола.

***

Земля от слёз почти просохла
И в незабудках зацвела.
Но вдовьей памятью посёлка
Здесь безотцовщина была.

И не единожды я слышал
Старух незлые голоса,
Что, мол, ни в дедушку не вышел
И ни в покойного отца.

А я, с мечтой о доле лучшей,
Похожим быть на них хотел...
Шёл по земле век революций
И потрясений,
И потерь.

И мне пришлось в квадратах стрельбищ
С упора и в упор стрелять...
Двадцатый век,
Ты мягко стелешь,
Да на перинах жёстко спать.

Маньчжурия

И сквозь века
Я слышу гик погони
И вижу пепелища городов...
Пасутся неосёдланные кони
В низинах сопок,
Словно у шатров.

А степь вокруг,
Как выжженная крепость,
Пылится под набегами ветров...
Солёные озёра в местный эпос
Входили очертанием подков.

На поле брани вдовы голосили.
Тот стон был слышен рядом и вдали.
И не было беды невыносимей
С момента сотворения земли.

Красивых русокосых полонянок
Монголы гнали с гиканьем в Орду.
Неся беду другим в тугих колчанах,
На свой же род
Накликали беду.

И чёрная Орда, не золотая,
Ещё представить даже не могла,
Что, как бы высоко ни залетала,
Всегда на землю падает стрела.

И, описав дугу,
Стрела находит,
Выходит так,
Не только лишь врага...
Коню – нести кочевника в походе,
А жёнам – тосковать у очага.

Сирота

Палисадники, Пихты –
Станция Юшала.
У него из родных тут
Лишь Россия была.

Он с котомочкой тощей,
Как взрывною волной,
На вокзальную площадь
Был отброшен войной.

И под небом весенним
В сорок трудном году
Зарабатывал пеньем
Он себе на еду.

Пел он плохо и жалко.
Но плясал – как цыган!
Мурашами бежали
Цыпки вверх по ногам.

Мог сыграть и на ложках
О ладошку руки.
В кепку падали гроши,
Звякали медяки.

Вся в мазуте и саже
Телогрейка была.
Тётя Нюра однажды
В дом его привела.

Тётя Нюра в ушате
Замочила бельё...
То ли брызги на платье,
То ли слёзы её...

***

Зимой мне снятся часто
И внезапно Село,
Весна
И время быть грачам.
Но, скомкав сны,
Врываются в казармы
Сиреною
Тревоги по ночам.
Скрежещут траки,
Вздрагивают дула.
Мгновенно пирамиды все пусты.
И месяц
Разводящим караула
Созвездия разводит на посты.
Легко скользнёт по башне
Первый лучик,
Ведь путь машин лежит
Навстречу дню.
И тают на трансмиссии беззвучно
Снежинки, оседая на броню.

В родном краю

Настырно вклинившись в тайгу,
Рекою выгнута в дугу,
Стоит деревня в Приангарье
На крутояром берегу.

Умеют сети там вязать.
А рыбаки,
Как век назад,
Семь раз отмерят или взвесят
То, что намерены сказать.

В реке холодная вода.
Над ней зажглась моя звезда.
Под той звездою
Мужикам я
Перечил даже иногда.

Там на подтаявшем снегу
Цветёт сиренево багул.
Там что-то большее осталось.
А что?
Припомнить не могу...

Проза

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Георгий КАЮРОВ
г. Москва
Секретарь Высшего творческого совета Союза писателей России, член Славянской литературно-художественной академии (Болгария). С 2009 по 2016 главный редактор литературно-художественного журнала «Наше поколение» (Кишинёв).

Жучка

Рассказ

Последние несколько лет Панкрат Лукич девятого мая надевал старенькую выцветшую гимнастёрку, на которую были прицеплены две медали и орден Красной Звезды, и садился на лавочку у своего двора. Затем отстёгивал от левого колена новенький деревянный протез, прятал его за лавкой и только потом надевал пилотку. Из нагрудного кармана доставал пожелтевшую карточку с потрёпанными от времени краями.

Всё это мне предстояло увидеть лично и познакомиться с ветераном, а пока за окнами автомобиля проплывали изумительные пейзажи Молдавии – ехал в обычную творческую командировку.

На юге Молдавии я бываю часто: собираю материалы о нравах и традициях жителей Бессарабии. Встречают всегда доброжелательно. Так было и в этот раз. Председатель сельсовета прикрепил ко мне общительную, – я бы даже сказал чересчур – свою сотрудницу Меланью Дмитриевну. За полдня мы с ней успели посетить несколько семей, в которых жили старики старше девяноста, помнившие много интересного. Выслушав уникальные свидетельства и всё скрупулезно записав, я готов был отправиться в обратную дорогу. Возвращаясь к сельсовету, Меланья Дмитриевна развлекала меня деревенскими сплетнями.

– Желималайка! Доброго дня! – неожиданно выкрикнула моя спутница, когда мы поравнялись со странным стариком, с описания которого я начал рассказ. Тот только помахал в ответ какой-то пожелтевшей бумажкой и по-детски прищурился в улыбке.

– Кто это? – поинтересовался я.

– А-а, наш ветеран, – помахав в ответ рукой, пояснила женщина.

– Что за странное прозвище – Желималайка? – мне что-то подсказывало: нельзя обойти вниманием этого старика, как выяснилось, ветерана Великой Отечественной войны.

– Такая у него фамилия – Желималай, – охотно пояснила женщина. – То ли турецкая, то ли гагаузская, бог его знает. Хотя всё одно и то же.

– Семья у него есть?

– Была. Вдовый он, – останавливаясь и глядя на старика, отвечала моя провожатая. – Дочка с зятем живут в столице. Все Желималай. И внучка, Оксанка Желималай, работает где-то в банке, кассиром, что ли? Не знаю точно.

– Как же фамилия зятю перешла? – удивился я.

– Попробовал бы не взять, – больше выдав мысли вслух, проговорила женщина, а для меня пояснила: – Дочка у Желималайки баба что надо. Всё у неё в кулаке, в бабку Лукерью, мать Желималайки, пошла характером и нравом, – с гордостью за весь женский род с охотой рассказывала женщина. – Её, старый Желималай, отец Панкрата, откуда-то из Сибири привёз – настоящая была русская баба, – и уже с лукавинкой в глазах тише добавила: – Да у Славки фамилия была не звучная, не совсем мужская – Попа. Лучше уж Желималай.

– А где он воевал? – меня стала занимать судьба старика, сидящего напротив и словно нас не замечающего.

– Да какой он вояка?! – с иронией продолжала женщина. – Две медальки и орден весь ошколупался. Вон у нас ветераны: как покажут по телевизору, вся грудь в медалях и орденах, места свободного не найти. На солнце сияют, как новогодние ёлки, – протараторила Меланья Дмитриевна и тут же прокричала ветерану: – Костыль новый надел?

Тот, снова смешно скривившись, заулыбался и немо закачал головой, помахивая всё той же бумагой.

– Не только фамилия – и сам странный человек, – с иронией в голосе усмехнулась моя спутница. – Сделал пять лет назад новый костыль и только раз в году, на праздник, надевает, а круглый год ходит в стоптанном, старом.

– Вы пока ступайте, – мне не хотелось больше слушать хоть и забавную, но всё-таки вздорную бабу. – Я дорогу найду.

– Желималайка! Встречай! К тебе гости! – убегая, прокричала женщина. – Писатель из столицы!

– Ступайте! – с лёгким раздражением выпроводил я помощницу.

Известие о том, что к нему идёт писатель, ободрило ветерана: он приосанился и уже не сводил с меня прищуренных глаз.

– Можно? – показал я рукой на свободный край лавочки.

– Будьте любезны, – с достоинством пригласил Панкрат Лукич и, погладив домотканую дорожку, застилавшую скамейку, показал, куда я могу сесть. – Это ещё моя жена покойница ткала.

Ветеран оказался словоохотлив. Рассказывал интересно и красочно. Я едва успевал записывать. Всю беседу меня не оставляла мысль о фотографии, которой размахивал старик, подкрепляя свои слова, и которую поначалу я принял за листок бумаги.

– Что это за фотография у вас в руках? – наконец не выдержал я.

– То моя боевая подруга, – с гордостью произнёс Панкрат Лукич и долгим взглядом посмотрел на изображение, а потом постучал фотографией по груди и сказал: – Это её орден! – и задумался.

Я старался не мешать, терпеливо ожидая, когда же старик похвалится своей боевой подругой. С большим интересом разглядывал лицо собеседника. Неожиданно он оживился, словно что-то вспомнив, и повернул ко мне фотокарточку. Не стану скрывать – я пристальнее всмотрелся в глаза старика: всё ли у того с головой в порядке? Со снимка на меня смотрела безобразного вида пучеглазая собака.

– Это моя Жучка, – с гордостью сказал он, оставляя меня на время в недоумении.

– На фронте я был кинологом, – начал Панкрат Лукич, удовлетворившись произведённым эффектом. – Со всей страны к нам свозили собак. В основном овчарок, но и другие породы попадались. Мы их дрессировали под танки мины подкладывать. Такой приказ был, – пояснил рассказчик, словно оправдываясь. – Наших солдатиков берегли. А нам каково? Только к очередной собаке привыкнешь, а тут на смерть её посылать. Каждая радуется перед заданием: скулит, скачет, рвётся исполнить всё, что прикажет инструктор, а не догадывается бестолковое животное – на смерть идёт. Мы же их как тренировали? Надевали пояс на грудь, и пёс должен под танк подползти и замереть. Для дрессировки использовали подбитый «тигр», были и самоходки, но в основном «тигры». Выполнила задание – получай лакомство: колбасу или сахар. На боевое задание отправляешь пса, а сам места себе не находишь: он же думает – всё это игрушки: выполнит, что приказано, и прибежит за лакомством, – старик тяжело вздохнул, чтобы перевести дыхание. Было видно – и спустя годы ему тяжело об этом вспоминать.

– Как-то прибилась к нам дворняжка, – продолжил он. – Чтобы коротко описать её, так скажу: когда Бог делал собак, то на ней решил отдохнуть. Коротконогая, пучеглазая, прикуса нет, тело длинное, уши в разные стороны. Тьфу, а не собака! Вот оно, творение божье, – и ветеран снова протянул мне фотографию. Убедившись, что я внимательнее рассмотрел и удостоверился в его словах, продолжил: – Я сразу смекнул: сука. Наши кобели уши навострили и рвутся вроде как в драку, но вижу: настрой у них не забиячный. Думаю, нам ещё приблудной суки не хватало в подразделении, своих о двух ногах мало, – глядя на меня с прищуром, старик хитро заулыбался. – В общем, прижилась она у нас. Стали подкармливать. Собаки наши были на полном армейском довольствии, – важно подняв палец, уточнил Панкрат Ильич. – Нам могли урезать, а собакам полный пансион: и мясо, и каша, и погулять, – старик покачал головой, словно соглашаясь с командованием, и продолжил: – Прозвали мы её Жучка. Жила сама по себе, но каждый раз вместе со всеми выходила на плац. Как-то с моим помощником заметили: наша Жучка всё повторяет за кобелями. Те ползут, и она ползёт. Те подбегают надевать нагрудник, и она подходит и так в сторонке стоит рядом, навроде как, чтобы заметили и ей надели, а потом вместе со всеми кобелями ползёт под танк. Только наши кобели ползут под сам танк, а ей места нет, так она приноровилась и подползает сбоку, ложится у гусеницы и замирает. Делает всё как положено по науке дрессировщицкой. Морду кладёт на лапы и даже глаза закрывает. Вроде как удовольствие получает.

Напарник мне и говорит: «Лукич, надень-ка на неё нагрудник, посмотрим, как выполнит задание». Как же на неё овчарочий нагрудник надеть, если наша Жучка любой овчарке по колено. Решили мы пошить для неё специальный нагрудник, по её убогому размеру. Подумали, пусть божья животина развлекается.

Никогда не забуду, сколько было визгу и лая, когда мы надели на нашу Жучку её личный нагрудник. Она скакала и лаяла так, что собаки во всех вольерах всполошились и подняли такой лай, что мы их насилу угомонили. Тут мой напарник снова пристаёт: Лукич, говорит, давай проверим, как справится с заданием Жучка. Недалеко от нашего подразделения, на опушке, стоял подбитый немецкий танк. Давай, говорит, отправим Регдая и Жучку: кто первый подложит мину, тот и победил. Регдай – это был наш самый лучший пёс из племенных немецких овчарок. Команды выполнял безупречно. Мы его всё придерживали, не отправляли на задание. Жалко было, хорошая собака. Потехи ради решили: пусть мужики позабавятся. Война кругом, радости какой мало. Снарядили наших воинов... – неожиданно рассказчик умолк и долго смотрел вдаль, словно желая заглянуть в прошлое. – Вот что важно: чтобы пробраться к тому танку, надо было речушку переплыть. Она в низинке протекала, мы туда за водой ходили. Для человека незначительная, по пояс, а для собаки – преграда. Думаю, утонет наша Жучка в этой самой речке. Нагрудник утянет на дно. Мы же всё решили сделать по-настоящему, как положено: по весу мины закрепили мешки с песком, – ветеран с любовью посмотрел на фотографию и воскликнул: – Ох ты, моя дорогая! В общем, дали команду. Собаки приготовились. Смотрю на Жучку, а она с меня своих выпученных глаз не сводит. Подумал,

поняло животное, что на глупую смерть посылаем, сказать не может, бессловесная тварь, так корит взглядом. Отвернулся от стыда и крикнул: вперёд! Рванули с места наши собаки. Регдай голову пригнул, к земле прижался и рысью напрямик к танку. Жучка же, ушами по ветру размахивая, куда-то в сторону как дала стрекоча. В траве утонула, только след виден – так стремительно неслась. Летит пулей, но не к танку, а вбок. Всем подразделением потешаемся, а я про себя думаю: и слава богу, жива останется скотина. Регдай уже скрылся из виду, значит, спустился к речке, глядим, и Жучкин след простыл. Ребята наши выглядывают, на той стороне ищут Регдая, про Жучку даже не думают. Все болеют за лучшего кобеля. Мне за Жучку обидно стало, махнул рукой и отвернулся, чтобы не быть свидетелем её позора. И тут крик: Лукич, гляди, гляди! Смотрю, а на той стороне, с левого боку летит пулей к танку наша Жучка, а Регдая не видать. Это божье безобразие уже заползла под танк, а Регдай только появился, но с другого боку и тяжело так взбегает в горку. Холка клином вздымается. Он ещё издали заметил под танком Жучку, а та его встречает – хвостом виляет. Они обнюхались и сели ждать нас. Мы ничего не понимаем, как такое могло получиться? Все с мест сорвались и бросились бежать, но не к танку, а в сторону, куда рванула Жучка, – и какое было наше удивление, переросшее в восторг, когда для нас открылось – почему Жучка побежала туда. Там через речку лежало дерево. Пока Регдай переплывал речку и его относило течением, наша Жучка быстренько переправилась по дереву. Мужики стали подтрунивать над Регдаем, а он голову пригибает, стыдится, понимает, значит. Неделю спустя погиб Регдай. Подорвал «тигр» немецкий, – ветеран даже пилотку снял, отдавая честь. – Зато Жучка выглядела победительницей: голова высоко поднята, уши на ветру развеваются, губа верхняя вздёрнута, вроде улыбается.

– Много собак было? – поинтересовался я, пока ветеран собирался с мыслями.

– Много, – Панкрат Лукич снова покачал головой. – Когда война закончилась, я так обрадовался за наших собак. Мне говорят: за людей радуйся, а не за тварей земных. Как же?! Вот ты писатель, так и скажи: прав я или нет? Люди сами себе войну придумывают, а животные бессловесные, спасая человеческие жизни, гибнут. Думаешь, под танк кинуться не страшно? – старик замолчал, пристально изучая моё лицо, но мне нечего было ответить.

– Ещё был случай, – неожиданно ветеран приободрился. – Отправились мы в разведку. Посмотреть надо было на местности, где танки противника пойдут. Жучка за нами увязалась. Я её гоню обратно – она отбежит, а потом глядим: между кустов потихоньку крадётся следом. Что ты с ней ни делай, а малоуставная собака была. В общем, нервничаем: демаскирует нас собака. Тут ещё на нашу погибель дозор фашистский идёт. Откуда взялся, ума не приложим. Заблудился, что ли? Мы двое, с винтовками, налегке, а те до зубов вооружены и с автоматами. Ну, думаем, конец настал. Дворняга проклятая залает и нас выдаст. Залегли, я полный рот травой набил, чтобы от отчаяния не закричать, с жизнью прощаюсь. Жучку всем сердцем проклинаю: из-за паскудной собачонки погибнем. Ругаю себя: зачем оставил на базе, надо было давно пристрелить, тем более по уставу не положено – боевых собак дезорганизует. В общем, чего только я не передумал. Вдруг в кустах возня и лай Жучки на всю округу. Немцы оживились, затворы автоматов передёргивают, затопотали, побежали, значит. Ну, думаю, всё, обнаружили нас, конец пришёл. Прислушиваюсь, а топот отдаляется, и где-то поодаль короткими очередями из «шмайсеров» начали палить. Мы ноги в руки – и ходу. Несусь без оглядки, а слышу меж выстрелов, лай Жучки и гогот солдатни фашистской. Бегу, а сам думаю: хана собаке. Это же надо, тварь убогая, а спасла нам жизни. Получается, отвлекла врагов и за собой увела подальше от хозяев.

Возвращаемся к своим, я сам не свой, места не нахожу. Все с расспросами, что да как? Молчим, на душе муторно. Мне вдвойне: почём зря хулил собаку, а она вот какая геройская оказалась – ценой жизни своей нас спасла. Стыдно стало, хоть иди за вольеры и стреляйся.

Мне командир говорит: а мы, мол, думали, вас обнаружили – Жучка сама в лагерь вернулась. Меня как ошпаренного подкинуло. Побежал, кричу: Жучка, Жучка – еле отыскал. Сидит себе за вольерами, спряталась, глаз долу, даже хвостом от радости не машет. Подхожу к родимой, слёзы на глазах: Жучка, Жучка, ты моя милая, дорогая собака! На колени падаю, обнимаю её, а про себя прощения прошу. Про себя, потому что вслух стыдно признаться, что собаку проклинал, а она вот, значит, какая оказалась, – Панкрат Лукич замолчал, задыхаясь от комка, подступившего к горлу. Я тоже не находил слов потрясённый откровенными признаниями. Не вспомню, долго ли так сидели, каждый думая о своём, но ветеран всё-таки продолжил:

– Однажды сам командующий фронтом приехал к нам. Долго в штабе совещались. Вызывают меня. Жучка бежит рядом. Она всегда со мной везде ходила. Привязалась. Я в штабе два часа пробыл, выхожу, а она сидит у двери, ровно на часах, и ждёт. Встала и поплелась следом, будто и не было двух часов. А приглашали новое задание поставить. Мол, так и так, надо партизан, в тех краях воевавших, выручить, ответственная задача перед вашими питомцами поставлена. Нужна собака, которая под машину какого-то важного немецкого генерала мину подложит. Зверь тот генерал, много партизан извёл и готовил новую операцию против них, – умолк ветеран и надолго задумался, поглаживая культю. Тяжело вздохнув, продолжил: – Мой командир говорит: только твоя Жучка сможет такую задачу выполнить. У меня сердце и остановилось. Я за это время прикипел душой к этому собачьему безобразию, души в ней не чаял, она как семья моя была – и тут на смерть. Много же собак хороших. Вон наш Рекс, был такой матёрый, если не получится мину подложить, так он зубами там, в машине, всех порвёт. Уговариваю командира, стараюсь переубедить, но тот ни в

какую. Жучка идёт на задание – и всё тут, стоит на своём командир. Чуть под трибунал не угодил. Настал назначенный день. Снарядили мою родную. Всем подразделением прощаемся с ней. Она, бестолковая тварь, радуется, пялит свою пучеглазую морду, хвостом виляет, места себе не находит от радости, носится по всему двору. Думаю, дура ты, дура. Вечером пришли за нами провожатые – партизаны, и небольшим отрядом выдвинулись мы за линию фронта. Притаились в леску, в укромном месте, у большой деревни, – его нам партизаны заблаговременно приготовили – залегли и ждём – в бинокль за деревней наблюдаем. Туда, значит, должен генерал приехать. Над сельсоветом флаг немецкий развевается, штаб у них там. Немчура снуёт туда-сюда, по всему видно – ждут начальство. Подходит назначенный час, – немцы – люди пунктуальные – мы с Жучкой выдвигаемся к околице, и как только автомобиль с хромированной решёткой въезжает на площадь перед сельсоветом, даю команду Жучке: вперёд. Она, как пуля, влетела в густую траву и исчезла, только слышно, как шуршит её тело, удаляясь. Сам во все глаза гляжу: только бы успела! Понимаешь, взрыв – это сигнал к всеобщей атаке. Партизаны окружили деревню и ждут на изготовке. Автомобиль застыл, и никто не выходит. Думаю, может, нет там никакого генерала? Зря собака погибнет. А это они адъютанта ждали, который должен дверцу открыть. Не знаю, что на меня нашло, только вдруг меня подкинуло, мысль прострелила: погибну вместе с собакой и генерала с собой заберём. Не будет у меня спокойной жизни после её смерти. Через плетень прыгаю – и к машине. Немцы пока сообразили, а Жучка в это время нырь под машину, и взрыв. Помню только огонь, и меня как шибануло, и промелькнуло в голове: хоть на мгновение увидеть мёртвого генерала и можно спокойно умереть, – ветеран снова прервал свой рассказ. От долгого разговора он стал уставать и нуждался в отдыхе. Передохнув, продолжил:

– Очнулся я в госпитале. В глазах мутно, начинаю понимать – живой, но где я? В плену или на том свете? Взрыв когда прогремел, меня контузило и взрывной волной откинуло. Потом, когда всё закончилось, партизаны подобрали и в госпиталь переправили. Побили всех немцев, машину разворотило так, что никто не выжил. В глазах стало проясняться, смотрю, а передо мной сидит полковник. Не наш полковник, чужой, и смотрит так по-доброму, я даже сказал бы, весело. Как только я глаза открыл, он и закричал: «Сестра, очнулся!» Сестра прибежала, подушку мне выше приподняла, чтобы полковник мог со мной разговаривать. Тот и говорит, мол, спасибо вам, Панкрат Лукич, вот вам награда ваша, и кладёт мне на грудь коробочку с орденом Красной звезды. Вот с этим самым, – и ветеран постучал карточкой по ордену. – Я стал соображать – живой! Как такое могло случиться? Взрыв был мощный. Ведь я уже с жизнью попрощался, а тут госпиталь. Вспомнил про мою Жучку, и слёзы сами ручьями как потекут – значит, я выжил, а она погибла. Полковник давай меня утешать. Он думал, я от радости плачу, а я по Жучке слёзы лью. Он мне в руки коробочку с орденом подсовывает, а у меня руки не держат – соскальзывают с кровати. Тут мои глаза на лоб начинают вылазить. Полковник перепугался. Кричит снова: сестра, сестра, что-то с больным! А я поверить не могу, чудится мне или всё это сон: чей это шершавый язык лижет мою руку? Сестра вбегает в палату, и я слышу, она говорит: «Это его собака, товарищ полковник. Его как привезли, она от кровати не отходит. Мы её подкармливаем, пусть сидит. Она не мешает. Когда надо, выйдет тихонько и так же тихонько возвращается».

Это была моя Жучка. На всю жизнь осталось для меня загадкой, как Жучка уцелела. Я много раз с нашими мужиками-минёрами прикидывал, как такое могло случиться? По-видимому, нагрудник зацепился за что-то под машиной, и Жучка выскользнула из него. Машина не танк, низкая, вот по этой причине и случилась такая спасительная штука. Жучка же наша не дура, поняла, что освободилась от опасного груза и сквозняком в другую сторону пролетела.

– Что было потом с Жучкой? – я был покорён услышанной историей.

– А что с Жучкой может случиться после того, как взрыв её не взял?! Вместе со мной комиссовали. Беспородных не положено держать в питомнике. Только Жучка иной раз и породистому псу, а то и человеку по уму фору даст. После того взрыва мне ногу и оттяпали. Приехали домой. Да вон она, – мотнул головой старик. – Как и положено, сторожит дом.

Только теперь я разглядел массивный железный крест, который принял поначалу за столб-ограждение, чтобы автомашины не подъезжали близко к калитке. На кресте была сделана сваркой надпись: «Жучка».

Александр ШЕРСТЮК
г. Москва (Зеленоград)
Член Союза писателей России, Международного сообщества писательских союзов и Союза журналистов России. Автор 8 книг стихов и прозы. Заместитель главного редактора журнала «Северо-Муйские огни».

Два рассказа об отце

1. Ошибочка с бронью

Петрович по ошибке воевал за Родину.

А дело было так. Когда шла финская война, его взяли, привезли в Барановичи, но в расход не успели пустить, финская кончилась. Однако вскоре загремела война немецкая, 22 июня, и началась сплошная мобилизация всего крестьянства и остальных. Но Петровичу повестка не пришла – брали начиная с 1905 года, а он родился в 1902-м. Пришли немцы, колхоз был распущен, оставшихся от мобилизации лошадей раздали крестьянам. Петровичу досталось пол-лошади, в смысле 1 кобыла на два двора, хотя, вступая в колхоз, он сдал не половину лошади, а целую. Но это не важно, кое-как немцев пережили, пришли красные. Началась новая мобилизация.

Но сначала скажем, что при немцах Петрович снова завладел кузней – построил на своей усадебке. То есть не то чтобы построил, а поставил – перенёс с колхозного двора. А на колхозный двор в своё время перенёс с двора своего. Так или иначе, но всё в этой кузне было сделано руками Петровича – не только сруб с крышей, но и сложено из кирпича горно, из выдубленных коровьих кож натянуты меха, чтобы раздувать огонь, оборудованы наковальня на деревянной колоде и на глыбе песчаника правильня для тележных колёс, бочка с водой для закалки стали, изготовлены всевозможные клещи и множество другого инструмента. Конечно, с возвращением советской власти кузня опять вступила в колхоз и переехала, но произошло это не сразу после оккупации, а когда Хайль Хитлер капут и Петрович вернулся с войны.

Итак, возвращаемся в войну. Стародубье освободили в конце сентября 1943 года, и тотчас началась новая мобилизация. На этот раз Петрович как бы помолодел – попал в призывные возраста. Получает повестку. А тут Фрол, председатель сельсовета, фамилия Цекун, с ним Петрович был в приятельских отношениях, обрадовал его: «Петрович, нас собирал райком, разъяснили мобилизацию: кузнецов на фронт не берут – попали под бронь во имя разорённого войной хозяйства. А я тебе выдам ещё лучшую справку – что ты МЕХАНИЗАТОР». Фрол не очень был обучен грамоте, но в гражданскую воевал у Щорса, потому власть выдавать справки имел.

Явился Петрович в военкомат, думает, покажу справку механизатора и пойду домой. А капитан прочитал и говорит: «Идите на медосмотр». – «Какой медосмотр, на меня же бронь, мне сельсовет сказал!» – «Бронь на кузнецов, а вы механизатор. Будете воевать».

После войны Петрович рассказывал: «Я дурак. Мне ж надо было быстро смотаться в село, всего-то два часа ходьбы, взять Фрола и с ним явиться к военкому, всё разъяснить. Но ума не хватило». Какой там ум, военкомат это армия, там на осмотр так на осмотр, выполняй, иначе дезертир. Вон под Звенигородом, где 45-я больница, лежат под соснами двое. Здесь в 41-м шли бои. Эти бойцы оказались родом из ближайшей деревни. Пока ночь, решили смотаться к матерям, девкам. Вернулись под утро, их засекли. Поставили перед строем. Расстрел. Исполнение в назидание. Теперь, кто местный, много лет веночки то и дело им меняют. Хотели парни нежностей, получили свирепость. Война.

В общем, отправили Петровича с командой призывников в соседний город Клинцы. Его Алёна, жена-домохозяйка, сидевшая, как наседка, с пятью малыми детьми, узнала в тот же вечер о беде – батьку забрали! А он-то был без всякой готовности, ничего с собой не взял. Рыдать некогда, собрала быстренько что могла – яловые сапоги, «пинжак» из сукна, кальсоны, оставшиеся от финского призыва, шмат сала. И отправилась, на ночь глядя, в Клинцы, это километров сорок. Дороги не знала, но ясно было – идти надо на запад, а там люди подскажут. Всю ночь бежала Алёна по просёлкам и болотцам, курс держала верный – дошла, нашла, вручила.

Петровича определили в медбат, хозвзвод. На передовую он так или иначе не попадал – по зрению, стрелять-то надо прицельно, желательно в сердце врага. Поэтому свои два года на фронте Петрович в атаку не ходил, но руки его не останавливались. Рыл братские могилы, на ближайшем за Клинцами рубеже – Соже, где новобранцы-земляки своими телами густо удобрили землю, – на 400 человек. Закопал и своего молотобойца Кузьму Новикова. Место названием запомнилось – Присно, на Гомельщине. Присно и во веки веков аминь. Ковал лошадей, в этом он был большой мастер, ещё в середине 20-х служил срочную в артполку кузнецом, клячи и жеребцы своими копытами были ему одинаково послушны. Делал железные печки-буржуйки для обогрева раненых бойцов. Переболел тифом, температурил, шкалил за сорок градусов. Был, и не раз, на волоске от смерти. Однажды с лошадью и санями провалился на озере под лёд, да ухватился за примёрзший клочок сена, выбрался. Медальки получал. А трофеями привёз из-под Берлина ящик с добротным немецким инструментом и беретики для подрастающих дочек-невест.

И снова перенёс кузню на колхозный двор.

Что ж, бывает. Бронь так легко перепутать с бронёй.

15.11.2020

2. А орден так близко был

О наградах Петрович не думал ни воюя, ни отвоевав. Хотя, конечно, тема эта, какая-то оценочная мерка действий, иногда подкрадывалась, со стороны.

Ну вот произошёл с ним такой случай. Доставляли они с санитаром Дулиным хлеб. Медсанбату и своему хозяйственному взводу. Буханки были чёрные и белые. Белый хлеб полагался только белой кости – офицерам. Кость-то у офицеров была, как и у красноармейцев, рабоче-крестьянская, то есть, конечно, белая, но только в ранговом понимании. А когда в госпитале вылезала, раздробленная осколком снаряда, из-под мягкой обтянутости кроветочащей плоти, то оказывалась такой же по цвету что у старшего командира, что у младшего, что у вовсе не командира – одинаковой. А вот хлеб – он точно был разный и по цвету, и по существу.

И соблазнились два бойца, перекладывавшие своими жёсткими руками буханки, цветом и запахом хлеба им не полагавшегося, взяли одну, надломили, присели на какие-то доски-ящики да и стали лакомиться, довоенный вкус вспоминать. А кто-то проходил мимо. И доложил куда следует. Так и так, мол, видел своими глазами. Вызвал наших бойцов командир, капитан, был он цыган, и стал допрашивать, по одному. Сначала – кузнеца Петровича. «Ели, так вашу мать?!» – «Никак нет, товарищ капитан. Не ели!» – «А я говорю, ели!» – «Только нюхали, товарищ капитан. Вкусно пахнет. Но не ели!» Потом ответ держал санитар Дулин. «Никак нет, товарищ капи...» – «Врёшь! Отвечай: ели!» – «...ммм...» – «Признавайся, Дулин. Нашкодил – отвечай!» – «Мммы совсем немножко, товарищ капитан. Тааак захотелось попробовать… давно не пробовали… последний раз до войны, на Пасху... столько лет прошло... мы чуть-чуть...»

Петровичу командир этот, цыган, потом сказал: «Хорошо, что ты не признался. Не то загремел бы вместе с Дулиным на передовую… Коней бы мне тогда кто ковал? Ценю твои золотые руки».

Через неделю Дулин был убит. На передовой больше двух недель никто не жил. Счастье, если ранение и госпиталь.

Медалей Петровичу несколько штук дали. В наградном листе на медаль «За боевые заслуги» написано:

«За период боевой операции с 16.4.45 г. им лично сделано 18 памятников. Изготовлено для МСБ 120 вёдер, 60 тазов, 40 печек и другой жестяной посуды. Благодаря его старательности раненые и больные всегда были в тепле...».

А вот ордена не досталось. Хотя полагалось. Полагалось, да не положилось. Причина? Так ведь не надо было нюхать белый хлеб. Мало ли, что кость твоих славянских золотых рук не менее белая, чем у смуглого капитана. И за то спасибо скажи, что не убили.

Да и другое с благодарностью – себе – вспомни. Что не такой уж безбашенный ты был. Ведь легко мог сгинуть на войне и не по военной причине. В Польше был случай. Заняли наши станцию, на путях цистерна стояла. Постучали. По звуку должно быть – не пустая. Полез наверх один воин, зачерпнул котелком – ура, спирт! Слух сразу захлестнул многих, кто находился поблизости. Хорошо в тот раз обедали, с аппетитом. Только вот стало потом крутить бойцов. По земле катались, выли от боли. А потом один за другим поотходили. Семнадцать похоронили. А Петровичу что-то в этом напитке не понравилось. Запах и вкус – не водка и не самогонка, вонючка какая-то. Потом оказалось – спирт-то спирт, но древесный. Яд по фамилии Денатурат. «Хорошо, я на это не жаден был, не стал глотать», – вспоминал после войны Петрович.

А вы говорите, награды...

Медальки Петрович сложил в трофейную коробку Zigaretten, положил на комен русской печи и никогда не открывал. Даже когда мемориал в селе к какому-то юбилею, кажется, 20-летию Победы, соорудили и собрали на торжество остатки ветеранов, и фотограф из районки их щёлкнул, – Петрович на снимке оказался без украшений. Просто забыл нацепить. А те четырнадцать благодарностей от тов. Сталина, которые записаны в красноармейскую книжку, их вообще на грудь не повесишь.

А вот когда умер, тут ему и было воздано с избытком. Не погибнув на войне, жил ещё он долго. Перешагнул черту 90. Дети похоронили, через год поставили общий памятник – матери и отцу. Достойный, гранитный. А потом как-то приехали навестить могилы – а памятников-то стоит двое! За одной оградкой. На том и другом – фамилия отца. Второй памятник тоже приличный, мрамор. Но зачем и почему – два? Загадку люди разъяснили. Оказывается, второй камень поставлен солдатами, присланными военкоматом. Было, оказывается, решение Москвы: ветеранам ВОВ, умершим после… кажется, 50-летия от начала войны, памятники ставить за счёт государства. Фамилия Петровича попала в списки, и дальше никто не разбирался – стоит ли уже памятник, не стоит – список есть, решение выполняй. Есть!

Вероятно, этот памятник Петровичу был удвоен самой судьбой потому, что сын Петровича – Миша, погибший под Сталинградом от прямого попадания бомбы, вовсе не удостоился памятника, и пришлось его брату закрыть ненужную повторную надпись на отцовской мраморной стеле керамогранитной фоткой Миши.

3.12.2020

Светлана ДОНЧЕНКО

г. Краснодар

Член Союза писателей России, Союза литераторов Европы, Международной ассоциации литературы, культуры и искусства. Автор 5 книг стихов и прозы. Публиковалась в российских и зарубежных альманахах и журналах. Кавалер ордена Серебряного Орла, ордена «Золотая Звезда». Награждена дипломом и медалью «Литературный Олимп», медалью им. Нобелевского лауреата Ивана Бунина, дипломом «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М. Ю. Лермонтов». За заслуги в области литературы удостоена почётного звания «Заслуженный писатель Московии». Руководитель Южно-российского творческого объединения «Серебро Слов».

Ворона

Рассказ

Ворона гуляла по трамвайным рельсам. Шагала так гордо, словно на её голове была настоящая корона! Чёрный смоляной хвост напоминал шлейф монаршего платья, а мощный и острый клюв – торчащий рог, готовый в любую секунду сокрушить врага. Ох, и хитра же была эта птица, красующаяся невдалеке от трамвайной остановки. Она давно заприметила невысокого мужичка, любовавшегося ею. Понимала ворона, что он – добрячок, что чуточку хмельной и явно не из богачей. Знала, именно у таких в карманах всегда полно крошек, и они щедро делятся ими с птицами. Эти люди никогда не бросят ни палку, ни камень, ни поддадут носком ботинка. Ворона была мудрой, на длинном жизненном пути она повидала немало. Подойдя поближе к своему обожателю, птица, повернув голову в его сторону, глубоким, хриплым «Кра-а-а!» дала понять, что готова и поболтать.

Мужичок растерялся на мгновение, а потом, громко рассмеявшись, сказал:

– Ваше Величество, не изволите ли угоститься? – опустив руку в карман пальто, извлёк оттуда плавленый сырок в серебристой обёртке и, заученным движением, мигом сорвал её с брикета, крупно раскрошил лакомство, пригласив резвунью жестом к трапезе.

Ворона без особого интереса посмотрела на сырные крошки, повертела головой в разные стороны и лениво направилась к угощению, вероятно, не в силах совладать с аппетитным запахом, исходившим от вкусного продукта, который не так часто ей удавалось откушать. Выбрав самую крупную крошку, она взяла её в клюв и, повертев перед глазами добряка, проглотила с царственной важностью, выразительно каркнув.

– Спору нет! Твоя большая голова уж точно совсем не пустая! – продолжал восхищаться мужичок. – Такой мозг нужно питать! Эх, жаль, шоколадку мы с мужиками уничтожили. Она маленькая была, вот такая! – И, выставив вперёд два указательных пальца, показал расстояние сантиметров в десять.

Плутовка, подобрав все крошки, вернулась назад на рельсы, произнесла своё «Кра-а-а-а!», словно приглашая к продолжению беседы, и посмотрела на благодетеля взглядом, не терпящим никаких возражений.

– Кабы знал, что тебя повстречаю, приберёг кусочек! – мужчина вывернул оба кармана. – Пусто! Не серчай!

Хитрунья запрыгала, словно хотела взлететь не с разбега, а с места, и плавно расправила крылья. Но вскоре сложила их по местам и ещё пристальней уставилась на собеседника.

– Крылья – это сила! И я такие иметь был бы не прочь, – мужик посмотрел на свои руки и даже взмахнул ими для пущей убедительности. – Видишь ли, на «мерседесы», чтобы носиться с бешеной скоростью, я не скопил деньжат, да что говорить, у меня и «Запорожца» сроду не было. Не сподобился! И крыльев для полёта Бог не дал! Я, правда, летал, да всё больше от пинков, – виновато разведя ладони в стороны, добавил: – Нет, ты не подумай! Я – не пьющий! Только по праздникам!

Птица, грузно переминаясь с лапки на лапку, выкрикнула что-то похожее на «Ко-о-ох!».

– Не охай, я честно говорю! – мужичок смутился. – У меня, понимаешь ли, внук родился! Как было не отметить такое событие? Рождение новой жизни – это, знаешь ли, чудо! Девять месяцев ожидания, волнения и тревог! А потом – бац, и ещё один пацан на свет появился! Так мы с мужиками за него по соточке и приняли на грудь.

Ворона подпрыгнула.

– Да ладно, не возмущайся! Ну, чуток поболе – по сто пятьдесят!

Вороная плутовка склонила голову набок и прищурила один глаз.

– Хитрющая ты, как я посмотрю! Опять не веришь? Прям, как моя Варвара! Та тоже: руки в боки, глаза навыкат и давай бухтеть: «Сколько можно? Когда это закончится? И так мозгов не было, а теперь и последние пропьёшь!» Обидно!

Ворона раскрыла клюв и только собралась что-то каркнуть, как из-за угла появился долгожданный трамвай! Она расправила крылья и, быстро набирая скорость, помчалась по рельсам в противоположную сторону, потом, взмахнув крылами, взлетела ввысь; развернувшись в воздухе, вернулась к остановке и, ловко выхватив из урны серебристую фольгу от плавленого сырка, бросила её мужичку прямо под ноги.

Я, наблюдая эту картину со стороны, крепко задумалась: какие чувства переполняли ворону? Благодарность? Сочувствие? Восторг? Чудны дела твои, Господи! Вороны понимают и жалеют людей! Люди часто не понимают, как прекрасны те, кому нет нужды притворяться и лукавить!

А, в целом, какой же он дивный этот наш волшебный и неповторимый мир!

Райнгольд ШУЛЬЦ

г. Гиссен, Германия

Райнгольд Шульц родился 1 ноября 1949 года в Сыктывкаре – столице Коми АССР, в семье высланных житомирских немцев-колонистов. Окончил Сыктывкарский государственный университет, экономист. В 1991 г. с семьёй переехал в ФРГ. Член литературного общества писателей немцев из России. Пишет стихи, историческую прозу, юмористические рассказы, анекдоты, христианские и житейские истории, репортажи, сказки. Автор нескольких книг. В Омске издана книга «Избранное». Лауреат литературного конкурса читателей журнала «Консультант» (в номинации «Проза»).

Кругосветное наследство

Рассказ

Самый лучший повар на Земле – это голод.
Голодному вкусно всё!

Когда мы были помоложе, мы с женой охотно путешествовали и наслаждались лучшими видами Земли нашей. А многие сидят в своих «скворечниках» и боятся из него вылететь.

В одном из путешествий нашей соседкой оказалась местная немка, наша ровесница. Она была вечно чем-то недовольна и абсолютно не умела восхищаться и наслаждаться Божьей красотой.

Мы старались зарядить её оптимизмом, чувством радости и разговорились. Она рассказала, что раньше, когда она была обыкновенным человеком, то работала, мечтала, копила средства, любила путешествовать и восхищаться новыми местами, красивыми видами и впечатляющими панорамами.

Не зря народная мудрость гласит: «Даже когда юнец возвращается из далёкого путешествия, то седой обязан выйти ему навстречу и послушать, что он расскажет».

Как-то, вернувшись из путешествия, она взахлёб рассказала своей больной тёте, которая повидала мир, о своих бурных впечатлениях. А в конце озвучила вывод своей души, что если бы у неё была бы возможность, то она бы всю жизнь ездила по Земле и наслаждалась экзотикой, красотами и чудесами. Жизнь – удивительная книга; кто никуда не ездит, тот прочтёт только то, что написано на обложке.

Вскоре её очень богатая тётя оставила ей странное наследство. В завещании было сказано, что всё тётино «пухлое» состояние на банковских счетах переходит к ней, как к единственной наследнице, но использовать его она может только на путешествия.

Сначала наша попутчица сильно обрадовалась солидному состоянию, но со временем стала всё больше возмущаться.

Она не может пригласить кого-то с собой в путешествие, она может оплатить только свои услуги, таковы условия завещания.

Она не может купить себе даже сувенир или пирожок на улице, а может только смотреть и фотографироваться.

Она пробовала подобраться к деньгам хитростью, заказать за год вперёд дорогое путешествие, а потом за три месяца отказаться, чтобы турфирма вернула ей деньги наличными. Но они переводили деньги не ей, а на счёт, откуда пришли деньги. А там для неё шлагбаум по условиям завещания.

Теперь она точно знает, что её жизни не хватит, чтобы истратить эти деньги на путешествия. Эта мысль лишает её покоя и удовольствия.

На путешествиях она не экономит – несмотря на заоблачные цены, заказывает не пятизвёздочные отели, а VIP-номера в семизвёздочных, с шикарными условиями, где всё включено: все экскурсии, вертолётные обзоры местности, экстремальные поездки, редкие и малоизвестные достопримечательности. Она повидала мир на всех уровнях!

Библейское выражение «счастлив тот, кто доволен тем, что он имеет» к ней совсем не подходит.

Теоретически она имеет всё, но не имеет права иметь так, как желает. Она не может даже нас угостить мороженым за счёт наследства.

С тех пор она, как лягушка-путешественница, беспрестанно путешествует по свету. Она испробовала все кухни мира; трижды объездила вокруг Земли, побывала во всех уголках планеты. Видела все диковинки, но стала всё чаще раздражаться этому странному завещанию. Путешествие – это тяжёлый труд. У неё не стало верных друзей. Есть лишь мимолётные знакомства с попутчиками. Ей некому рассказать о своих впечатлениях! Ей некогда вернуться домой, в родной угол и заснуть на своей подушке. Муж, дети, семья в завещании не поместились.

В ней поселился неугомонный вирус «освоения выделенных средств». То, что нам было в радость и в диковинку, ей казалось невыносимой и непосильной обязанностью.

Мы задумались над её проблемой и не захотели даже мысленно поменяться с ней местами, обменяв нашу радость открытий и нововидения на её зависимость от миражного состояния и горького недовольства от кругосветного наследства.

08.01.2021

Лидия ГУСЕВА
г. Санкт-Петербург
Член творческого объединения авторов России, дипломант конкурсов детской литературы.
Закончила факультет иностранных языков в ЛГПИ им. Герцена и факультет журналистики СПбГУ. Автор 5 книг малой прозы.

Рассказы

Мумуня

– Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, окутал верёвкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел её на шею Муму, поднял её над рекой, в последний раз посмотрел на неё... Она доверчиво и без страха поглядывала на него и слегка махала хвостиком. Он отвернулся, зажмурился и разжал руки... – учительница перестала читать, так как мёртвая тишина, стоявшая в классе уже долгое время, взорвалась отчаянным криком и плачем.

А для Верки это показалось вообще оглушительным взрывом, потому что крик исходил от её соседа Сашки. Он разразился такими рыданиями, переходящими даже в истеричные вопли. Мальчик закрыл лицо ладошками, уткнулся в парту, плечи нервно вздрагивали. Все бросились успокаивать его, но от этого Сашка ещё больше зарыдал во весь голос. Учительница срочно послала детей за медсестрой, которая незамедлительно появилась. Пилюли и капли сделали своё дело. Валентина Степановна, увидев, что мальчику стало намного лучше, отпустила его домой в сопровождении друга.

А дети ещё долго перебирали этот эпизод. Конечно, всем было жалко до слёз Муму и Герасима тоже, но ни у кого не было такого проявления чувствительности искренне переживающей души. Однако детская фантазия на клички и прозвища, не думая о чёрствости, не обошла и Сашку стороной. Его прозвали, хоть и ласково, как в рассказе, Мумуней, но прозвали. Сначала, естественно, дети называли его так между собой, а потом, когда стали постарше, прорывалось и в обращении к нему. Сашка краснел сначала, а потом перестал обращать внимание.

Дело было в прошлом. Бывшие пионеры не знали ещё празднования дня Святого Валентина. Но нашим уже шестиклассницам тоже хотелось проявить какие-то знаки внимания и симпатии. И вот приближался праздник 23 февраля – День защитника Отечества. Девчонки остались после уроков, чтобы обсудить, как поздравить мальчиков. До этого за них всё решали мамы из родительского комитета: собирали деньги и покупали всем одинаковые открытки и сувениры. Некоторые девочки, как сейчас говорят, «продвинутые», предложили каждой самой купить подарок и вручить самолично мальчику, который нравился. Конечно, получилась полная неразбериха, потому что в каждом классе всегда есть в фаворе несколько ярких мальчиков, как и девочек тоже. Школьницы не могли прийти ни к какому консенсусу, так как в итоге большинство мальчишек оставалось без подарков, к тому же их было на пять человек больше в классе, чем девочек. В конце концов, решили дарить сувенир каждому соседу по парте, пятерых «лишних» тоже распределили. А вот кто хочет подарить что-то своим любимчикам, то пусть и дарит отдельно. Покончив с личным, девочки начали думать, как поздравить ещё учителей-мужчин, а также репетировать небольшой концертик к празднику. Затем, довольные своей работой, стали собираться домой.

– Что же мне купить Сашке? – попросила совета у подружек Верка.

– О, ему-то легче всего! – рассмеялись подружки. – Купи ему Тургенева «Муму».

Да, Сашка был не в фаворе у одноклассниц. Невысокий рост, курносый нос, щёчки розовые, как у девчонки.

– Он как раз самый лучший, самый отважный будущий защитник страны, нюни никогда не распустит, – с доброй иронией продолжали смеяться подруги.

А Верка нормально уживалась с соседом. Они даже помогали друг другу на контрольных работах, а иной раз делились бутербродами или пирожками. Только Сашка ушёл после восьмого класса из школы, поступил в какой-то техникум, и о его дальнейшей судьбе девушка не знала.

Вот о чём думала и вспоминала пятикурсница Вероника, спеша на встречу одноклассников в свою родную школу. Школу, которой год назад присвоили Сашкино имя, Героя Советского Союза, погибшего в Афганской войне. Мумунино имя. И... увидев школу, Машка вдруг прислонилась к дереву и разрыдалась так, как когда-то в четвёртом классе Сашка...

Богатое воображение

Что ни говори, а разыгрывать младшую сестрёнку – одно удовольствие! Да и разыгрывать не надо, она такая чудачка, верит во всё и всем, особенно, если я ей что-то скажу. Недаром её Верой назвали. Папа говорит, что у неё богатое воображение. Какое воображение?! Просто смешная она, вот и всё. Девчонки, наверное, все такие.

Вот, например, расскажу про Международный женский день. Сколько себя помню, мы с папой каждое 8 марта вставали очень рано, часов в шесть, шли на ближайший рынок и покупали два букетика цветов: мимозы или тюльпаны. Также бесшумно открывали дверь, ставили цветы в две вазочки, ну и припасённые заранее подарочки рядом. На цыпочках отправлялись опять спать. Просыпаются мама с сестрёнкой, а мы, как ни в чём не бывало, спим под одеялами. А они:

– Ах, вах, какие цветы, такая красота, да почти зимой, среди снега! Кто же это нам принёс? – кудахтали они счастливо на кухне.

А нам-то приятно было слушать. Доносится и Веркино щебетание:

– Мам, ну подалки понятно, а цветы-то откуда?

– Не знаю, надо у мужчин спросить, – отвечает ей мама.

Тут я появляюсь на кухне, деланно зевая и потирая глаза, как будто не ходил никуда:

– Не знаю, не ведаю. Подарки – это точно мы с папой положили. А цветы, наверно, какой-нибудь волшебник принёс, – говорю я серьёзно.

– Волшебник, волшебник, обожаю волшебников! – прыгала пятилетняя Верка от радости.

Так и была она в неведении, и ждала целый год следующего 8 марта, чтобы Волшебник цветы ей подарил.

В следующий раз мы с папой таким же образом принесли цветы. Она очень обрадовалась, но за год то ли подросла, то ли поумнела. Короче, дотошная стала такая. Начала проверять наши ботинки. А они были мокрыми от снега. Какие же мы с папой валенки! Не поставили их обратно на батарею. Я растерялся, ответ мой не был заготовлен на такой случай. Но помогла мне мамочка. Какая она сообразительная у нас!

– Ой, Сашенька, извини. Вчера что-то вечером так уморилась, что забыла поставить вашу обувь на просушку, – запричитала мама.

«Мама, мамочка, спасибо!» – кричали ей мои глаза.

Итак, Верка поверила и пребывала ещё один год в неведении. Очень была уверена, что существует добрый Волшебник и приносит им с мамой цветы на Женский день.

А вот сестре уже и семь лет. Всё сложнее становится. К тому же праздник выдался на воскресенье. В субботу мы с папой удалились, якобы в шахматы поиграть, а на самом деле – на совещание.

– Пап, как ты представляешь наш завтрашний поход за цветами? – спросил я его.

– Ну-у, как обычно. Встанем часиков в шесть, а полседьмого уже под одеялками будем... Да, я помню, что ботинки надо не забыть поставить на батарею.

– Всё так, – ответил я, – но ты забыл, что завтра ещё и воскресенье! А по воскресеньям мама всегда печёт пироги. Ещё не было ни одного воскресного дня, чтобы она пропустила его.

– Да, задача усложняется, – поддакнул невесело отец.

– Вот именно! Значит, мама встанет завтра часов в пять утра ставить тесто. А Вера может за ней подтянуться. Что делать?

– Давай думать, – начал рассуждать отец. – Если мы сегодня купим цветы, то куда их спрячем?

– Никуда. Верка всё разнюхает.

– Если оставить у соседей, то неприлично будить их в четыре утра, – продолжал старший заговорщик.

– Неприлично, – подтвердил младший, а после минуты воцарившегося молчания вдруг воскликнул: – Идея! А если мы их спрячем на чердаке? Тогда и ботинки будут сухими, и цветы в четыре утра стоять в вазах!

– Молоток-сынок! Я бы не догадался.

Благо, мы жили на четвёртом этаже, и лестница на чердак была рядом, практически с нашей дверью. Так мы и поступили, и правильно сделали! Верка не то что с мамой выползла на кухню в пять утра, так она ещё почти всю ночь не спала, всё ждала Волшебника, боялась пропустить такое важное событие. И опять нам помогла мама. Наша любимая мамочка, убедившись, что дочка наконец-то спит, подошла ко мне и папе в три утра и произнесла шёпотом: «Пора».

Я мигом забрался по лесенке, взял букеты из банки с водой (мы с папой всё продумали) и переселил их в красивые вазы на кухне. Ну, а потом вы знаете, мигом, на цыпочках, под одеяло.

Сестрёнка, как я и предполагал, выползла хвостиком за мамой в пять утра. Увидела цветы, разинула рот и не поверила своим глазам: чайные розы для мамы стояли в большой вазе, а кустовые маленькие для неё, в вазе поменьше. Как сомнамбула, она подошла к батарее, прощупала нашу обувь, которая была даже пересушенной, потрогала куртки, да вдруг как разревётся! Мы с папой вскочили с кроватей и начали помогать маме успокаивать её:

– Что случилось, доченька, в чём дело, откуда эти слёзы? – мама присела, крепко обняв её.

А Верка ещё сильней в плач. Боже, я тоже расквасился, даже назвал её не Веркой:

– Вероничка, что с тобой, сестричка?

– Да вы что, не понимаете что ли?! – сквозь слёзы и всхлипы пыталась она объяснить нам. – Я всю ночь не спала... Я так хотела его увидеть... Хотела познакомиться с Волшебником... спасибо ему сказать...

Её слёзы-ручьи были самым лучшим доказательством, что её вера восстановлена и будет жить с ней ещё год, до следующего 8 марта. Только чтобы потом ещё придумать? Нет, разыгрывать больше не буду, и она не такая, как все девчонки. Буду просто оберегать, ценить и укреплять её «богатое воображение», как сказал папа.

Лариса КАЛИНИНА
г. Великие Луки

Калинина Лариса Петровна – музыкант, педагог музыкальной школы и педагог внеклассного образования, постановщик, лектор, просветитель, знаток музыки Д. Д. Шостаковича... Публикуется впервые.

Месса си минор

Эссе

1

Остров Дятлинка – с детства мой самый любимый уголок города. Перебравшись с родителями из озёрного Себежа в сухопутные Великие Луки, я, тогда ещё совсем небольшая девочка, сразу же отправилась на поиски городского пляжа. Он располагался на острове Дятлинка.

Увидев зелёные джунгли острова, я забыла, зачем пришла. Сказки ещё прочно сидели в моей голове, и, путешествуя по острову, путаясь в его высоченных травах, я надеялась встретить своих любимых сказочных героев. Я не сомневалась в том, что они проживали в приземистых дятлинских домиках, утонувших в зарослях крапивы и разукрашенных гирляндами вьюнков.

На пляж я так и не попала. Звонкие хоры дятлинских птиц заглушили смех и визг моих закупавшихся подружек.

2

Почти сорок лет Дятлинка была со мною рядом. Так уж получилось по жизни, что окно моего класса в детской музыкальной школе имени Мусоргского, в которой я проработала четверть века, смотрело прямо на мой любимый остров.

В раме окна была видна картина иного мира.

Высокие речные берега надёжно укрывали от городской суеты реку Ловать, бережно держащую в своих ладонях маленький кораблик-остров с его зелёными парусами. А небесные своды заключали святое это место в неземную, драгоценную шкатулку.

В ней не было примет времени – ни прошлого, ни настоящего, лишь тишина и великий покой.

О нём так хорошо сказал советский поэт Николай Заболоцкий:

Тот дивный покой, пред которым,
Волнуясь и вечно спеша,
Смолкает с опущенным взором
живая людская душа...
(стихотворение «Прохожий», 1948 г.)

3

Любимый остров всегда помогал мне в работе и вдохновлял на педагогические эксперименты.

Отбросив законы возрастной психологии, я подводила учеников к окну и предлагала им сыграть так, как проплывают над островом озарённые небесным светом облака. Или спрашивала детей, какая музыка созвучна картине за окном. Мнения часто совпадали: музыка Иоганна Себастиана Баха.

Я соглашалась. И. С. Баху всегда удавалось извлечь корень Вечности из простой, обыденной жизни и передать в музыке «красоту Великого в малом». И мы с детьми пытались сыграть самые лёгкие пьесы Баха. Того Баха, что был за окном...

Случалось иногда, что игра учеников и они сами преображались. Пускай ненадолго, на мгновение, на чуть-чуть...

4

На острове, у самой воды, впереди всех других деревьев, росло моё любимое дерево – высокая, могучая ива. Капитан острова-корабля. В детстве я до слёз жалела растения за их покорность своей судьбе. Всю жизнь стоять на одном месте! И нельзя дать сдачи обидчику, нельзя убежать от топора...

В последние годы дерево-капитан стояло «по колено» в воде. Но не сдавалось, оставаясь всё таким же крепким и сильным, каким и надлежало быть капитану корабля. Зимой капитан надолго замирал на своём посту и был особенно хорош в белом кителе из бархатистого снега...

5

Тот ясный морозный день середины февраля 1990 года я запомнила на всю жизнь. Утром, войдя в свой класс, я, как всегда, заспешила к окну. В привычном, знакомом до мельчайших деталей мире Дятлинки что-то изменилось и насторожило меня. Мне показалось, что дерево-капитан очнулось от зимнего сна и ожило.

Нет, на нём среди зимы не появились зелёные листочки, но явно ощущалось какое-то внутреннее движение. И вдруг дерево зазвучало: заговорило, запело, органными звуками обращаясь к Небу!

6

Мои терпеливые читатели!

Не спешите записывать меня в экстрасенсы или на приём к врачу-психиатру. Надеюсь, что такой же, как я, непутёвый дачник меня поймёт. Поймёт и образцовый, если его дача – в глухом

лесу, где непуганые зайцы загорают на грядках, а медведи заходят на медок. Меня поймёт любой из вас, мои дорогие читатели, если узнает, что на своей даче я, вместо того, чтобы срочно прополоть грядки с морковкой, валяюсь на траве – в обществе этих самых непуганых зайцев – и вместе с ними внимаю песенкам процветающих на грядках с морковкой одуванчиков.

И всё это потому, что с детства я увлекаюсь не только музыкой Баха, но и музыкой растительного и животного царств. И кое-что могу рассказать вам о ней. Со своей, далёкой от науки, колокольни.

7

Растения поют свои песни-молитвы всегда. Об этом знают не только поэты, но и монахи-отшельники, живущие в скитах.

Особенно богат молитвами растений август. Дозревают дети – плоды и семена. Растения-родители выполнили главную задачу своего жизненного цикла и могут заняться собой. А что главное для стареющих тружеников, стоящих у дверей перехода в иной мир? Подготовка к нему и раздумья о вечном.

Вот и наступают в природе особые дни: ясные, тёплые, очень тихие, – дни всеобщей, соборной молитвы растений. Кажется, что по всей нашей матушке-земле разливается необыкновенная, благоговейная тишина. Даже облака, если они вообще есть в такой день, стараются уйти высоко в небо и там залечь в дрейф, чтобы не мешать соборной молитве.

И тогда тончайшие золотистые нити и беловатые, нежные дымки-фимиамы устремляются в голубое небо. От каждого растения, от каждой травинки. Тихая, спокойная, невесомая песня-молитва. Но и по-своему сильная. Потому что соборная. Её может услышать и человек. Если умеет слушать сердцем. Быть в такие дни в не тронутом цивилизацией месте и молиться в унисон с природой – большая удача и счастье.

8

Но то август, а сейчас на дворе февраль. Что же случилось с деревом? – забеспокоилась я.

А дерево продолжало петь. На нем горели сотни свечей. Даже на самых крохотных веточках капитан зажёг свои маленькие, но яркие свечки.

Голубое небо казалось мне фиолетовым, ночным. И на его тёмном фоне отчётливо были видны оранжевые, пламенеющие звуки-лучи, улетающие в Вечность с дерева-органа, с дерева-подсвечника.

Я забывала об учениках и улетала ввысь вместе с ними.

Три недели продолжалась эта необыкновенная песнь. В ней не было привычных мне чувств: радости, восторга, горя, страданий. Только высокий, чистый, бесстрастный экстаз. Как у Баха в «Страстях по Матфею», в заупокойной «Мессе си минор».

Постепенно песнь становилась всё глуше, всё слабее. И, наконец, растаяла вместе с последним дятлинским снегом...

9

Я с нетерпением ждала весны. Мне хотелось знать, что случилось с деревом. Ведь то, что я чувствовала и ощущала, вовсе не означало, что так было на самом деле. Наши чувства и ощущения ограничены рамками возможностей восприятия и далеко не всегда переводимы в слова.

...Но вот деревья зазеленели. И на фоне юной листвы, украсившей старые дятлинские липы и ивы, как всегда, впереди, одиноко чернел ствол мёртвого дерева-капитана.

Я смотрела на погибшее дерево, и в моей душе снова звучала его последняя, обращённая к Богу песнь.

Как баховская Месса си минор...

10

Мёртвое дерево ещё долго стояло на Дятлинке. Я не могла смотреть на него без слёз, не могла спокойно работать. И без раздумий перешла в детскую музыкальную школу номер два, недавно открытую в новом микрорайоне «Дружба». Там в окне моего класса вместо деревьев виднелись горы строительного мусора, а по небу спешили озабоченные своими проблемами облака...

11

Необычная эта история случилась четверть века назад. И, переживая её, я думала, что у растительного мира земли – и прежде всего у деревьев – может быть своя, очень важная миссия на планете. Они – антенны. Но ловят эти антенны не только солнечную энергию для собственного роста, но и незримый свет Вечности.

И случайность ли то, что Бог дал возможность мне, человеку, прикоснуться к тайне смерти дерева? И не на даче, не в лесу, а в одном из главных, на мой взгляд, мистических центров наших древних Великих Лук – на острове Дятлинка.

И я восприняла это неординарное событие как знак, знак грядущих перемен. В моей жизни, в судьбах острова, города, страны.

В наших с вами душах...

Время показало, что так оно и получилось.

Иван ЧЕРНЯЕВ
г. Горловка, ДНР
Член Межрегионального союза писателей.

Господин с зонтом

Рассказ

...Владимир Адамович Парфенков шёл на остановку троллейбуса и смачно ругал себя за то, что сунулся на это мероприятие...

Когда директор их школы Валерий Григорьевич утром в учительской предложил по желанию посетить освящение музея Василия Рахновского, он мог бы отказаться. В конце концов он учитель русского языка и литературы, а Рахновский – поэт украинский, но задребезжала краеведческая струна в душе молодого учителя, и он после третьего урока отправился в центр Изотовска. Краеведением Владимир Адамович «заболел» в позапрошлом году, после окончания Торского госуниверситета он, отработав безбедно два года простым учителем, получил классное руководство. Ему достался 5-а класс, и первой их внеклассной работой было подготовка реферата на городской краеведческий смотр. Конечно же, реферат он написал тогда сам, не доверив своим юным воспитанникам отстаивать честь школы. Он взял за основу рассказа историю первого православного храма в Изотовске (тогда ещё Изотовке), который был открыт во второй половине XIX века при штейгерском училище имени Самуилова. Их класс тогда очень достойно выступил. Реферат о Свято-Макарьевском храме был отмечен дипломом первой степени среди учащихся средней школы. Петя Катченко и Таня Киева, которые озвучивали этот реферат, отчитали и забыли, а Парфенков на краеведенье после этого «подсел». Он начал собирать публикации, связанные с историей города, топонимикой и гидронимикой родного края. На выходные он мог сорваться и пойти искать истоки рек (а на территории Изотовска своё начало берут 29 рек), то обследовать холмы и курганы, а иногда и просто шёл бродить по склонам терриконов, отыскивая отпечатки растений или моллюсков в кусках породы. А потому, после своих уроков съездить на мероприятие посвящённого творчеству поэта-диссидента, который пару лет жил и работал в Изотовске, Владимиру Адамовичу показалось вполне закономерным решением.

Когда он подошёл к музею, который располагался на первом этаже панельной пятиэтажки, на высоком и широком крыльце уже стояли группки людей, среди которых угадывались журналисты городской прессы и радио, также Владимир Адамович заметил несколько учителей из других школ и изотовских литераторов. Из дверей появился директор музея и пригласил всех гостей вовнутрь, пояснив, что священник уже на подъезде, а пока можно ознакомиться с экспозицией. И Парфенков со всеми ожидавшими на крылечке стали потихоньку перемещаться с улицы в помещение. Музей состоял из небольшого фойе, кабинета директора и деловода, а экспозиционный зал, который был единственным, оказался просторным, хотя с невысоким потолком. Стена напротив была украшена панно, на котором были изображены заключённые с кирками и лопатами в руках, а у подножия этого изображения располагался макет зоны с миниатюрными вышками и бараками, окружёнными колючей проволокой, табличка возле этой экспозиции была лапидарной: «Пермь-36». На стене справа были рукописи Василия Рахновского, большое распятие и рядом фрагмент стены карцера, на которой рукой поэта нацарапаны его последние слова на украинском языке: «Господи, благодарю». Стена слева была заставлена витринами, на которых располагались документы, связанные с жизнью, творчеством и заключением Василия Рахновского, его рукописи, фотографии гражданские и тюремные, а на краю витрины висела тюремная роба. В самом углу был устроен карцер, по типу того, в котором поэт и умер. А стена возле входа была занята полками с книгами как самого Рахновского, так и материалов о нём, юридического и литературоведческого характера, без какой-либо систематизации, всё вперемешку, всё вповалку.

Когда народ сгрудился, появился протоирей Василий из Свято-Казанского храма, который располагался в жилмассиве Мария, батюшка был вместе с пономарём, они надели облачения и запели: «Царю Небесный...» Рядом стоявшие женщины подхватили, Владимир отметил про себя, что среди подпевающих были и педагоги, а также участники хора из Дома учителя, которых он помнил по городским мероприятиям. После того, как были прочитаны и пропеты необходимые молитвы и псалмы, отец Василий окропил экспозицию, после чего они откланялись и ушли. А слово взяла сперва деловод, весьма представительная дама лет около пятидесяти с белокурой кудрявой шевелюрой, она рассказала об основных задачах музея, о его устройстве и богатом архиве, который просто невозможно выставить весь. Владимиру понравилось, с каким воодушевлением она рассказывала о вверенном ей музее, она чуть ли не порхала от объявшей её лёгкости слова. А затем

слово попросил директор, он же автор идеи появления этого объекта в городе, полковник внутренних дел запаса Фёдор Олегов:

– Дорогие друзья, спасибо, что сегодня вы пришли в гости к поэту Василию Рахновскому, вы знаете, что наше заведение открыло свои двери ещё четыре года назад, но сегодня мы решили освятить нашу экспозицию, будем надеяться, что наш музей прослужит долго. А сейчас я хочу предоставить слово соратнику Василия Симоновича, который специально приехал ко дню нашего мероприятия из Киева. Встречайте – Василий Мальников.

И Фёдор Олегов взмахнул рукой в сторону публики, и из толпы вышел высокий худощавый господин: седоватый, остроносый с усами, а-ля Мыколайчук, в элегантно-подогнанном по фигуре костюме в зелёно-оливковую клетку, важной деталью всего гардероба являлся зонт-тросточка, на который он опирался. Но что-то было в нём очень странное, во взгляде его светилась какая-то непримиримость, что-то отталкивающее сквозило в его наружности, и Владимир даже успел подумать, что гражданину для полноты образа не хватает треснутого пенсне и жокейской шапочки.

– Дийсно, – сказал господин, – мэнэ звуть Васыль Мэльныков. Я вдячный, шчо мэнэ сёгодни запросылы на цэй захид. Але шчось мэни анияково, дивлячысь на все цэ... Розумиетэ, я прыйихав у мисто, дэ жив мий пры́ятэль, Васыль Рахнивськый, и я шокован. Куды ни заходь, чы то до крамныци, чы то библиотэци, нихто нэ розмовляе украйинською мовою. Я всэ розумию, спадшчина радянського рэжиму, але ж не можна знэважаты ридну мову. До рэчи, справа в тому, шчо на землях украйины николы росияны не булы коренным насэленням. На тэрэнах нашойы дэржавы усього чотыры коренни нацийи: украйинци, карайимы, гагаузы, та крымськы татары, а росиян тут ниякых не було. Все це дуже жахлыво*.

И он, оглядев ещё раз экспозицию, вдруг встрепенулся и продолжил:

– Ось, бачытэ, навить поклыкалы сюды московськых попив, яки освячали залу, навить концтабор попрыскалы, я навить подумав, бронь Боже, не дай шчоб всэ знов повторылося**.

«То есть, если бы попы были «киевские», – подумал Владимир Адамович, – то освящение бы не вызвало таких ассоциаций?». Но вслух произнести не посмел, гадская субординация, долбаное уважение к старшим, сволочное, ничем не оправданное чувство гостеприимства! Собравшаяся аудитория тоже безмолвствовала, журналисты, учителя, литераторы, все стояли в состоянии какого-то транса, как бандерлоги перед Каа. Никто не посмел пресечь это ядоизливание господина с зонтиком. А тот, распоясавшись, продолжил вываливать на головы изотовчан «факты» альтернативной истории, на своём цвенькающем говоре. В конце концов, Парфенков не выдержал и, демонстративно пройдя через зал перед носом зарвавшегося (завравшегося) оратора и хлопнув дверью, покинул безмолвное собрание интеллигенции. На крыльце стоял руководитель литобъединения «Восхождение» Николай Егорцев.

– Вы тоже не выдержали сентенций этого пижона? – поинтересовался литератор.

– Не выдержал, – ответил Владимир Адамович, – усадили свинью за стол!

И, удручённый гнусным настроением от этой встречи с гостем города, пошёл восвояси. Владимир шёл на остановку троллейбуса и смачно ругал себя за то, что сунулся на это мероприятие. То, что это мурло в интеллигентном костюме нагадило в душу изотовчанам, задевало меньше, чем то, с каким смиренным видом все это молча «проглотили».

В школе он не стал делать доклад о мероприятии, и о своём впечатлении никому не рассказал, но неоднократно прокручивая в голове этот случай, он понял одно: нездоровый национализм – это демоническое начало разрушения, однажды сыграет не самую лучшую роль в жизни его Страны.

***

Когда по прошествии определённого отрезка времени пришла война с лицом этого воинствующего национализма, Владимир Адамович, лёжа в окопе под Жмаканкой, в свой последний день, вспомнил об этом мероприятии. И за несколько минут до вражеского миномётного обстрела успел подумать о том, что этот «клетчатый» с зонтом просто оказался тем чеховским ружьём, которое в конце концов выстрелило, спустя восемь лет, в 2014-м.

---

* – Действительно, меня зовут Василий Мельников. Я благодарен, что меня сегодня пригласили на это мероприятие. Но отчего-то мне не по себе, глядя на всё это... Понимаете, я приехал в город, где жил мой товарищ Василий Рахновский, и я шокирован. Куда ни зайди, в магазин ли, в библиотеку, никто не разговаривает на украинском языке. Я всё понимаю, наследие советского режима, но нельзя же так не уважать родной язык. К слову, дело в том, что на землях Украины русские никогда не были коренным населением. На территории нашего государства всего четыре коренных народа: украинцы, караимы, гагаузы и крымские татары, а русских тут никогда не было. Это всё очень ужасно.

** – Вот, видите, даже позвали сюда московских попов, которые освящали зал, даже концлагерь побрызгали, я даже подумал, не дай Бог, чтоб всё снова повторилось.

Анна МАТВЕЕНКО

г. Донецк, ДНР

Родилась в 09.02.1965 г. в Донецке. По основному образованию – биолог, по дополнительному – «общественный журналист». Работает учителем биологии. Более 10 лет вела кружок журналистики, преподавала курс «Уроки гражданственности и духовности Донбасса». Публиковалась в альманахах, журналах, коллективных сборниках Донбасса и России. Член Союза писателей ДНР.

Васян

Рассказ

Звали его Васян. Для хороших знакомых – Васёк. А как ещё прикажете звать матёрого пятикилограммового кота бурой масти, с драным ухом и наглючими зелёными глазами?

Нет, он, конечно, отзывался и на Ваську, и на Василия, и на Васисуалия (гадость какая!). И даже на примитивное «кис-кис!». Почему же не отозваться, если колбаски предлагают?! Но в глубине своей кошачьей натуры ощущал себя только Васяном. Или Васьком – в самые приятные моменты.

Жил Васян в своём доме. Люди, в нём квартировавшие, считали, что дом принадлежит им. Но кого интересует человеческое мнение? И дом, и люди на самом деле были его, Васяниным, имуществом.

Дом был хорош. Печка теплая, огорода десять соток, и соседи отличные. Не соседи, а мечта! Слева за забором – рыжий Тимоха. С ним всегда можно повыть тет-а-тет и выяснить, кто на улице главный. И пусть ухо так и не заросло – Тимофей в их исторической драке вообще глаза лишился!

Отодрали Васька за тот бой нещадно! Ещё бы: шума было – на два квартала, полночи ор стоял. Да и «хозяева» Тимохи утром с жалобами прискакали, своего инвалида Васяниным людям полюбоваться принесли. Васёк и любовался. Его за шкирку держат, тапком по заду наяривают, Васян воет, а сам на соперника поглядывает. Хвостом по бокам хлещет: не дождёшься! Битый буду, а тебя не забуду. Если что, ещё не так врежу!

С тех пор Тимоха старался к Ваську подбитым глазом поворачиваться. Мол, я тебя не вижу и проблем у меня с тобой нет. А Васяну того только и надо было. Статус показал, лишнего кавалера отвадил – Мотька теперь вся его!

Мотька (по паспорту – Матильда) жила справа. И была она потрясающе красивой дамой: пушистая, трёхцветная, вальяжная! То, что происхождение у неё в прямом смысле помойное, значения не имело. А имело значение, что сумела Мотя в жизни хорошо устроиться. Людей завела с двухэтажным особнячком и крутым джипом. Питалась только фирменными кормами, носила шикарный ошейник и чувствовала себя королевой. Но против Васяна устоять не могла. То ли гены простонародные играли, то ли разодранное в драке за её сердце ухо стало решающей гирькой на чаше весов, но факт оставался фактом: дважды в год Мотины люди с руганью прибегали к Васяниным квартирантам и требовали пристроить разноцветное шебутное потомство своей «богини». Васян после этого выслушивал очередное нравоучение и, задрав хвост, выходил во двор. Он гордо дефилировал вдоль Тимофеева забора. Потом жильцы двух домов садились за свои компьютеры и выкладывали в таинственный интернет фотографии симпатичных мохнатых малышей. Котята через пару месяцев разъезжались по новым домам. А Васян опять начинал подлезать под соседские ворота и ночевать на подоконнике Матильды. Он надеялся, что её люди снова по недосмотру пошире откроют окно.

Да, хорошая была жизнь!

Коты – интересные существа. Они прекрасно понимают человеческую речь. Но, когда им это невыгодно, делают вид, что смысл слов их маленьким мозгам абсолютно недоступен. Они приучают людей делать то, что им, котам, нужно или просто нравится. Интуиция любого кота даст сто очков вперёд человеческому «шестому чувству». Это помогает кошачьему племени тонко и незаметно подстраивать реальность под себя. Однако иногда случается такое, что даже коты не могут изменить или скорректировать ход событий...

Васян давно понял: дело неладно. Слишком часто в беседах «его» людей стали проскакивать тревожные интонации. Слишком громко и агрессивно говорил ящик, именуемый «телевизором». Хуже стала еда и осторожнее – мыши. А потом пришла гроза.

Гром гремел, не переставая, всю ночь. Люди легли спать на полу – такого раньше никогда не бывало. Женщина подозвала Васька, обняла его и подгребла под свой тёплый бок. Иногда она прижимала его так, что становилось больно. Но кот терпел и не вырывался. Ему впервые стало страшно...

Наутро небо над домом было голубое и чистое. Никаких луж от грозы на снегу не наблюдалось. Васян потряс головой: какие лужи – зима на дворе! Тогда откуда гроза? И гром вроде ещё погромыхивает время от времени?! За этими «раздумьями» он чуть не пропустил самое главное: соседи справа в спешке кидали чемоданы и баулы в недра своей здоровенной машины. На заборе (на ЕГО заборе!) сидел Тимофей. Вытянув шею, он во весь один свой глаз наблюдал за происходящим. Рядом с машиной стояла клетка. (Да, люди называли её «переноской», но на самом деле это была самая настоящая клетка. Для приятных дел в «переноску» никогда не сажали – только к ветеринару или на другую квартиру ехать. Ну что тут может быть хорошего?)

В клетке-«переноске» горько плакала Мотя. Она жаловалась на тесноту, на то, что не спала всю ночь, а ещё – что её забыли покормить. Просила, чтобы её выпустили. Люди не обращали на Матильдино мяуканье никакого внимания. Ни Мотькины, ни его собственные. Они тоже стояли у забора и молча смотрели на то, как исчезают в джипе вещи. Что не поместилось, прикрутили на крышу. Хозяин джипа подошёл к ограде со своей стороны.

– Уезжаете, Николаич? – грустно спросил Васянин человек.

– Да, Сергей. К брату в Черкассы. Вы б тоже к родичам перебирались. Ты ж видишь, что творится? Не сегодня-завтра накроет...

– Некуда нам ехать. Наши все здесь. А там... Кто нас ждёт? Кому мы нужны? Тут – дом, работа. Вон и Васёк тоже остаётся. Да, Вась?

Васян муркнул и потёрся о ноги Сергея – обозначил территорию. «Куда уходить? Тут всё – моё!»

– Ну, смотри. Держитесь! А туго будет – давай ко мне! Чем смогу – помогу всегда.

– Посмотрим. Счастливой дороги, Николаич!

– Какое уж тут счастье, если война...

Николаич развернулся и медленно, словно нехотя, пошёл к машине. Оглянулся. Помахал рукой. Передал клетку с Мотькой женщине на заднее сидение. Сел. Захлопнул дверцу. И чёрный джип увез Матильду в неизвестные Васяну Черкассы...

Так началась для Василия война.

Это время запомнилось ему плохо. Жизнь пошла странная. Какие-то урывки потом всплывали в мохнатой Васяниной голове.

Непонятный и неприятный визг над крышей... Гром, гремящий почти непрерывно, не умолкая, сутками... Женщина, съёжившаяся у печки и читающая молитву. Матерящийся мужчина. Трепещущий язычок свечи – электричества почему-то не было. Ведро снега на припечке – воды в кране почему-то не было тоже...

Когда острые куски молний стали залетать в огород и корёжить крышу, Васян не выдержал. Он, наверное, сошёл с ума, а как иначе объяснишь, что убежал из своего дома. Убежал, несмотря на то, что люди его звали. Звали сквозь гром и сверкание странной грозы. Но Васян чувствовал: слишком горячи и опасны были осколки этих молний, сыпавшихся с неба. И, не помня себя, кинулся через окно.

Пожалуй, мир встал с ног на голову... Васёк свободно проскочил в проём рамы, а не шмякнулся со всей дури о прозрачное стекло. Может, и стекла уже не было? Васян не думал об этом. Он в тот момент вообще ни о чём не думал. Своим кошачьим чутьём – тем самым, что обеспечивает его племени целых девять жизней – он отыскал почти забытый лаз в заброшенный соседский погреб. Васёк не бывал там с тех пор, как из долговязого подростка превратился в солидного кота и в норе, ведущей в подвал, стали застревать усы. Как он ввинтился в полуосыпавшуюся дыру на этот раз, только Бог знает. Он, на самом деле, покровительствует не только дуракам и пьяным. Кошкам, поверьте, чудеса отпускаются без очереди.

В погребе было абсолютно темно. Грохот стал немного приглушённее, и Васёк, чуть успокоившись, расслышал рядом неровное дыхание. «Неужто крыса? – обрадованно подумал он. – Вот удача! От этих переживаний есть хочется зверски!» Но это была не крыса. В ухо ткнулся сухой нос, раздалось тихое хриплое «мяу!». Запах был знаком, шерсть на загривке встопорщилась: в подвале прятался старый соперник – Тимоха! Ещё одно хриплое «мяу!»... Тимофей (вот удивительно!) потёрся о Васька боком и еле слышно замурчал...

Гроза сверху не стихала, есть хотелось по-прежнему, крыс в давно опустевшем погребе не предвиделось. Васян вздохнул, зевнул и свернулся клубочком возле Тимохи...

Сколько прошло времени, коты не знали. Пили воду из лужицы, натёкшей в углу. Вылизывали грязные шкурки. Спали, греясь друг о друга. Просыпались и слушали грозу. Голод через некоторое время прошёл, но в желудках всё ещё противно ныло. А однажды они проснулись – и не услышали ставшего таким привычным грома.

«Мур?» – спросил Тимоха.

«Мя!» – твёрдо ответил Васян.

Вылезать было трудно, в лаз набилось мёрзлых комьев. Васян, копавший первым, порезал лапу о какую-то острую железку с рваными краями. Спасибо Тимохе: он закончил дело, пока Васёк оказывал себе помощь, зализывая ранку. Снаружи творилось странное. Дом было не узнать. Где привычная, милая кошачьему сердцу крыша? Одни сломанные балки и стропила торчат. Рам нет – пустые проёмы. В огороде – стая кротов-гигантов копалась! Да ещё и здоровенная корявая труба посередине грядки воткнута. У Мотькиного дома половина второго этажа куда-то делась – дыра. А в дыру стену с картиной видно. Стена закопчённая. Картина порвана, висит криво. И это у Матильды, у которой порядок в доме всегда идеальным был!

Дома, где жил Тимофей, вообще не было. Куча кирпичей и на ней, сверху, стиральная машинка. И асфальта не было. Ни тротуаров, ни дороги. Сплошное месиво из земли, кусков шифера и битого стекла. Посередине этого безобразия стояли его, Васянины, люди. Женщина вытирала слёзы, а мужчина курил, нервно затягиваясь. Потом отбросил сигарету и обнял подругу за плечи.

– Ну что ты! Смотри – стены есть, стропила есть. И мы, самое главное, живы! Говорят, в пострадавшие дома пластиковые окна вставлять будут. Так что восстановим всё, не плачь! Нам вообще, можно сказать, крупно повезло!

Он обернулся к груде строительного мусора, который был до грозы домом Тимохи, и, почему-то, надолго закрыл глаза.

– Серёжа, смотри! Васёк наш явился!

– Ты гляди, и Тимофей с ним рядом! И даже морды друг другу не бьют! – удивился Васянин человек.

– Где там силы морды бить?! Худющие, просто рёбра торчат.

– Зато живые. Тимоха, видать, в кошачьей рубашке родился. Да... Кот – вот он. А хозяев уже нет... Где жить будешь, бродяга? К нам пойдёшь? Правда, в доме пока неуютно...

Человек внимательно смотрел на одноглазого кота. Васян сначала возмутился: как так, не на него смотрят! В его, Васянин, личный дом приживалу приглашают, да через его голову! Безобразие какое! Произвол! Берегите тапки, всё припомню! А потом припомнил: гром над головой, тихое хриплое «мяу!» в темноте, лаз, который Тимофею пришлось раскапывать самому. Подумал о том, что тапок в доме, наверное, просто не осталось. Посмотрел на развалины за остатками забора. И стал вылизывать Тимке шею...

...В общем, жить вдвоём оказалось гораздо веселее. Особенно с тёплыми пластиковыми окнами, когда их наконец-то поставили. И только одно заставляло Васяна грустить по старой жизни: Мотька в Дебальцево так и не вернулась.

Как и её хозяева...

31.05.2016

Борис ФРОЕНЧЕНКО

г. Харьков, Украина

Родился 9 мая 1941 г. в Харькове. Окончил факультет древней истории ХГУ, участвовал во многих археологических раскопках: на Украине, в Крыму, в Грузии, в Средней Азии. Основную работу совмещал с профессиональным туризмом. Участвовал в создании харьковского клуба туристов, работал инструктором и участником горных спасотрядов. Один из инициаторов конкурсов «туристической песни» и организации «Клуба самодеятельной песни» в Харькове. Открывал первый харьковский фестиваль КСП и был членом жюри. Публикуется с 2009 г. Член Конгресса литераторов Украины, Межнационального Союза писателей Украины.
С 2012 года является членом Союза писателей России. Автор 3 книг стихов и книги прозы.

О малой и большой – Родине...

Эссе

Что такое малая Родина? Конечно, мне понятно, что человеку, который родился за Полярным кругом, близки снега и морозы, а туарегу из Африки или бушмену из пустыни Калахари по сердцу пески и солнечное небо...

Но у меня эта малая Родина была Великой!!!

Я мог любоваться снегами Заполярья и песками Туркмении; мне по сердцу были и Северное сияние, и льды на вершинах Кавказа; я восхищался и золочёными куполами Москвы, и изразцами минаретов Средней Азии, пещерным городом Вардзиа, построенным царицей Тамар, а также древней архитектурой Самарканда и Бухары, деревянными храмами России и вишнёвыми садками возле глиняных мазанок Украины... И всё было одинаково дорого...

Я побывал и в Пещерах Киевской Лавры... Мощи, конечно, впечатляли, но страха не было – только любознательность и ощущение глубины времени...

Это и была моя малая родина, в сравнении с нашей общей большой Родиной – Планетой! Но вот однажды, в Прибалтике, в попытке ознакомиться со средневековым рыцарским замком, я оказался в плену Страха... Когда я склонился над колодцем, чтобы напиться воды, то вдруг почувствовал, что за мной внимательно наблюдает «нечто» – я ощущал на себе его злобно-выжидающий взгляд... И, хотя меня уверяли, что в колодце этого замка вода абсолютно безопасна, я не смог сделать ни глотка и поскорее ушёл, но даже вне стен этого замка я не мог отделаться от ощущения, что это «нечто» продолжает наблюдать за мной...

Это «нечто» окутывало меня состоянием более тоскливым, чем бесцельная жизнь и более страшным, чем бесцельная смерть...

Ещё более сильное состояние такого плана я испытал, слушая выступления украинских «свидомых» о статусе русского языка...

И я, кажется, понял, в чём дело! «Дядя Сэм», ограбивший Европу и не только, выпустил из своих подземелий это самое «нечто», а точнее – ничто»... И это «ничто», как и в рыцарском замке, внушает свою волю правителям тех стран, которые они обрекли на уничтожение...

Я хотел бы предупредить Париж и Лондон, Берлин и Брюссель о том, что в биологии давно известна концепция пауков в банке: не имея другой пищи, они станут пожирать друг друга...

В конце концов, остаётся один – самый крупный и сильный...

Именно эта ситуация складывается в нынешнем западном мире... Ресурсов (то есть, пищи) на всех уже не хватает, и «дяде Сэму» пришла в голову самая простая мысль: избавиться от множества лишних ртов – вернее, лишних народов: славян, азиатов, африканцев и части европейцев...

И вот западноевропейские пауки раскинули «паутину», в которую заманивают третьесортных, самых слабых, на их взгляд, «паучишек» – вроде Украины, Молдавии, Грузии – чтобы выслужиться перед самым хищным и огромным пауком, который ждёт своего часа за океаном... Но ведь когда более слабые «паучишки» закончатся, главный хищник примется за более крупную добычу, и тогда уже Западной Европе придёт конец!

А может, и миру вообще... Кто даст гарантии, что, погибая, этот огромный паучище не наградит «смертельным укусом» весь мир?

И тогда мёртвый шарик – планета Земля, на котором не слышны будут ни шорох ветра, ни шевеленье трав – будет вращаться вокруг уже ненужной ему звезды Солнца... Слышно будет лишь змеиное шипенье злобного «нечто»... Если только это «нечто» сможет издавать звуки...

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Сергей ЧЕПРОВ
г. Темрюк, Краснодарский край

Член Союза писателей России. Автор 6 книг стихов. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни». Лауреат алтайской краевой литературной премии им. Г. Панова, 2013 год (за книгу стихов «Кукушка»), лауреат премии «Российский писатель», 2016 год (за статью «Из спелых 70-х» о творчестве иркутского писателя Анатолия Байбородина). Ряд стихотворений вошли в антологию «Молитвы русских поэтов», изданную по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

«Когда б насквозь мы видели друг друга...»

Рождество

Треснет веточка берёзы,
Сбросит наземь белый прах.
Враз напомнили морозы,
Что живём не на югах.

Не хотелось даже верить,
Что бывает холодней.
Погрустневшие деревья
Промерзают до корней.

А с дерев вороны глупо,
Понахохлившись, глядят:
Снизу шубы да тулупы
Пара струйками пыхтят.

Над домами, над дворами
Всё клубами пар да дым.
И от края и до края
Небо сделалось седым.

Не пробьётся солнце даже
Сквозь мороза торжество.
Вот такое, прямо скажем,
Вышло нынче Рождество.

Мои птички

И птичкам хочется кушать.
Зиме не видать конца.
Я каждое утро в кормушку –
То хлебушка, то сальца.

Как будто уже зажда'лись.
А только забрезжил рассвет.
Сидят на ветвях, обсуждают:
Проснулся кормилец иль нет?

Не знатные, в общем-то, птички.
Не сладкое, видно, житьё.
Воробушки да синички.
Ещё вороньё-ворьё.

Тут поутру как-то вышел
(К весне морозы слабей)
И звонкий «чирик» услышал.
Знакомый, видать, воробей.

И в теле теперь, и в силе,
Соколиком на проводах,
Чирикнул: «Спасибо, Василич,
Что в зиму пропасть не дал!».

Баба снежная

По морозцу в январе
Столько снега свежего!
Вот и лепят во дворе
Люди бабу снежную.

Издалече всем видна
Баба та бедовая.
Только вот совсем одна:
Холостая ль? Вдовая?

Мужика б ей от тоски.
Экая нелепица:
Снежные-то мужики
Ну, никак не лепятся.

Супротив мужская стать
Этой процедуре.
Видно, зиму вековать
Ей одной, как дуре.

И одной встречать метель,
Коли закружится.
И в холодную постель
Всё одной ложиться.

***

Пока в снегах моя избушка тонет,
Не наглых воробьёв или синиц, –
Я научил клевать зерно с ладони
Двух осторожных красногрудых птиц.

Они людей насквозь, похоже, видят.
И чаще всё сторонкою звенят.
Но понимают: здесь их не обидят.
Накормят – да. А зла не причинят.

Мороз слабеет. Даже тихнет вьюга,
Пока кормлю с ладони снегирей...
Когда б насквозь мы видели друг друга,
Насколько б мир был чище и добрей!

Виталий КУЗНЕЦОВ
г. Усолье-Сибирское, Иркутская обл.
Учредитель и главный редактор журнала «Северо-Муйские огни».
Член Европейского конгресса литераторов, действительный член Крымской литературной академии. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя, всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Стихи и рассказы публиковались в литературных журналах и альманахах России, Украины, Беларуси, Германии и Канады. Автор книги «Повести» (Канада, 2016 / Россия, 2017).
Член редакционного совета областного омского альманаха «Тарские ворота».

Забайкальская весна

(из подготовленной к печати книги «Двенадцать месяцев с душой»)

Апрель

Редеет снег на сопках белых,
В лощинах зиждутся ручьи.
И греет мир подснежник смелый
Пурпурным пламенем свечи.

Весенняя ночь

Свист диких крыл, движенье льда,
Лесов таинственный каприз.
Сиянье звёзд, в лугах вода.
Над нею лик луны повис.

И просветлённый воздух чист
И оживлён, колюч и свеж.
Знакомый мне поэт – речист
И полон радостных надежд.

Костра ночного ярок свет,
Поэта сердце греет он.
Душа поёт, и ей в ответ
Весенний льётся перезвон.

Первоапрельский снег

Заигрывая с ветром, как живые –
Как стаи белокрылых мотыльков,
Порхая, кружат хлопья снеговые.
И я поверить в зиму вновь готов.

Апрель в снегу

Как в ноябре хрустит в апреле снег,
Он только что всё в белое окрасил.
И хоть ручьёв повсюду слышен бег,
Апрель в снегу – особенно прекрасен!

Стоят берёзы в белой бахроме –
На тонких ветках будто снег нанизан.
И ветви кедров, словно в сказке-сне,
Весне даруют зимние сюрпризы!

Утро года

Весна. Проснулась, ожила природа,
Засуетилась, как в начале дня.
Друзья, скажу вам: это утро года!
И верно лишь не только для меня.

Повсюду оживление такое,
Что даже тесно стало в мире жить!
Под ногу выбираю место то я –
Чтоб случаем кого не раздавить.

Ведь и меня весна зовёт к движенью,
И потому мне надобно спешить.
Но по тропе иду я словно тенью,
Боясь кому-то в утро навредить.

Мелодия весны

Я рад – постигло вдохновенье,
Рождая стих, затем ещё другой:
Весна даёт возможность слышать пенье,
Проснулось сердце, и звучит гобой*!

Ликуют блики тёплых настроений,
Мелодия весны в душе струится,
И нет тревогам места, нет сомнений, –
Стихи звучат – и входят на страницу!

* Гобой – мелодичный духовой инструмент.

На заре

Утро раннее,
в пору любить –
На заре
пробуждается страсть.
Я хочу, –
стану ей говорить. –
Я люблю, –
буду ей я шептать.

Разбужу в ней
весеннюю стать,
И она –
мне любовью ответит;
Всю себя
не замедлит отдать,
Как заря
растворится в рассвете.

Цветёт Даурии багульник*

До седьмых пурпуровых небес
Отражаясь, Муйская долина
Расцветилась чудом-из-чудес
Радужно-лиловым переливом.

Склоны сопок, заводи озёр
Высветив малиновым сияньем,
Вспыхнувший багульника костёр
Озарил просторы Забайкалья!

* – Рододендрон даурский.

Николай ЕРЁМИН
г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 г. Автор собраний сочинений в 6 томах. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях. Стихи опубликованы и на китайском языке (в переводах Хэ Суншаня, г. Синьян).

«И, глядя в космос...»

***
Я жил когда-то
В Атлантиде –
И лучшим из атлантов был...

И кем я стал?
Вы посмотрите:
Без тех, кого я там любил...

Кто канул
В бездну бытия...
О, Атлантида, мать моя...

***
Судьба руководит поэтом.
А рок
Руководит судьбой.

Я это знаю,
Но при этом
Пытаюсь быть самим собой...

Свободным
От жестоких рук
Среди свиданий и разлук...

Друзей неверных и подруг,
Идущих рядом – вековой
Дорогой к цели роковой...

***
Детство. Цирк Шапито...
Всё, чего я хотел,
Превратилось в ничто
Меж обыденных дел...

И исчезло из глаз
После клоунских фраз –
В сон, в волшебный экстаз –
Наяву, без прикрас...

...Чтоб вернулись ко мне
Все хотения вновь
По весне, при луне
Под названьем – любовь.

***
Кому принадлежит душа моя
В космическом пространстве бытия?

Тому,
К кому она – из тела в тело –
Из века в век – счастливая – летела...

О, этот удивительный – вот-вот! –
К мечте
То недолёт, то перелёт...

***
Я вижу – значит, я свидетель.
Радею – значит, я радетель.
Мечтаю – значит, я мечтатель.
Спасаю – значит, я спасатель.
Между землёй и небом житель,
Я мыслю – значит, я мыслитель...

Хотя ворона в полумрак:
– Карр-карр... – твердит, –
Как бы не так!

***
Выпал град...
Вся земля – в жемчугах...

Хорошо-то как!
Господи, ах...

Я несу неземную красу...
А она – тает – эх! –
На весу...

***
Парадоксы житья меж людьми –
Эх! –
То в центре вниманья, то с краю...

Было: я умирал от любви...
А теперь
Без любви умираю...

***
Как хорошо
Купаться в Чёрном море!
И подниматься в гору, как в кино...

И на горе,
На солнечном просторе,
Пить с Музой виноградное вино...

И слушать, как рифмуя:
– Се+ля+ви –
В душе и вне ликуют соловьи...

И, глядя в космос, –
Вот где благодать! –
Пытаться звёзды – все – пересчитать...

Марк ПОЛЫКОВСКИЙ
г. Ашдод, Израиль

Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем – институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатриировался в Израиль. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдодский дневник». Автор более 10 книг стихов и переводов.

Мои сезоны

(Фрагмент сонетного венка)

Весенние посиделки

(20 сонетов к Весне)

61.
И вокруг ходят кто-то не те,
словно тени, плетутся упрямо –
кто стремится к заветной мечте,
кто-то ищет тропинку до храма,

ковыляет мужик в хомуте,
семенит рядом пышная дама
в несуразном на вид декольте,
не скрывающем жалкого срама...

Боже правый, какие виденья
порождают полночные бденья,
если звёздное небо лучится,

если бродят весенние соки,
если мысли, увы, одиноки,
у прохожих увядшие лица...

62.
У прохожих увядшие лица,
ноги чавкают в талой грязи,
и весна может только присниться, –
ей бы в пешки, не то что в ферзи.

Да и то, ни к чему торопиться,
Дед Мороз ещё где-то вблизи,
не капель, а слеза на ресницы
каплет нехотя, – в этой связи

остаётся терпеть грязь и слякоть
и надеяться: всю эту пакость
скоро смоет, весенние грозы

возвестят, что тепло на подходе,
что, как прежде, подвластны природе,
отступают, уходят морозы.

63.
Отступают, уходят морозы,
побежали ручьи вдоль дорог,
на базаре букетик мимозы
прихватив, ты шагнёшь за порог,

как хмельной – от любви, хоть тверёзый,
и в глазах у жены – уголёк,
а на кухне – творожный пирог…
В путь! Грядущие метаморфозы

отражают начало весны,
дни короткие стали тесны
для прогулок под мартовским небом.

Да и ночи кончаются вмиг,
я с трудом эту правду постиг.
Ах, весна! То ты быль, то ты небыль!

64.
Ах, весна! То ты быль, то ты небыль,
то мороз поутру, то капель, –
не поймёшь, как там выпадет жребий:
то февраль на дворе, то апрель.

Где-то стройный и крепкий, как стебель,
опереточный мартовский Лель,
спьяну мертвенно-бледный, как пепел,
достаёт из котомки свирель

и наигрывает плясовую,
как и девки вокруг, озорную,
о Снегурке своей подзабыв.

Всё же жаркое солнце-Ярило
снег и стужу легко покорило, –
у весны кроток нрав, незлобив[16].

[16] Аллюзия на пьесу А.Н. Островского (1823 – 1886) «Снегурочка» («Весенняя сказка») (1873).

65.
У весны кроток нрав, незлобив,
и вселяется в сердце смятенье,
напеваешь какой-то мотив,
по душе полуно́чные бденья,

и хмельной от любви коллектив,
старых верных друзей единенье.
Я не вижу иных перспектив,
прославляю весны пробужденье,

счастлив видеть открытость души
всех, кто с детства друзья-кореши,
в ком весною мечты – не химеры! –

порождают стремление жить,
если сил хватит, – в вальсе кружить,
улыбаться, не ведая меры.

66.
Улыбаться, не ведая меры,
по весне всем улыбка к лицу, –
как изысканны все кавалеры,
ну а дамы – хоть сразу к венцу!

Улыбайтесь, и леди, и сэры,
величавость присуща глупцу,
к чёрту светские ваши манеры,
улыбайтесь юнцу, мудрецу,

тем, кто в Песах вкушает мацу,
улыбнитесь святому отцу,
улыбнитесь семье инородца –

всем, кто рады теплу и весне,
улыбнитесь любимой жене, –
каждый вам от души улыбнётся.

67.
Каждый вам от души улыбнётся,
потому что с приходом весны
светит утром нежгучее солнце,
и глаза у прохожих ясны,

и сороки трещат у колодца,
и на рынке за всё полцены
у пропившего ватник чухонца, –
хорошо, хоть не пропил штаны.

Ах, весна, что ты делаешь с нами!
Были б корни, вцепился корнями
в землю, чтоб не взлететь в небеса,

чтоб стоять, не шатаясь, как спьяну,
и не рыскать по меридиану,
где какие творят чудеса.

68.
Где какие творят чудеса
с нами всеми весенние боги,
не расскажешь за те полчаса,
что даны на сомненья, тревоги,

на попытки узнать адреса,
до которых прошёл полдороги,
где дурнушка, а ныне – краса
обживает лесные чертоги...

Я люблю этот сказочный лес,
где не леший, так чёрт или бес
непременно подскажет дорогу

до поляны, где речка журчит,
колокольцем корова бренчит,
там тропинка ведёт до порога...

69.
Там тропинка ведёт до порога,
а весна уже в самом цвету,
где-то *катятся волны полого*[17],
и черёмухи дух за версту

кружит голову, память былого
заставляет прижаться к кусту,
обратиться с молитвою к Богу –
Иегове, Перуну, Христу,

всё равно, да хоть к рыбке из сказки, –
мол, позволь мне без лишней огласки
быть с собой и с природой в ладу,

не роптать при осенней невзгоде,
улыбаться при всякой погоде,
не плясать под чужую дуду.

[17] Аллюзия на песню Виктора Берковского на стихи Дмитрия Сухарева «Альма-матер» (1978).

70.
Не плясать под чужую дуду
я стараюсь и ныне и присно
и пашу так свою борозду, –
впрочем, жизнь, как известно, капризна,

и ущерб свой, и боль, и тщету[18]
я несу, иногда закулисно,
чтоб прикрыть от других срамоту...
Но трепещет в груди укоризна:

«Не юли, дай сомненьям отпор,
чтобы впредь жить себе не в укор,
чтоб не мучили мысли лихие».

Дождь весенний играет с листвой,
от весенних забот сам не свой,
слов поток обращаю в стихи я.

[18] Аллюзия на строку из стихотворения Варлама Шаламова (1907-1982) «Меня застрелят на границе…» (1956).

71.
Слов поток обращаю в стихи я
и пытаюсь писать о весне, –
говорят, иногда неплохие,
но мой внутренний критик честней,

он-то знает, какой чепухи я
написал наяву и во сне,
и как истово треплет стихия,
чтоб не щукою быть на блесне.

А весна бодро движет к апрелю,
воздух полон сиренью, – и трелью
певчий дрозд отмечает рассвет.

У заборов снег, тая, чернеет,
но полянки уже зеленеют,
зажелтел на лугах первоцвет.

72.
Зажелтел на лугах первоцвет
даже в дальней карельской глубинке,
можно маме спроворить букет
и, конечно, соседке Маринке, –

в женский день есть такой этикет,
ничего что штаны на резинке,
но не пестики мы, не тычинки,
а мужчины с мальчишеских лет.

Мне на рынке букетик в газету
обернут, а потом я к букету
приложу на открытке стишок.

В нём про то, что без женщин мужчины
всё равно что гора без вершины.
В общем, ставьте букетик в горшок.

73.
В общем, ставьте букетик в горшок,
если нет хрусталя в вашем доме,
дайте в руки сынишке флажок, –
вам шагать в первомайской колонне

мимо площади, где бодрячок
в микрофон голосит об объёме –
стали или жилья... Тут слушок
пролетел: за углом в гастрономе

кто-то видел – дают колбасу.
Все туда. Не себе, так хоть псу,
если в ней только жилы да кости.

Всюду флаги, портреты вождей,
серпантин вечных очередей...
А у нас будут вечером гости!

74.
А у нас будут вечером гости, –
всё что надо готово к столу,
нам с сестрой дан наказ: «Пылесосьте!» –
папа к чаю достал пастилу.

Вот в прихожей и шляпы, и трости,
кучкой сбились калоши в углу.
«Все за стол! Не забудьте о тосте!
И воздайте хозяйке хвалу!»

Всё, как водится, выпили, съели,
поболтали и даже успели
обсудить затяжную весну,

что лихие грядут перемены,
что давно изучать надо гены,
что Лысенко[19] подобен бревну.

[19] Трофим Денисович Лысенко (1898 – 1976) – советский агроном и биолог. Основатель и крупнейший представитель псевдонаучного направления в биологии – мичуринской агробиологии, академик АН СССР (1939), академик АН УССР (1934), академик ВАСХНИЛ (1935). Из-за ошибочных взглядов Лысенко на генетику (отрицание менделевского расщепления, отрицание неизменных «генов»), а также политизированных высказываний в адрес оппонентов критики называли теорию Лысенко о «порождении видов» «средневековой, позорящей советскую науку».
В результате дискуссий 1952 – 1955 годов эта теория была специалистами СССР полностью отвергнута.

75.
Что Лысенко подобен бревну,
я от папы узнал в раннем детстве[20]...
Впрочем, я не о том – про весну,
о её негасимом наследстве,

майских днях, прекративших войну,
босоногом своём малолетстве,
о желанье, чтоб всё по уму,
о весеннем девичьем кокетстве,

о мальчишеских играх, друзьях,
о разбуженных солнцем страстях,
о весенних безудержных грозах.

Я о том, что подруге в саду
так приятно плести ерунду,
о листвой шелестящих берёзах...

[20] И это чистая правда, потому что папа, успев перед войной, до эвакуации закончить первые курсы медицинского факультета Тартуского университета, был прекрасно знаком и с клеточной теорией Рудольфа Вирхова, и с законами наследственности Грегора Менделя. Так что труды Лысенко и его последователей в медицине, в частности, Ольги Лепешинской воспринимались в нашей семье не иначе как бред сивой кобылы.

76.
О листвой шелестящих берёзах
и закатах, стремящихся в ночь,
уносящихся вдаль паровозах
я писал бы, но больше невмочь, –

не видать мне берёзовых рощ,
ни в текущих, ни в дальних прогнозах
не увидеть, как мачтовый коч
рассекает волну. О курьёзах

холодов вплоть до мух белоснежных
средь цветенья изысканно нежных
гроздьев белых черёмух – мечтать,

лишь мечтать я могу в эту пору,
да писать – только это мне впору.
А потом снизойдёт благодать...

77.
А потом снизойдёт благодать
в виде солнца, тепла и раздолья,
в угол брошены в клетку тетрадь
и учебник... Махнуть бы в Усолье!

Впрочем, что я, какой-нибудь тать,
скоро буду студентом, не голь я
перекатная, хватит валять
дурака, нагуляемся вволю

очень скоро. Весна на исходе,
как всегда, переменчива. Вроде,
потеплело, кузнечик трещит,

майский жук пролетел деловито
и жужжа на кого-то сердито.
По-весеннему время бежит.

78.
По-весеннему время бежит,
май давно уже в самом разгаре,
солнце жарит, как мощный софит,
время думать о первом загаре,

берег тянет к себе, как магнит,
на песочке Иваны да Марьи
телеса устремили в зенит:
параллели-перпендикуляры...

Пусть нестоек карельский загар,
но воистину он божий дар
при изменчивой нашей погоде.

Для компании свой общепит:
хлеб, яички, ситро, реквизит, –
недурён аппетит на природе.

79.
Недурён аппетит на природе.
Я смотрю сквозь окно на пригорок,
там с утра при честном при народе
расстилается море скатёрок, –

может быть, это дань местной моде,
но из сумок, баулов, ведёрок
выгребается снедь – целый ворох, –
и ведь все не голодные, вроде,

но на несколько наших кварталов
слышен запах мясной от мангалов
целый день до густой темноты.

А наутро гуляют по травке
мамы, няньки да детки-малявки –
воплощенье весенней мечты.

80.
Воплощенье весенней мечты...
Я не знаю, что это такое,
может быть, то, что я – это ты,
и что ты – это я. Я не скрою,

без тебя на краю темноты
я б, наверно, отринул мужское
и решил, что уж лучше кранты,
чем влачить прозябанье мирское.

Но случилось иначе. С тобой
я, уже далеко не ковбой,
всё живу – и живу полноценно.

А весна, ускоряя свой бег,
уступает жаре – не навек!
Лето мы принимаем смиренно.

Леонид КАРПОВ
п. Кестеньга, Республика Карелия
Член Союза российских писателей. Автор 2 книг стихов: «Давай поговорим» (2013), «Всё просто и всё очень сложно» (2016). Публиковался в журналах «Север» (Петрозаводск), «Северо-Муйские огни».

«О, женщина! Ты стольких вдохновила...»

Я мог бы, но...

Не устаю смотреть, как суетишься ты
у раскалённой докрасна плиты.
За что бы ни взялась умелою рукой –
на сердце у меня царит покой.
Змеёй шипит бифштекс и булькает подлива...
О, как сейчас ты выглядишь красиво!
Я запросто бы мог помочь промыть спагетти,
но, извини... перебираю сети.

Не устаю смотреть, как бережно и ловко
полощешь в ванне ты мою спецовку.
Твой тонкий гибкий стан,
весь в белоснежной пене,
по кухне проплывает, как по сцене.
О, как ты напряглась! Как тетива у лука!
Да, отжимать бельё – сплошная мука.
Я мог бы без труда решить проблему эту,
но, извини... не дочитал газету.

Не устаю смотреть, как, плюнув на простуду,
ты намываешь грязную посуду.
Азарт в твоих глазах так неподдельно светел,
что я недомоганье не заметил.
О, как чихнула ты! Аж моющее средство
запузырилось, мне напомнив детство!
Я мог бы поступить галантно и красиво,
но, извини... Вдруг выдохнется пиво?

Не устаю смотреть, как гордо-неприкрыто
ты драишь пол под хруст радикулита.
Чуть слышный плеск воды
и швабры шелестенье
выравнивают у меня давленье.
О, как, любовь моя, сейчас ты сексуальна,
туда-сюда шныряя вдоль дивана!
В тебе прекрасно, ух! всё: и душа, и тело,
но, извини... футбол – святое дело!

Один раз в год... Подражая Б. Окуджаве

Из окон корочкой несёт поджаристой,
за занавесками – мельканье рук.
Не знала Наденька, что так безжалостно
собой пожертвует её супруг!

С утра, как белка, он на кухне вертится,
сварил к обеду борщ и торт испёк.
Ах, Надя, Наденька, тебе не верится,
что этот, в фартуке – твой муженёк!

В его руке цветов букет топорщится,
его слова любви так хороши:
«Ах, Надя, Наденька, мне очень хочется
в любую сторону твоей души!»

Исчезнет запах, жаль, к утру поджаристый.
Проснёшься рано ты, во взгляде – тень.
И с грустью вымолвишь:
«Вернись, пожалуйста,
Международный наш ты женский день!»

Всё когда-нибудь придёт

Посиди, ну хоть немного,
с тем, кто рифмой опьянён.
Мне рукой подать до Бога
даже там, где нет икон.
Я на краешке Вселенной
ночевал ещё вчера
и грешил строкой нетленной
аж до самого утра.
Ты пойми – мне скоро снова
то на казнь идти, то в бой.
Шансов нет любить такого,
не пожертвовав собой.
Просто этот вьюжный вечер
проведи со мной сейчас
и смирись, что в небе свечи
завтра вспыхнут не для нас.
Март возможность не упустит
потревожить сон аллей.
Станут тени нашей грусти
и короче, и светлей.
Ты забудь о непогоде,
не веди потерям счёт.
Всё когда-нибудь проходит.
Всё когда-нибудь придёт.

***

О, женщина! Ты стольких вдохновила!
Что ни скажи – полнейший плагиат!
Я предложу небесные светила –
подумаешь: «Он явно не богат!»
Я позову на край земли, и сразу
твой вывод: «Он гуляка и транжир!»
Какую бы ни вымучил я фразу,
она, увы, уже стара, как мир!
Подарками осыплю – сразу ясно:
член мафии, а может, даже босс!
Таких любить приятно, но опасно,
и, как всегда, опять воротишь нос!
Что сделать мне, влюблённому поэту,
о, женщина, чтобы, забыв про сон,
ты звёздам говорила до рассвета:
«Как хорошо, что есть на свете он!»

Ефим ГАММЕР

г. Иерусалим, Израиль

Ефим Гаммер родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге. Журналист. Закончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, работал в газетах «Латвийский моряк» (Рига) и «Ленские зори» (г. Киренск, Иркутская обл.) Лауреат ряда российских и международных литературных премий, в том числе Бунинской премии (серебряная медаль/Москва–2008), премии «Добрая лира» (Санкт-Петербург–2007, 2019), «Золотое перо Руси» (золотой знак/Москва, 2005/и золотая медаль на постаменте/2010), всероссийской премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2019). Автор 28 книг (роман «Приёмные дети войны» был отмечен Фондом «Русский мир»). Лауреат (золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова (2012 г.) за лучшее художественное произведение для подростков и дипломант 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. В 2014 году на Международном конкурсе журналистики, проведённом в Сибири, «Неизвестная Россия» стал победителем в номинации «Мастерство» за очерк о сибиряке Никодиме Корзенникове, легендарном солдате Второй мировой войны «Разминуться со смертью».

Работает на радио «Голос Израиля». Редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников, входит в состав редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия). Публикуется в журналах и альманахах России, США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводится на иностранные языки.

«На перекрёстке чувств и мнений...»

***

Зорька лижет дымный стланик.
Юркий глиссер воду пенит.
Мне сродни – такой же странник –
чужд он злодремотной лени.
Мчит по Лене. Чтит паренье.
«Жить бореньем!» – во весь голос.
Не в бегах... Он вечный пленник
скорости плюс снова скорость.
И летит, как бы ужален,
из мгновения в мгновенье,
кровяной сибирский шарик
по речной сибирской вене.

***

Живём легко и очень просто,
не поминает всуе – «по´сто».
«Сухой закон» – закон для всех.
Наш бригадир – «судья народный»
с могучей дланью, как лемех,
готов принять на душу грех –
«вспахать под зябь» кого угодно,
любого, всякого, коль он
нарушит праведный закон.

Привыкли быть всё время вместе.
В сердца друзей не вхожи с лестью.
И величает друга друг,
как принято в Сибири, «паря».
И редко в двери к нам – «тук-тук» –
стучится властелин-испуг.
А попросту пугаться стары.
Живём неброско. На реке.
От всех соблазнов вдалеке.

Речной песок течёт меж пальцев,
как жизнь геологов-скитальцев,
как «нефартовая» река.
Мы ждём «крупинку-вертихвостку».
Но худо дело: эта блёстка
к своим добытчикам строга,
не кажет глаза из песка,
хотя песок – наш друг стервозный –
«по паспорту» золотоносный.

«Пустыми» канут в вечность сутки.
И вновь отбой, и вновь побудка.
Измят с прогнозами листок.
В науке мы не видим прока.
Во что же верить? Видит Бог:
настало время – самый срок,
чтоб «фарт» включился, ради Бога,
и выволок из тупика,
куда нас завела река.

Сибирская перезагрузка

Стихи, стихи по всей России.
Из дали в даль. Из края в край.
Стихи, стихи. И часовые.
И затяжной собачий лай.
Тропинки вымокли лесные,
водою залиты следы.
Стихи, стихи по всей России.
И грусть. И ропот. И суды.

Приметы времени такие –
не разобидеть бы кого.
А что до помыслов, лихие
теперь не значат ничего.
Емелька из легенд отозван.
Прогнали Стеньку сквозь экран.
И боль-тоска, но поздно, поздно
рвёт на груди меха баян.

Уходят малые-большие,
уходят люди невзначай,
и незаметно, как и жили,
как ели хлеб и пили чай.
Им ничего уже не страшно.
Так пусть они доскажут речь.
А где? Как будто это важно...
Важнее камень скинуть с плеч.

Забытье – жданная услада.
Но вот проснулся, и опять
на выбор – ад иль то, что рядом,
с названьем – рай. Куда шагать?
Податься в рай? Пустое дело.
Баклуши бить? Гулять в саду?
А закобененное тело
работы просит хоть в аду.
Вдруг сверх зарплаты рубль положат?
Путёвкой в рай вдруг наградят?
Что размышлять? Всё в длани Божьей.
И спорить что? Привычней ад.

В аду жарынь! В аду погода,
что вгонит в гроб и мертвеца.
И возмущение народа
командой райского дворца.
Носи дровишки, потчуй брата
разноголосым кострецом.
Склоняй, в зубах кипящим матом:
«Дворец! Дворца! Дворцу! Дворцом!»

И донесли. И по начальству
пришлось наладить обходной,
чтоб разъяснили в одночасье:
«Ты что? Придурок аль больной?»
И закатали на проверку.
«Дышите в трубку! Так и так!»
И, вынув душу, сняли мерку,
чтоб вдуть её в земной барак.
«Эй ты! Ходи на изготовку.
Сейчас запустим в мать твою!»
И запустили... Вот как ловко
жить приспособились в раю.

Темна утроба. Мир весь тесен.
Но сколь приветливо тепло
доступных слов, знакомых песен.
О, боже мой! Как повезло!
Опять я дома. Пуповиной
привязана душа к нему.
И льётся пухом тополиным
земное таинство сквозь тьму.
И непонятное понятно.
И ясен путь на много лет.
Какой за тьмою мир нарядный!
И как прекрасен этот свет!

Вновь жизнь – в каком уже начале –
не счесть, как и былых затей,
стонала, плакала, кричала,
взывала к совести людей.
Но нет, но нет стези заветной,
всесветной, ясной и прямой.
Умом я тронусь. Незаметно
я стану кем-то, но не мной.
Чиновником, партийным боссом,
чужою властною судьбой.
А я хочу бежать – пусть босым! –
но лишь за истинным собой.
Где поводырь? Дожди косые.
Земная хлябь, неверный свет.
Стихи, стихи по всей России,
и нет Мессии, нет и нет.

На перекрёстке чувств и мнений
не люди – тени. Что за блажь?
«Ау!» Шарахаются тени,
врастают в призрачный мираж.
А расстоянье – расставанье
с самим собой. В себе самом.
Неизлечимое врастанье
в мираж – недавний окоём.

«Приди-явись, посланец Божий!
С тобой и сердце, и душа.
Не повернуть. Уже отторжён.
Не прикипает жизни ржа.
Всмотрись: я новым светом мечен –
манящих, неземных свобод.
И пусть я – пусть! – не безупречен,
но голос мой в тебе живёт».

Оглохло небо? Или внемлет?
Нет солнца. Тучи. Дождь пошёл.
И шепчет мне: «Сначала – в землю,
потом, изволь, пари душой».
Так что же, в землю? Были – жили
в разливе бед и непогод.
Уходят малые-большие,
уходят люди в свой черёд.
Уходят люди настороже.
Уходят люди невзначай.
Кто как шагнёт, и бездорожьем –
за тот, земной, за самый край.

Тропинки вымокли лесные.
Водою залиты следы.
Стихи, стихи по всей России.
И грусть. И ропот. И суды.
Кануны канули в каноны.
Что изменилось? Эшафот
способен развенчать корону –
не венценосный небосвод.
Лгуны-каноны веют смертью –
тлетворным запахом основ.
Но время сверьте с круговертью
кровавой сверки топоров.
Час Х. Гудрон. Следы босые.
Росою ртутной льётся гной.
И та роса глаза не выест
лишь тем, кто прежде был слепой.

А я? Я – дух. Я неподсуден
ни для темниц, ни для костров.
Но почему снижаюсь к людям
и слышу их призывный зов?
Пусть я всего лишь слепок неба,
но в каждом облаке дом мой.
И падать мне в ладони слепо,
поить людей водой живой.

Когда меня вбивали в землю
и – глубже, глубже каблуком,
я превращался незаметно
в зерно, и в хлебе жил тайком.
Когда меня в сто рук сгибали,
чтоб тело надвое рассечь,
я знал, что превращусь в скрижали,
но прежде в меч, и только в меч.
Когда вздымали в небо-светло,
в кумиры с песней волокли,
я понимал: теперь не вредно
уйти, частицей стать земли.
Я был землёй, мечом и хлебом.
Я сознавал: такой удел.
И пусть мне тайный смысл не ведом,
Но я ведь жил! Видать, умел...

ЮЛДУЗ
г. Симферополь, Крым

Под этим псевдонимом публикует свои произведения крымско-татарская поэтесса Венера Рябчикова – член Международного сообщества писательских союзов, Литературного сообщества писателей России, Союза писателей Республики Крым.
Переводы и стихотворения Юлдуз включены в антологию крымско-татарской поэзии 15-21 вв. «Дворец под звёздами», вышедшей в серии «Поэзия многоязыкой России» просветительского проекта «Белые журавли России».

«Газели цветущего сада»

Весенняя газель

Голубого неба тень
Улеглась с утра на день.
И в ушах такая звень,
Будто все вернулись птицы.

Март. Но я хочу сирень,
Чтоб сирень цвела весь день,
Аромат из деревень
Перебивал бы гарь в столице.

Пусть вправду всё случится:
И в сирени – вся столица,
Впрямь вернутся к нам все птицы –
Зазвучит в ушах их звень.

Ещё одна весенняя газель

Ещё обнажены деревья.
Друг друга задевая тенью,
Они весны зов давний, древний
Вдыхают и стремятся к ней.

В них бродят возрожденья соки,
Чтоб почки им наполнить к сроку
И их раскрыть, когда, как током,
Весна проколет сон ветвей.

И вскинутся они легко,
Как человек ко лбу рукой:
Увидеть, что там далеко, –
От листьев свет стал зеленей.

Рассветная газель

Чуть розоватый свет восхода
Разбудит спящую Природу.
Она погасит свет над входом,
И солнышко в него войдёт.

Тебе навстречу улыбнусь я.
Пошутишь – звонко рассмеюсь я
И утренним лицом займусь я –
За зеркалом в день настающий вход.

Доносятся в окно шумы с базара.
Я узнаю: шумят мои татары.
Пойдём мы к ним с тобой на пару.
Глядишь, полдня поход займёт.

Ароматная газель

К обеду возвращаемся с тобой,
И первым делом я, сама собой,
В кофейник наливаю голубой
В джезве мной сваренный напиток.

Мы пьём, вдыхая аромат,
Каким бывает полон сад,
Когда в нём всё цветёт подряд
И от соседей долетает «Риа-Рита».

Я говорю: «Таким бы ясным днём
Умчали б кони нас вдвоём
В далёкий одинокий дом,
Где б жили мы, как Мастер с Маргаритой».

Вечерняя газель

Хороший день – он долго длился.
Но вот мир в сумрак погрузился.
Из лунного ковша пролился
Луны печальный свет.

Мы погрустим, но только в меру,
Грусть входит в нашей жизни сферу,
Но обучали нас манерам
На вальс и менуэт,

На утро и на вечер ранний,
На праздник и на случай крайний.
Но отношенья наши в тайне
Хранят ночь и рассвет.

***

Март, как в шоколаде, в наших радостях.
Дни рождений... Слишком много сладости.
Не хватает нам всего лишь малости –
В нас не зацветут никак сады.

В чём причина этакой беды?
Может, мало пьём живой воды?
Медленно в нас, может, тают льды,
Оттого и не цветут сады?

Вот отпразднуем мы дни рождения –
В нас произойдёт перерождение.
Как его цветное отражение,
В нас все сразу зацветут сады.

Ольга КОЗЛОВЦЕВА
г. Ряжск, Рязанская обл.
Член Союза писателей России, автор 4 книг стихов. Публиковалась в «Литературной газете», в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Северо-Муйские огни». Руководитель литературного объединения «Вдохновение».

Русская судьба

***
На иконы кротко глядя,
осенив себя крестом,
прошептала бабка Надя:
– Не почить бы мне постом.

Уж до Пасхи недалече,
даст Господь, и дотяну,
и на этом свете встречу
девяностую весну.

Сразу вся преобразилась:
не оглянешься – и май,
лишь бы мне хватило силы,
там работы – через край.

Снова дачники наедут
к нам в село со всех концов,
отнесу я им к обеду
малосольных огурцов.

Угощу своей окрошкой,
любят мой домашний квас,
а по осени картошкой
поделюсь, как в прошлый раз...

И вздохнула:
– Право слово,
ишь, задумалась о чём?
Мне бы пост прожить и снова –
в Воскресение Христово
разговеться куличом.

Эх, страданье

Гармонист легко, привычно
Переборы выдавал,
Только зритель необычный
Заполнял сегодня зал.

Инвалидные коляски
Заезжали в дверь с трудом.
Сразу видно: не для пляски,
Не для песни этот дом.

Зарешеченные окна,
Два плаката на стене,
А в глазах печали столько,
Что мурашки по спине.

– Эх, страданье! – звонкой нотой
Тут гармошка разлилась,
И у женщины безногой
Руки вмиг пустились в пляс.

Передёрнула плечами,
Подняла дугою бровь,
По паркету застучали
Клюшки, отбивая дробь.

А старик, сидевший справа,
Бросил в сторону костыль,
Кулаком усы расправил,
Распрямился и застыл.

Кто грустит, а кто смеётся,
Кто украдкой трёт глаза,
И, пронзив решётки, солнце
Заглянуло в этот зал.

И пока на всех окошках
Луч квадраты рисовал,
Гармонист себе гармошкой
Душу в клочья изорвал.

А потом с тяжёлым вздохом
Он закончил свой концерт...
Эх, страданье, чтоб ты сдохло!
На тебя управы нет!

***
У храма на пороге
сидел старик убогий,
измученный, угрюмый,
с лохматой бородой.
А мимо шли миряне,
простые прихожане,
и все ему монетки
бросали на ладонь.
Один солидный дядя,
на деда сверху глядя,
вздохнул, перекрестился
и молвил: «Видит Бог,
отдал я деньги сыну
на новую машину,
пусты мои карманы,
а то бы я помог.
И дочка за границу
уехала учиться,
всё тянет, тянет соки
из бедного отца.
Ещё жена в придачу
последнюю заначку
потратила на шубу
из белого песца».
Задумался убогий,
потёр больные ноги
и говорит: «Тебя я
жалею от души,
измаялся бедняжка,
видать, живёшь ты тяжко,
я помогу немного –
возьми мои гроши».

Русская судьба

И живём мы, доверившись русской судьбе,
В трёх шагах от сумы, от острога –
Каждый сам за себя, каждый сам по себе
И надеемся только на Бога.
Он устал всякий раз нам надежду давать,
От разрухи и мора спасая.
Мы идём бездорожьем, и Родина-мать
Вместе с нами шагает босая.
Всё никак не отыщем прямую тропу,
Пробираясь глухими лесами.
Заблудились. И русскую нашу судьбу
Омывают берёзы слезами.

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

г. Москва

Член Союза писателей России. Театровед по образованию. Организатор и ведущая Творческого клуба «Чернильная роза» при МИКК «Особняк В. Д. Носова». Победитель передачи-конкурса «Вечерние стихи» (2016), Международного поэтического конкурса имени Игоря Царёва «Пятая стихия» (2017), Международного поэтического конкурса имени поэта и воина Игоря Григорьева (2017), Международного поэтического конкурса «Мгинские мосты» (2018). Серебряный и бронзовый призёр Международного конкурса исторической поэзии «Словенское поле» (2016, 2017). Победитель конкурса стихотворений о Пскове имени С. А. Золотцева «Там, где к Великой мчится Пскова» (2017). Бронзовый призёр V Большого международного поэтического конкурса «Восхождение-2018». Автор 3 книг стихов и ряда публикаций в журналах, альманахах и сборниках.

«Над Рузой-рекой»

Лель

Туда, где ветер и метель,
Где ночь рисует город маслом,
Несёт гитару старый Лель,
А для чего несёт – неясно.

Объятья хилого пальто
Едва ли защитят от стужи.
А кто там ждёт его? – Никто.
Никто ему готовит ужин.

Качает тополь головой:
Впотьмах не сыщешь ты ответа!
А Лель идёт по мостовой
В клубах мерцающего света.

И словно крылья за спиной —
Гитары худенькое тело.
Он был совсем иным весной,
А нынче весь от снега белый.

И смотрит бледная звезда
С небес задумчиво и строго,
И долго-долго никуда
Бежит упрямая дорога.

Ни похвалою, ни хулой...

Ни похвалою, ни хулой
Не стоит опьяняться:
Есть в храмах крест и аналой,
Есть цирки для паяцев.
Есть вдохновения поток,
А есть сухое русло.
Есть исцеляющий глоток
Великого искусства.
И есть святая простота
Дождя или рассвета.
И есть бессмертная Пьета
И плаха для поэта.
Есть песен древних волшебство
И жар живого слова.
За это тайное родство
Я жизнь отдать готова...

Михаилу Всеволодовичу Анищенко-Шелехметскому

Так и жил бы, снег сгребал у дома,
Пса кормил, топил стихами печь...
Но его ресниц коснулась дрёма,
И застыла жизнь, а, значит, речь.
Он не понял: что это такое,
Отчего красавица река
В забытье смертельного покоя
Будто слёзы вытерла с виска?
Вспомнилось, как брёл весенним лугом,
Как туман сцеловывал зарю.
Та река была ему подругой,
Всё звала к закату-алтарю!
Ревновала, вечная, к Татьяне –
К женщине, с глазами – как рассвет.
Вёдра двое ставили на камни,
Но волной её смывало след.
Он потом и плакал, и томился,
И бросал бутылку в лопухи.
Но к нему на белые страницы
Прилетали вещие стихи.
Он писал о мгле шестой палаты,
Он писал о Родине во зле,
Он ходил, небритый и патлатый,
По любимой брошенной земле.
...В темноте на стёкла давит ветер,
В белых рясах кружит небосвод.
Жил да был один поэт на свете.

А теперь поэзия живёт.

Над Рузой-рекой

Я люблю эту землю –
Ветлу, наклонённую в реку,
Это поле, что снегом
Укрыться успело едва,
В небе кружево веток
Над льда осторожным разбегом,
Эту странную зиму,
Что как бедная гостья пришла.
Я люблю этот ветер, и эти овраги сырые,
Этот серый на сером, ещё молодой, березняк...
Говоришь, что поля –
Это сердце Центральной России?
Это воля и боль,
Что навзрыд прокричал товарняк.
Огоньки за рекой...
Горизонт в пламенеющих тучах...
Затаённая радость
И всё, чем жива я теперь –
Вспорх испуганных птиц,
И закатный прорвавшийся лучик,
И рожденье стихов,
И щемящая память потерь...

Я люблю эту землю
За свет христианской святыни,
За кресты и голгофы,
За братских могил тишину,
Я так верю в неё –
В этой зимней густеющей стыни
В перепутьях дорог
Сохранившую душу страну...

Ольга СУХАНОВА
г. Химки, Московская обл.

Окончила Литературный институт имени А. М. Горького, пишет стихи и прозу. Публиковалась в приложении к «Литературной газете», журналах «Москва», «День и ночь», «Работница», «Эмигрантская лира», «Кольцо А», «Витражи», а также в различных литературных альманахах. Автор 3 книг стихов и 3 книг прозы.

«Я сделаю кораблик из письма...»

***
А слово будет острым, как игла, –
Ты скажешь мне – спасибо, что ждала,
Что даже не смотрела на других.
...Ударит ветер, холоден и лих,
Я промолчу и просто спрячу взгляд.
Дурак. За верность не благодарят.

Лапландия

В небе сиянье горит огнём.
В шубке потрёпанной, белокура, –
кто эта девочка за окном?
Кликнул бы стражу, да жалко дуру.

Бьюсь над задачей, идут года,
снова решаю – и вновь неверно:
из серебристых кусочков льда,
как ни крути – а выходит «Герда».

Странное слово – река, страна,
кличка собачья, цветка ли имя?
Образ ли дальний – из сна, со дна, –
или заклятие, что не снимешь?

Выдумал же – самому смешно.
Всё это сказки, пустая небыль.
...Холмик заснеженный за окном,
сопки вдали да сиянье в небе.

Полынья

Говорили мне в деревне – постой,
Не ходила б ты к реке за водой.
Лучше снега нагрести, растопить,
Только к чёрной полынье не ходить.

Тот, кто к берегу реки подойдёт,
Вмиг мучительно захочет под лёд.
Как ни бейся – не уйти всё равно:
Кто увидит полынью – тот на дно.

Об одном теперь грущу и пою –
Хоть на миг, да увидать полынью.
Подойти бы мне по кромочке к ней,
Но твержу себе – не думай, не смей.

И сдаюсь, и обречённо иду
По подтаявшему тонкому льду.
Шаг вперёд – и звонко хрустнут края.
Здравствуй, чёрная моя полынья.

***
Ты меня изменил? Нет, неверно, –
Я всё той же дорогой иду.
Просто вдруг появилась манера
Целый день напевать ерунду,
Просто осень теперь – не унынье
И не хмурая слякоть везде,
А горящие кисти рябины,
Блики солнца в искристой воде.
Просто сердце колотится чаще,
Ярче краски у каждого дня.
...То ли сделал меня настоящей,
То ли отнял меня у меня...

***
Небо, небо. Крыши, крыши.
Сколько зрителей вокруг!
Закрепить канат – повыше,
Чтобы сразу, если вдруг.

Под ногами – лучик шаткий.
В горле горький ком возник.
И от неба до брусчатки –
Только выдох, только миг.

Возле облака, как птица,
Пляшешь – как в последний раз.
Да, когда-нибудь случится.
Не сегодня, не сейчас.

Ветер листья заполощет,
Дрогнет старенький канат,
Ахнет рыночная площадь.
Нет, никто не виноват.

Свист толпы, цветов охапки,
Звон восторженных хлопков,
Перевёрнутая шапка
Тяжела от медяков.

Кораблик

...и, не дождавшись от тебя письма,
я твой ответ придумаю сама,
и почерком стремительным твоим
всё напишу. На штампе будет Рим,
а может, Кёльн, а может, Амстердам.
Я никому письма прочесть не дам, –
но стану, правду ото всех тая,
носить с собой. Истреплются края,
потом с годами выцветут слова,
но будет подпись, видная едва.
Когда пройдёт последняя зима,
я сделаю кораблик из письма
и в сторону случайную, ничью,
по звонкому апрельскому ручью
его пущу. В Америку, в Тибет,
в Европу ли, – он выплывет к тебе.

Татьяна ХАТИНА
г. Москва
Член МГО СП России. Автор 5 книг стихов. Лауреат и дипломант литературных конкурсов и фестивалей, в том числе и фестивалей обществ инвалидов «Вместе мы сможем больше!», «Свобода – неволя».
В Германии на книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне была отмечена её детская книга «Солнечные качели».

«...стихами здесь дышится...»

Иван Айвазовский «Девятый вал»

Нависло небо всполохом огня
Над бешеной стихией моря.
Тяжёлых волн кипит броня
Со стонами и рёвом споря...

Рвёт ветер огненный ковёр,
Что соткан из небес и волн.
Девятый вал – судьбы укор
На утлый набегает чёлн...

Корабль, погубленный стихией,
Лишь на волнах его останки...
Вцепившись в них, зовут Мессию,
И молятся судьбы подранки...

А неба огненный оскал
Смешался с бурею морскою...
Девятый вал! Девятый вал!
Стихии братство огневое...

К картине Ивана Крамского «Лунная ночь»

Колдовская тайна ночи
В бликах лунного свечения,
Свет течёт сквозь ветви кроны
Тополей в ночи уснувших...
Тени от стволов могучих
У скамьи кружат и манят,
Согревая лунным светом
Женщину в одеждах белых.

Одиночеством, печалью
Чудный лик её наполнен.
Шаль колени прикрывает,
Трепетно скамьи касаясь...
Тишина... В ночной прохладе
Нашу диву покоряют
Ароматы трав и свежесть
Ветерка, что шепчет грёзы...

Шарф прелестный на головке,
Грусть в глазах на тонком лике...
Пруд застывший, где кувшинок
Белопенное цветенье...
В окруженье диких лилий
В этом омуте желаний.
Как волшебна ночи тайна,
Лунных бликов провидение...

В белом тонкая фигурка...
Свет серебряный Селены,
Сокровенных грёз видения
В откровеньях лунной ночи...

Комарово Анны Ахматовой
(по эссе Ирины Пановой)

Песчаные дюны, нежнейший песок,
Высокие ладные сосны.
Черничных полян опьяняющий сок
И трав ароматы так росны.
Здесь груды огромных камней-валунов –
Следы ледниковой эпохи,
И Финский залив охлаждающе нов,
Где солнца теряются крохи...

***
Запахи сосен с могучими кронами
Дышат экзотикой дивных цветов.
Будит с утра колокольными звонами
Старых соборов пленительный зов...
Нежность сирени красуется летом,
Ивы шарами стоят вдоль дорог.
Сосны высокие залиты светом...
«Будка Ахматовой», старый порог...

Дух старины, где Серебряный век
С Анной Андреевной жил здесь и верил
В то, что свободой горит человек,
Честью и Совестью жизнь свою мерил.
Старые стены хранят дух времён,
Голос Ахматовой слышится, слышится...
Крыши усталой шёпот и стон...
Осень... Дожди... Да, стихами здесь дышится...

Сергей Есенин

Глаз весёлых синь васильковая,
Золотых кудрей взмах неистовый.
Красота стиха родниковая –
Век бы мне её перелистывать.
Конь твой розовый по полям летит,
Травы росами опоясаны.
Мне б уйти с тобой до самой зари,
Мы одной судьбой крепко связаны.

Зорькой красною в небо солнышко
Каждый день легко поднимается.
В лес бежит от тебя Алёнушка,
Сарафан у ног колыхается.
Над рязанскими сенокосами,
Над тропой, что ведёт в Константиново,
Те стихи, что Богами посланы
Всё горят, как костры рябиновы...

У околицы, иль за речкою
Голос твой родниковый слышится,
И поют здесь сверчки за печкою,
По-есенински живётся и дышится...

Сергей ШИЛКИН

г. Салават, Республика Башкортостан

Шилкин Сергей Васильевич родился 29 марта 1954 года в городе Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Автор 4 книг стихов, изданных в России и за рубежом.

Лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» за 2013 год, дипломант II международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна»; обладатель специальной награды – «Диплома министерства культуры Казахстана» за перевод казахских поэтов, победитель конкурса «Лучшее стихотворение 2012 года», проводимого еженедельником «Истоки».

Из новых стихов

Блики любви

На что походит зов Любви?

На тихий всхлип плакучей ивы
В поклоне низком у реки.
На топот жеребца ретивый.
На жест таинственный руки.
На огнь очей твоих игривых.
На крик таёжной кабарги.

На что походит вкус Любви?

На мёд с горчинкою полыни
(Чем м*а*нят так твои уста).
На аромат узбекской дыни.
На свежесть мятного листа.
На дым костра под сводом неба.
На тонкий вкус ночной пыл*и*,
Который ароматней хлеба,
Что наши бабушки пекли.

На что походит крик Любви?

На соло страстное певицы,
Поющей нам не за рубли.
На страшный вопль роженицы,
Помочь которой не смогли.
На горький плач дитя вполсилы –
Так плачут в небе журавли,
Покинув отчие могилы.
На алчный треск сухой Земли.

Что будем помнить о Любви?

Наш крестный путь в земной юдоли.
Мираж несбыточной дали.
Застывший взгляд в гримасе боли
На маске острова Бали.
И стекший блин покойной воли
С картин безумного Дали.

Тропик Рака

Дитя любви, родившись в месяц Рака,
Неси сиянье солнечного нимба,
Как представитель водяного знака
В зверином круге звёздного Олимпа.

В тебе от Рака дерзостная сила.
И красота, наверное, от Рака.
Но сколько бы ты небо ни просила,
Ты вспять ползёшь по кромке Зодиака.

И впереди не видишь ты простора.
Всегда оглядываясь, думаешь о прошлом,
Где так легко стать пленницей задора
Великих грёз, запутавшихся в пошлом.

Стези путей твоих веленьем Рока
Кольцом кружным обходят счастье брака.
Твой Рачий тропик – дальняя дорога.
Куда длиннее водной тропки рака.

И если вдруг в пути беда случилась,
Ослабла вдруг божественная прана –
Ты, не стесняясь, приходи, на милость,
Припасть на плечи звёздного Барана.

***

Была ты хороша без меры,
Под светом сумрачной Венеры
Раздевшись не спеша.
Передо мною Кордильеры,
Двух спелых яблок полусферы
Дрожали, чуть дыша.
И ты была, как взгляд пантеры,
Горящий золотом мадеры,
Безмерно хороша!

Под Москвой

Рыли окопы – остались «без рук».
В небе тень беркута.
Русь велика, но мы поняли вдруг –
«Пятиться некуда!»

Сутки дотла пробирал нас мороз,
Но мы не ёрзали –
Каждый из наших как будто бы врос
В хляби промёрзлые.

Скрежет и воздух от дыма кислей
скисшего вермута.
Армагеддоновых всадников злей
«всадники» вермахта...

Реквием – кровушкой Молох упит –
Враньими «карками».
Чёрным по белому поле клубит
Танков огарками.

Мягко укутала звёздная тишь
Поле и сосенки.
Ночь продержались до утрени лишь
Трое из сотенки...

Людмила ВЕЧЁРКИНА
г. Москва

Людмила Васильевна Вечёркина родилась в Москве. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета. Работала главным редактором культурологического журнала «Марка». Стихи публиковались в «Литературной газете», в журналах и альманахах: «Юность», «Кольцо А», «Мир женщины», «Ключ», «Образ» и др.
Член Союза писателей Москвы, лауреат ряда международных и российских конкурсов. Автор 6 книг стихов и 3 песенных альбомов.
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«О, наваждение весны!»

Белая синица

Зима вязала снежный плед,
звенели ледяные спицы.
И разливался чистый свет,
и пели белые синицы.

Глаза, уставшие от тьмы,
коснулись обновлённой дали.
Забота матушки-зимы
оберегала от печали.

И так хотелось петь и жить,
морозную примерив снежность.
Надежд сияющая нить –
души открывшаяся нежность!

Мы восхищались каждый раз
холодным солнечным сияньем.
И белизна светилась в нас,
жизнь наполняя обаяньем.

Какой бы ни таился след,
снег снова выбелит страницу.
Зима-судьба довяжет плед
и в небо выпустит синицу...

***
Найду ли в будущее дверь?
Вопросом музыка звучала...
Но жизни яркое начало
в архивах памяти теперь.

Там я осталась молодой:
восторг души и гибкость тела.
Там радость звонкая летела,
не изнурённая бедой.

Свобода милостью весны
стихи дарила и надежды.
И были скромные одежды
бесцветьем не омрачены.

Там избегали колких слов,
не обижались на здоровье.
И мир, отмеченный любовью,
был к новым подвигам готов.

И рядом шёл надёжный друг,
казалось, счастье вечным будет!
Он не предаст и не забудет,
не сможет измениться вдруг...

Но дней мелькнувших череда
творила в чаше откровений
из ускользающих мгновений
необратимые года...

Мёртвое море

Как мутное зеркало – жидкий кристалл.
Бескрайняя гладь – без бушующих волн.
Застывшее море средь высохших скал
и вечной печали просоленный склон.

Возникший на месте библейского зла
глубинный разлом с маслянистой водой...
Содом и Гоморра сгорели дотла:
под морем – два города с жуткой судьбой.

Ни птица, ни рыба не селятся тут:
пустыни изжога да терпкий бурьян.
И в небе витает беды неуют,
греховной расплаты смертельный изъян.

Здесь выжить нельзя, нелегко утонуть,
как будто воде не предписан закон...
Но к гиблому месту был вымощен Путь,
и к Мёртвому морю спешат на поклон.

Так самое низкое вскинулось вверх!
Так самое мёртвое стало живым!
Так самое мрачное слышало смех
и горечь спасенья дарило больным.

Как только отступит постылая боль,
нам с замыслом Божьим раскроется связь:
и будет целебной содомская соль,
и станет бесценной гоморрская грязь...

Старинный сад

Старинный сад, заросший пруд
и синий бархат небосклона.
Меня здесь почему-то ждут
у беломраморной колонны.

В разгаре бал. Просторный зал,
объятый музыкой Шопена.
Луны мерцающий опал
плывёт в сиреневую пену...

В сиянье стоязычных свеч
лишь вашим взглядам я внимаю
и глаз восторженную речь
с недоуменьем понимаю.

Мои движения легки,
я не скрываю оживленья.
Раскручивает вальс шаги
до безоглядного круженья.

О, наваждение весны!
Упругий шёлк и звон браслетов.
Бывают явственными сны,
но неизвестно, сны ли это.

Алёна МАРКОВСКАЯ

г. Москва

Родилась в 1986 году в Москве. В 2008 году окончила театроведческий факультет РАТИ (ГИТИС). Работала копирайтером в различных интернет-изданиях. Сотрудничает с издательством Российского союза писателей, занимается подготовкой биографических статей об авторах для проекта «Антология русской поэзии». Автор нескольких выпусков программы «Домашний кинотеатр» на Радио «Вера». Финалист литературной премии «Поэт года-2017», лауреат конкурса «Северная звезда-2017», организованного литературным журналом «Север». Публиковалась в журналах «Три желания», «Цветные строчки», «Союз писателей», «Север». В 2017 году выпустила сборник стихов «Крест и пряник». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«...Я просто люблю любить...»

Бабушка

Ты не верила в сказки,
но сама была сказочной феей.
Ты не верила в Бога –
зато верили люди в тебя.
Ты из сказочных странствий,
как пират, привозила трофеи
И ругалась, и пела,
и боролась не хуже ребят...

Безупречные руки,
платье синее в белый горошек...
И, конечно – улыбка,
и, конечно – весь день телефон.
В тихий час на диване
воцарялась ты с книгой хорошей,
Как подросток, читала –
неотрывно, забыв боль и сон.

И, казалось, за нами
приплывёт в Южный порт бригантина,
И в чудесные страны
унесёт нас на всех парусах.
Приплыла – за тобой.
Я с тех пор ненавижу рутину,
Строгий запах лекарств и
трепыхание стрелок в часах.

Ты Вертинского пела,
ты жалела Эдмона Дантеса.
А порой – вспоминала
Победы живительный май.
Ты была королевой,
ты меня воспитала принцессой!
Только жаль, не успела
к королеве английской на чай.

Просто любить

Кто любит монеты, кто любит футбол,
Кто варит борщи, кто танцует вальс...
Кто ищет по книгам рецепт стать собой...
А я – я просто люблю всех вас.

Кто едет на море, кто на шашлыки,
Кто мебель купил, кто завёл кота...
Рождаются дети и мрут старики.
А у меня – пустота.

Вас, наглых и слабых, простых и чудных,
Рождённых в глуши и в чужих дворцах,
Люблю тихо-тихо. Зовут мои сны
Смотреть, как бьются ваши сердца.

Карьера и хобби, стремленье и цель...
Мое вдохновенье совсем в другом –
Чтоб чей-то корабль не сел на мель,
Был счастлив кто-то, мне дорогой.

Кто верит мне слепо, кто дёргает хвост,
Кто дарит духи и блокноты в стол...
Но мало кто понял: я – маленький мост
К радости самой простой.

Кто любит учиться, кто любит учить,
Кому – корицу, кому имбирь,
К кому-то весь год прилетают грачи,
А я... я просто люблю любить.

И это не страх своих собственных гор.
Любые вершины тогда покорю,
Как кто-то из вас сам начнёт разговор,
Всё бросит и встретит со мной зарю!

Кто любит монеты, кто любит футбол,
Кто варит борщи, кто танцует вальс,
Кто ищет по книгам рецепт стать собой,
А я... я просто люблю всех вас.

Планета

Планета моргает заспанно...
Смотри, какие ресницы!
Ты видела страшный сон?
Дай, милая, обниму!
Взъерошу деревья ласково,
сотру салфеткой границы
И с тёплых твоих бочков
стряхну, как ворсинки, тьму.

Планета – навеки девочка.
Лишь кажется, что большая.
А ты говоришь – стара,
а ты говоришь – пора...
Как шахматной королевой,
нетвёрдой рукой играешь
Алмазной её душой.
Но стоит ли свеч игра?

Планета не просит завтраков.
Она пирожное будет!
Из космоса одеял –
за твой одинокий стол.
И точно наступит завтра,
и кто-то сурка разбудит.
И каждый твой старый друг
ещё проживёт лет сто.

Владимир ИЛЬИЧЕВ
д. Коробцово, Ярославская обл.
Член Союза писателей России, автор 22 книг стихов и прозы. Экологист, член РСоЭС, участник сообщества SEU-International. Победитель Всероссийского конкурса просветительских проектов «ЭкоПросвет-2020». Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Причал», «Союз писателей», альманахе «Земляки» и др. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Попроси, чтобы рос тамариск...»

Сосна

Сосна... Огромная сосна...
Почти незыблемые корни...
Стоит, сто лет стоит она –
вдали от Фрейда, Юнга, Хорни...

И к ней не ходит почтальон,
и ей не пел ни разу Коэн –
а ствол живицей вдохновлён,
и бор спокоен...

Мир спокоен...

***
Если хочется на море – как быть?
Оттолкнуться от земли, улететь.
Просит неба неуёмная прыть,
недостаточная разве что впредь.

Да и то – пока на небе Луна
сможет Солнцу светосмены сдавать –
будет жизнь моя чем надо полна,
превращая в соль и воду слова.

Но... не хочется на море, там грязь,
там избыток разных микрочастиц,
я над морем пролетаю – крестясь –
каждый раз меж неопознанных птиц.

Это выглядит довольно смешно:
на одном крыле, пузишком вперёд;
получается – а значит, дано,
оный крест и атеистам не жмёт.

Полечу тогда над полем родным,
как на море – посмотрю на хлеба.
Слева – город, какофония, дым,
справа благовест и крыши хибар.

***
Терпение, душа моя, терпение,
ползи, комки сомнения круша,
я тоже еле жив, и тем не менее –
терпи, ещё чуть-чуть, моя душа.
Мы сильные, мы певчие, мы лётные –
и этого никто не отберёт,
ни даже тот, кому упали под ноги,
смотри не на него, смотри вперёд.
Он кто? Он браконьер. Он браконьеришка,
убийцы до безумия слабы,
предел его мечтаний – листик, денежка,
а нас укроют заросли судьбы.
Я тело, ты душа, и мы – единое,
а в контуре есть что-то от восьми.
Прохладно. Холоднее между льдинами
и между равнодушными людьми.
Мы выживем, душа моя, мы выживем,
взовьёмся через мусор... мусорок,
на нашу высоту, не надо выше мне,
и меньшего задумать я не смог.

Волком Welcome

А скорость понимания быстра ведь,
Макларена, пожалуй, побыстрей:
достаточно всего на миг представить
себя одним из них – лесных зверей.

Лисой, медведем, рысью, белкой, волком...
На выбор, там любой – мудрее нас.
Пока мы в шопе кланяемся полкам –
зверьё живёт как Боженька подаст.

И, если бы не мы, лесная щедрость
не знала бы ни сроков, ни границ.
Пока нам продавщица Ада чек даст –
психолог Рая им предложит блиц.

Вы скажете: у нас же медицина!
Вы скажете... Разносчики... газет
и пропасти комфорта, made in China.
«...in Russia», да? Различий сильных нет.

Но скорость понимания быстра ведь,
быстрей, чем из флакона суперспрей:
достаточно всего на миг исправить
повадки лесопилящих зверей.

***
Первым делом с утра – помолись,
как сумеешь, не драя речей...
Попроси, чтобы рос тамариск
и бежал без отдышки ручей.

Не бумажек себе попроси,
а удачи планете своей,
да не только родимой Руси –
а планете, вот именно, всей.

Заставлять я тебя не берусь,
если взялся бы – вряд ли бы смог,
но останется в трещинах Русь –
где ни вырви планете кусок.

Наше время – не время любви,
наше племя – отродье Земли,
ну а ты по-земному живи,
это право себе – отмоли...

Небесам перед сном покажись,
отчитайся, грустя и шутя...
Помолись непременно за Жизнь,
ведь она встанет раньше тебя.

Калина ИЗАБЕЛА ЖЁЛА
г. Познань, Польша

Поэт, переводчик, публицист, литературный критик, журналист. Автор 16 книг стихов и 1 книги критики. Перевела с русского двенадцать томов стихов. Стихи автора переведены более чем на 20 языков, изданы в Польше и за рубежом. Участник международных фестивалей и поэтических конференций. Лауреат ряда Национальных и Международных литературных премий.
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«...весна от касания губ...»

Авторизованный перевод с польского Игоря Елисеева (г. Ростов-на-Дону)

Ты меня научил любить

Ты меня научил любить,
жить, как будто вино смакуя.
Ты меня научил говорить так,
чтоб речь цвела, как цветок.
Ты меня научил писать,
чтоб стихи мотыльком порхали.
Ты меня заставил поверить в то,
что мир не всегда жесток.

Ты нашёл для меня сто имён
и обвил меня ими, как лентой.
Своим солнечным поцелуем
пробудил меня ото снов.
Ты всё время мне повторял,
что я счастье найду непременно.
За окошком темнеет.
В памяти до сих пор эхо этих слов.

Ночью

Приди в мой сон хотя бы на мгновенье,
От лёгкого зажгись прикосновенья.

Приди ко мне, когда никто не слышит,
Пускай твоё дыханье мир всколышет.

Приди ко мне, прижмись в тиши безмолвно,
Покуда солнце не заглянет в окна.

Сувениры

После меня
останутся только
платья, кольцо
с голубым самоцветом,
локонов глянец,
два фотоснимка,
отзвуки песни моей недопетой.

После меня
сохранится улыбка,
сборник стихов и цветочек засохший,
в сердце твоём лучик воспоминаний...
Пара слезинок... И – ничего больше.

На краешке радуги

На краешке радуги
плыву я как дымка
как дымка плыву без усилий
за шторкой ресниц моих
сонные веки
как бабочки лёгкие крылья

ты так прекрасен
ты всех прекрасней
меня баюкаешь нежно
очи как звёзды
очи как небо
и тишина безбрежна
на краешке радуги
сияю алмазом
в оправе твоих ладоней
целуй меня крепко
в объятьях сжимая
пока время нас не догонит

Весна

Ну и что, если май и сирень расцвела,
что поют соловьи до рассвета
под луною, окутанной фольгой и мглой,
и сады в малахиты одеты.

Что с того, что сияет безумная ночь
и доносится ландышей запах.
Ведь приходит весна от касания губ
и от глаз, потемневших внезапно.

Не знаю

Что такое любовь?
Обаяние розы цветущей.
Что такое приятельство?
Путь, в бесконечность ведущий.
Что такое мечта?
Это бабочки яркой паренье.
Что такое блаженство?
Это милое сердцу мгновенье.

Что такое измена?
Стебель розы, засохший и колкий.
Что такое прощанье?
Остановка в пути ненадолго.
Что такое обман?
Хмурых туч налетевшая стая.
Ну а жизнь что такое?
Не знаю.

Любовь

Это неправда, что у любви розоватые пальцы,
Запах жасмина, напевные звуки мотива.
Нет, у любви – холодные руки,
сомненье во взгляде,
И вдоль домов крадётся она боязливо.

Это неправда, что у любви –
ореол разноцветный,
Вкус апельсина и прелесть весеннего сада.
Нет, у любви – телефон молчаливый
и чёрные ночи,
За год – всего лишь несколько дней отрады.

Это неправда, что у любви
свежесть горного ветра,
Бабочки крылья, сиянье улыбки сердечной.
Нет, ведь любовь стыдится людей,
протекает сквозь пальцы
И, потерявшись во времени, гаснет,
как свечка.

Алла ФЕФЕЛОВА
г. Липецк

Фефелова Алла Евгеньевна родилась в Липецке 9 мая 1964 года, детство прошло в селе Новокирсановка Воронежской области. Увлекается классической поэзией и художественной фотографией. Посещает литературную студию при Липецкой областной универсальной научной библиотеке, член литературного объединения «Серебро слов» и лит. клуба «Листопад». Публиковалась в местных СМИ. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Солнце приветливо мне улыбнулось...»

Воспоминания

Я часто детство вспоминаю,
Село и преданных друзей.
Любовь к родной земле питаю,
Что лечит душу без врачей.

Я отдаюсь ей без остатка
И вижу трепетные сны:
Звучит певучая трёхрядка
Средь благодатной тишины.

Проснулся лес в лазурной дали,
Туман над озером лежит.
Свободно, словно по спирали,
Над полем ласточка кружит.

Целуя небо кружевное,
Плывут лениво облака...
Светило щурится степное,
Бежит зеркальная река.

К рассвету, не дождавшись встречи,
Теряя девичью красу,
Берёза опустила плечи
И льёт безмолвную слезу.

Гуляет ветер над лугами,
Лаская сонную траву,
И с колосистыми хлебами
Плетёт волшебную канву.

Я переполнена мечтами
И не забуду ту страну,
Где жизнь шагала рядом с нами,
Прощая пасынкам вину.

Не досталось билета

Упустила весну, пропустила и лето,
Да и тихая осень прячет радости где-то.
Разминулась я с ней, параллельны дороги.
Снова сердце болит от гнетущей тревоги.

Плачет горько душа, словно птица-подранок,
От ржавеющих ран и от ноющих ранок.
Я устала одна горевать до рассвета.
Мне на поезд любви не досталось билета.

В одиночестве я встречу хмурое утро,
Рассыпается жизнь, будто серая пудра.
Снова мимо меня поезд мчит без стоянок,
Почему-то забыл он про мой полустанок.

2020 год

Жизнь продолжается

Страхами люди напуганы,
Мысли их только о вирусе.
Корчась, извилины дугами
Держат всё лучшее – в минусе.

Мир за окном пробуждается,
Радуя пышным цветением,
Бурно природа пытается
Нервное снять напряжение.

Хрупкий тюльпан распускается,
Счастье в бутонах запрятано,
Жизнь на земле продолжается,
Смело идёт по накатанной!

22 апреля 2020 г.

Малая родина

Солнце приветливо мне улыбнулось,
Ласточка с неба махнула крылом,
Будто счастливое детство вернулось,
Утро прозрачное вновь за окном.

Ласковый луч берег негой румянит,
Землю согреть хочет мягким теплом,
Ветер-проныра вовсю хулиганит,
Пахнет в округе парным молоком.

Рай на земле, это точно я знаю!
Звонкую песню поёт соловей,
Я, словно птица, на крыльях взлетаю,
Млею от счастья в деревне моей.

Сколько простора, тепла и уюта,
Каждому деревцу низкий поклон.
Как же мне дороги эти минуты,
Будто попала я в сказочный сон!

Пахнет цветами и сеном душистым...
Радужный бисер росы на траве,
Зрелой пшеницы ковёр золотистый
Душу волнуют открытую мне.

Лес восхищает рассветной прохладой,
Бархатом нежным узорной листвы,
Радуюсь даже я тучке лохматой,
Сердце трепещет от пылкой любви!

Счастье моё – в тихой Родине малой!
Хочется снова вернуться в свой дом,
Где меня в люльке баюкала мама,
Где плыл янтарный рассвет за окном...

Сергей БЕЛОВ
г. Новочеркасск

Сергей Сергеевич Белов родился 18 июня 1953 г. в г. Чита. С 1956 г. проживает в г. Новочеркасске. Окончил Новочеркасский политехнический институт по специальности «Автоматика и телемеханика», работал на кафедре, в ОКТБ «Орбита», преподавал в колледже. В настоящее время работает в Донском филиале Центра космического тренажёростроения. Стихи начал писать в зрелом возрасте. Не печатался. В настоящее время публикуется на сайте «Стихи.ру». В издательстве «Геликон» (г. Новочеркасск) подготовлена к печати книга «На рубеже тысячелетий. 100 сонетов о любви».
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Из цикла «Мартовские иды»

В деревне

Знаю я, - опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня.
И. Бунин

Хочу проснуться в чистой горнице
И выйти в утренний туман,
И по росе пройти к околице,
Где сонно нежится лиман,
Где за туманом дали прячутся.
Лишь солнце ширь откроет их,
Как паруса вдруг обозначатся,
Несущие куда-то бриг.

И засверкает гладь слепящая,
И легкий бриз качнёт волну.
Прилягу, глядя в даль манящую,
Глаза прикрою и вздремну.
Под пледом, из избы прихваченном,
Согреюсь и забудусь я,
И в лёгком сне чуть обозначенным
Твой образ позовёт меня.

Холодный март

Природа словно в тайном заговоре с нами,
Сопровождает нас её посланница Погода
Московскими февральскими снегами,
Хотя ждёт на дворе март своего исхода.

Ты помнишь, вечером закатною порою,
Слегка замёрзшие от лёгкого мороза,
Брели по улицам с тобою, и не скрою,
Робел, признаюсь я, увы, такая проза.

Я подбирал слова, искал тропинки, броды
К твоей душе, прикрытой словно бы экраном,
Как скрыт бывает изумруд среди породы,
Как берег Дона спрятан утренним туманом.

Мы встречу первую в Москве не забываем.
Озябшие, друг к другу тянемся на ложе,
Мы в жаркой нежной страсти тело согреваем.
Хочу, чтоб души наши отогрелись тоже...

Тайфун

Стихии чувств людских и сил природных,
У вас, похоже, общие есть корни...
Вы можете всесильно сокрушить
И мир камней, и мир живой души.

Тайфуны, гибельные в ярости своей,
Уносят жизни тысячей людей
И разрушают дамбы, города,
Урон огромный нанося всегда.

И кем-то решено, теперь уж не узнать,
Тайфуну имя женское давать.
Тайфун родился с именем «Надежды»,
И у людей – ни крова, ни одежды.

Тайфуну дали имя «Натали», –
Он поселенье снёс с лица земли.
И с именем прекрасным «Вероника»
Тайфун пронёсся, всё разрушив дико.

Я тоже силу испытал тайфуна,
Теперь меня не восстановит даже Джуна.
Он целый год в душе несчастной бушевал,
Мечты, надежды с корнем вырывал...

Бессмысленной была моя борьба,
Немилосердно обошлась со мной судьба.
Моя душа теперь лежит в руинах,
Виной тому тайфун по имени Ирина...

Незабвенная весна

Я из сердца выбросил вон
Все мечты и надежды свои,
И отбил последний поклон
Алтарю безответной любви.

Я из памяти выкинул прочь
Губы, смех и глаза твои.
Покрывалом беспамятства ночь
Словно скрыла тропинку любви.

Я из жизни вычеркнул всё,
Чем когда-то я грезил и жил.
По-ковбойски набросил лассо
И мустанга-любовь укротил.

Но останешься ты в стихах
Вместе с той незабвенной весной.
Никогда не истлеет в прах
Образ светлый, созданный мной.

Танка

Светлый майский день
Твоего рождения.
Отцвела сирень...
Своё впечатление
Красками брошу на холст.

Екатерина МОТЫЖЕНКОВА
г. Оренбург

Мотыженкова Екатерина Сергеевна родилась в Оренбурге (14 лет). Член литературного объединения имени С. Т. Аксакова «Аленький цветочек». Лауреат и победитель ряда международных и всероссийских литературных конкурсов. Публиковалась в журналах «Гостиный Двор» (Оренбург, 2017), «Путеводная звезда» (Москва, 2019), «Великоросс» (Москва, 2019), «Бабья радость» (Северодвинск, 2020), «Литерра» (2020), «Литкультпривет» (2020), «Истоки» (Нижний Ингаш, 2020), «Бийский вестник» (2020), «Санкт-Петербургская искорка» (2020), коллективном сборнике «Волшебное перо» (Оренбург, 2017), православном альманахе «Вера, надежда, любовь» (Самара, 2017), альманахе «Отчий Дом» (Самара, 2018), «Общеписательской Литературной газете» (Москва, 2018, 2019), литературно-художественном православном альманахе «Арина НН» (Нижний Новгород, 2019), альманахе Аксаковском Весеннем (Оренбург, 2019), православном духовном вестнике (Оренбург, 2019), антологии XI Международного фестиваля православной музыки и духовной поэзии «Вера, надежда, любовь» «Тянется к небу пламя свечи» (Сыктывкар, 2019), альманахе Аксаковском Летнем (Оренбург, 2020), коллективных сборниках «Память поколений. История России в стихах современных поэтов» (Псков, 2020), «Писатели русского мира: XXI век. Энциклопедия стихов и прозы. Том II» (Кострома, 2020). Автор книги стихов «Звонкие звёзды» (Оренбург, 2019).
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Русь моя

Звезда Священная

Звени, звени, звезда Священная!
Мир, возликуй, Христа воспев,
Чтобы земля благословенная
Взлелеяла златой посев.

Святым огнём, ведущим к Господу,
И крепкой верой неземной
Ликует свет Афона острова,
Всех изумляя глубиной.

Пронзает чистотою слёзною,
Послав живительный родник.
Ты воспаряешь в небо звёздное,
Когда душой к Творцу проник.

Родное слово

Беднеет речь и гаснет слово.
И вороньё кружится вновь.
Ты береги родное слово.
Храни как первую любовь.

Ты сказки бабушки послушай
О том, как предки жили встарь.
Язык родной врачует душу.
Он – оберег и государь.

С. А. Есенину

Ветер гуливанит в стоге сена,
В русском поле, где звенит река.
Свистнул ошалело: «Где Есенин,
Чтоб его прославить на века?»

Где Серёжа? Час настал явиться,
Взявши белогривого коня,
В небеса взлететь подобно птице,
Где цветёт верблюдица заря.

И сияет солнышком Есенин.
Семиструнка радугой звенит.
Терема, берёзы и сирени,
Всех поэтов стансом опьянит.

Берёзка

Обниму подруженьку – берёзу.
Расцветёт в душе моей весна.
А берёза пораспустит косы.
Нарядившись в листья, как княжна.

Ветви мне опустятся на плечи.
И отступит от меня беда.
С белою берёзонькою встречи
Для меня отрада навсегда.

Милая подруженька берёза!
Мы с тобой посмотрим в небеса.
Твои очи – это белы ночи.
А твой сок – кристальная слеза.

Гармошка

Эх, гармошка-говорушка,
Заливаешься частушкой.
Рвёшься, на любовь похожа,
Аж мороз бежит по коже.

Песнь заводишь, удалая.
В пляс несёшься, боевая.
Каблучками стук да стук –
Дорогой для сердца звук.

Веселишь, не уставая,
Звонкая гармонь родная.
На вечёрке запоёшь –
Прямо за душу возьмёшь.

Ты, гармонь моя родная,
Весели не уставая.
Песня – русская броня.
Супостат бежит, шумя.

Ветераны Второй Мировой

Ветераны идут крепким строем,
Красный флаг над страною неся.
А когда-то они перед боем
Знали, что отступать им нельзя.

Пусть даёт Вам великую силу
Память горьких военных утрат.
Нерушимо страна голосила,
Твёрдо веря в победный парад.

И бессмертное знамя сияет,
И ликуют сердца, трепеща.
И великий салют осеняет
Негасимая наша свеча.

Это память погибшим героям.
Каждый павший – навеки живой.
Вновь шагают по площади строем
Ветераны Второй Мировой.

Ксения МОТЫЖЕНКОВА

г. Оренбург

Мотыженкова Ксения Сергеевна родилась в Оренбурге (15 лет). Член литературного объединения имени С. Т. Аксакова «Аленький цветочек». Лауреат и победитель ряда международных и всероссийских литературных конкурсов. Публиковалась в журналах «Гостиный Двор» (Оренбург, 2017), «Путеводная звезда» (Москва, 2019), «Великоросс» (Москва, 2019), «Зимняя вишня» (Северодвинск, 2020), «Литерра» (2020), «Литкультпривет» (2020), «Истоки» (Нижний Ингаш, 2020), «Бийский вестник» (2020), «Санкт-Петербургская искорка» (2020), коллективном сборнике «Волшебное перо» (Оренбург, 2017), православном альманахе «Вера, надежда, любовь» (Самара, 2017), альманахе «Отчий Дом» (Самара, 2018), «Общеписательской Литературной газете» (Москва, 2018, 2019), литературно-художественном православном альманахе «Арина НН» (Нижний Новгород, 2019), альманахе Аксаковском Весеннем (Оренбург, 2019), православном духовном вестнике (Оренбург, 2019), антологии XI Международного фестиваля православной музыки и духовной поэзии «Вера, надежда, любовь» «Тянется к небу пламя свечи» (Сыктывкар, 2019), альманахе Аксаковском Летнем (Оренбург, 2020), коллективных сборниках «Память поколений. История России в стихах современных поэтов» (Псков, 2020), «Писатели русского мира: XXI век. Энциклопедия стихов и прозы. Том II» (Кострома, 2020). Автор книги стихов «Выше звёзд» (Оренбург, 2019).
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«В капле мёда...»

Необъятная Русь

Родилась россиянкой среди белых берёз,
Черноглазой, как ночи степные.
В колыбели спала из ромашек и роз.
Сон мой бережно травы хранили.

В Оренбургских степях, в окружении гор
Меня ветры учили быть стойкой.
Полюбить Оренбург и родной косогор,
И умчаться вперёд птицей – тройкой.

Погляжу на просторы великой страны,
Необъятную Русь золотую.
И твержу: «Русь, Россиюшка, долго живи.
О Господь, сохрани Русь родную».

Ты сражалась за наши родные края.
Отступила назад вражья сила.
Ты орлицей клевала толпу воронья,
И корону царицы носила.

О Россия моя, изумляй, расцветай,
Прогоняя далече невзгоды.
Смотрят бурый медведь и имперский орёл
На семью наших славных народов.

Русский язык

Великорусский золотой язык,
Спокон веков завещанный дедами.
Но чужеземный лексикон возник,
Ломая наш родной язык годами.

Мы слово «да» сменили на «окей»,
И, удивляясь, произносим «вау».
Дорогу заменили на «хайвей»,
Новейшее назвали «ноухау».

Все письма называем СМС.
Движение мы именуем «драйвом».
Враждебный нам сомнительный ликбез.
Довольствие мы называем «кайфом».

Наш царь России нынче «президент».
Рассрочка называется «кешбэком».
А модная одежда – это «бренд».
И сети информации «инетом».

Машина вычислительная – «комп».
И отчим домом хвалимся – «тан хаус».
Все встречи заменили на «флешмоб».
Мышонка дети называют «маус».

Сменили мы родные пироги
На западные «бургеры», «чизкейки».
И радуются за спиной враги:
Мы в ресторане заказали «стейки».

Общаемся с друзьями в «Фейсбук».
Гордимся, получая «суперлайки».
А книгу заменяет «ноутбук».
Мы в виртуальной жизни без утайки.

Родной язык для молодёжи «сленг».
Пьём вместо сбитня с квасом «кока-колу».
Куда скатился русский человек,
Употребляя вместо каши «роллу»?

Ужели отзвенели времена,
Когда язык родимый восхваляли?
И с гордостью носили имена,
Которыми нас деды наделяли?

Что происходит с русским языком?
Неужто мы родную речь забыли?
И продолжаем жить чужим умом,
На Запад свои мысли устремили.

Молчит великорусский соловей,
Но русский дух по-прежнему витает...
Язык великой Родины моей
Сквозь сорняки-словечки прорастает.

Вдохновение

В капле мёда засветилось лето,
Одурманив запахом лесов.
Чудо – вдохновенье для поэта –
Привкус терпкий луговых цветов.

Вдохновенье нелегко даётся,
Если не постиг родной язык.
Пусть поэт не всеми признаётся,
Но его страданья не из книг.

Сохранив достоинство святое,
Вопреки проклятиям чужим
Пестует поэт родное слово,
Чтоб оно не превратилось в дым.

Марина ЛОГВИНОВА
г. Липецк

Логвинова Марина Сергеевна родилась в Липецке 30 октября 1984 года.
Библиотекарь. Увлекается поэзией, обогащая собственной лирикой повседневную жизнь. Публиковалась в Сети и местных СМИ.
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Всё это моя Россия...»

Круг людей

Всё меньше круг твоих людей.
Всё больше круг ненужных.
От нас таят счастливый день
И не зовут на ужин.

Тепло сочится как песок
Сквозь пальцы неизбежно.
Ты в лоне дружбы одинок.
Не будет дружба прежней.

Нас обесценивают в грош,
Нас предают банально.
И мы уходим в колкий дождь,
Себя в других теряя.

За нами закрывают дверь,
Чтоб мы не возвратились,
Чтоб мы, как птицы без ветвей,
В окно души не бились.

С первым снегом

С первым снегом тебя,
Мой желанный причал.
По ступеням стиха
Я спускаюсь в начало

Наших снов на двоих,
По мурашкам романа.
Мы сгорали на миг,
Возрождаясь к финалу.

Западне твоих глаз
Я прощала ненастье,
Разбиваясь не раз
Об иллюзию счастья.

Первый снег, как и ты,
Безучастно растает.
Талый след, свет любви
С каждым днём убывает.

Я меняю нас местами

Ты всегда стреляешь первым,
Увлечённо целясь в спину.
Забиваясь в угол, нервы
Кружат бабочкой бессильной.

Ты не Бог в моём сознанье.
Я не ангел в глупой маске.
Задыхаются желанья,
Обнуляет нежность краски.

Нас докурит ожиданье
В клетке пасмурной квартиры.
Я уйду в запой молчанья.
Ты уйдёшь в другое имя.

Но в осколках звёздной ночи
На пороге сновидений
Ты вернуться вновь захочешь
За моей изящной тенью.

И сорвётся с пьедестала
Гордость, как шальная пуля.
Я меняю нас местами
В пьяном танце поцелуя.

Россия

В красоте моей России
Неразгаданный уют.
Разливаются под синью
Реки жизненных минут.

В брызгах солнца над полями
Вызревает колос хлеба.
Окликаю я стихами
Стаю птиц в подоле неба.

Слово Родина всесильно:
В нём я слышу голос мамы,
Шелест чувств, журчанье мира,
Колокольный звон из храмов.

В нас судьба твоя, Россия.
Горько сладкое раздолье.
В зареве хмельной рябины
Отраженье русской доли.

Россыпь снов в лугах цветущих,
Живописный вздох заката,
Терпкий запах трав влекущих,
В сотах мёд, в лесах прохлада.

Всё это моя Россия –
Хлебосольная земля.
В ней душа черпает силу,
Веру твёрдую храня.

Вера МАМЕДОВА

г. Усолье-Сибирское, Иркутская обл.

Вера Ивановна Мамедова родилась в селе Городищи Пермской области. С 1976 года живёт в Усолье-Сибирском. Работала бухгалтером. Человек широкого творческого диапазона: кроме поэзии увлекается вышиванием художественных картин, изготовлением оригинальных поделок из различных материалов. Член Усольского городского литобъединения. Публиковалась в местных СМИ, в журналах «Иркутский альманах», «Северо-Муйские огни», в Антологии усольской поэзии, в альманахах «Белая радуга», «Огни Ангары».

«...в руку тихо ягода скатилась...»

***
Я не сторонница меняющих Отечество
И, хоть мечтаю побывать везде,
Я – русская, как валенки на печке,
Как эта телогрейка на гвозде.

***
Декабрь был щедр, как никогда,
На снег, на ветер, на морозы.
На окнах ледяные розы
По сути – мёрзлая вода.
Но как красиво, Боже мой,
Деревья в кружева одеты,
И лёд катка передо мной
Блестит серебряной монетой.
Там с упоеньем детвора
Коньками искры высекала...
Зима! Прекрасная пора –
Чудес и праздников начало.

***
Читаю любимые строки.
Они для меня, как товарищ
Надёжный, правдивый и строгий,
Сединами мудрость прославивший.
Их так бы хотелось запомнить,
В них вжиться до клеточки каждой,
Чтоб в тёмном полуночном доме
Ко мне прилетели однажды.
Меня обласкали простыми,
Прохладными крыльями лета,
Чтоб лёгкое имя – Россия –
Листвой опустилось на веки.
Чтоб даже большая дорога
Меня никогда не пугала,
И Родина, нежно и строго,
В дороге всегда согревала.

***
Февраль капризен, март суров, но всё же
Недалёко уже до тёплых дней.
О, солнышко, приди и обогрей
Всех нас, замёрзших странников-прохожих.
Пускай тобой разбуженный побег
Согреет душу и подарит радость,
Надеждой сменит зимнюю усталость,
И в чудо пусть поверит человек.
И музыка, вдруг, юношеским альтом
Взорвёт пространство и растопит лёд.
Весёлые слова – Весна идёт! –
Мальчишка мелом пишет на асфальте.

***
А ночью шёл роскошный снег
И ангелы слетали с неба.
Их нежный мелодичный смех
Сулил надежду и успех,
И это радовало. Мне бы
Сойти с крыльца и утонуть
В объятьях снега и поверить,
Что есть иной, волшебный путь
Вхожденья в небо, и вздохнуть,
В ночь распахну пошире двери.
Там ангелы так сладко пели,
И ангельские голоса
Как колокольчики звенели
Среди начавшейся метели
И предвещали чудеса.

***
Горит брусника в прошлогодних травах.
Иду по ней, не вороша обиды.
Ах, этот лес любовь мою припрятал
И замер, не показывая вида.
Тропинка вьётся меж берёз и сосен,
Я по траве бреду неторопливо.
Ах, этот лес печаль мою уносит
И душу мою лечит терпеливо.
Горит брусника. Шепчутся осины.
Любовь моя, ты где-то заблудилась...
Повисла между веток паутина,
Да в руку тихо ягода скатилась.

***
Не закричу и не заплачу,
Я ж не такая, вот ещё!
Пятак подброшу наудачу
И поплюю через плечо.
И выберу из всех дорожек
Ту, что подскажет мне душа.
Она не хожена, быть может,
Но тем она и хороша.
Накину рюкзачок на плечи,
На миг присяду на крыльце
И неизвестности навстречу
Шагну с улыбкой на лице.
Дорога лентою струится.
Желаю всем я, кто в пути,
Не сбиться и не оступиться,
Друзей найти, себя найти.

Елена ПОПОВА
г. Усть-Кут, Иркутская обл.
Член Союза писателей России. Автор 8 книг стихов для детей и взрослых. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни». Корреспондент газеты «Диалог-ТВ».

В чертогах неземных нерукотворных

(Венок сонетов)

1.
Внимать речам обманчивым покорно
Не по нутру: с ума сойду к утру.
Никто не обогреет, не покормит...
Чтоб что-то получить, знать, нужен труд.

На манну дармовую не надеюсь:
Вкусней солоноватый хлеб земной.
Бесплатного ждут чаще прохиндеи.
Мне хочется всего достичь самой.

Не буду слушать надоевший клёкот:
Споткнусь – затопчут тут же, заклюют.
Нет помощи? Не будет и упрёков.
Пусть сладко благодетели поют,

Я не поддамся их речам елейным,
Осмыслив: для чего?.. Без сожалений.

2.
Осмыслив – для чего? – без сожалений
Порочный этот круг не разорву.
А небосвод засахарен… Желейный.
Нет, мне не снится: вот он, наяву.

Там солнце – мармеладной сочной долькой.
Хоть в предвкушенье губы облизни,
Тебе не съесть, как ни пытайся, столько,
Поэтому спокойно, без возни.

А небо аппетитно, словно пудинг.
Цветные чередуются слои.
И мы однажды в синей выси будем,
Согласно предсказаниям моим.

Ты только посмотри, как там просторно,
В чертогах неземных нерукотворных!

3.
В чертогах неземных нерукотворных
Найдёт приют усталая душа.
Досталось ей, бедняжке, после штормов,
И больно мне не двигаться – дышать,

Мечтая о лазурном небосводе,
Где лёгкой взбитой пеной – облака.
Как мало нужно: слышать «ты свободен»
(Есть выход из любого тупика).

И я живу, пока жива надежда,
Что там найду последний свой приют,
И, как бы ни старались, не удержат
Те, что притворно оды мне поют.

Простор небесный необыкновенен.
Необъяснимых много там явлений...

4.
Необъяснимых много там явлений...
Глаза хоть на мгновение зажмурь,
Коль не предашься несусветной лени!
Прозрачная колышется лазурь,

И кажется, что хрупок мир, непрочен.
Забыла – мне наука будет впредь –
Напомнить, что открыть пора бы очи,
Бескрайнее пространство лицезреть.

А нам до тех диковинных творений,
Как до луны. В скафандре, но пешком,
А лучше – на упряжке бы оленьей,
С огромным дедморозовским мешком.

Как манит даль прозрачно-голубая!
Реальность – тяготит. Я убегаю.

5.
Реальность – тяготит. Я убегаю.
Спешу туда, к лазоревым мирам.
И там реальность, но она другая
(Её вдруг поделили пополам:

Где – солнце светит, где – с небесной глади
Обрушатся нежданно ядра градин).
Но только зря погоду не кляни –
По-новому на всё в судьбе взгляни!

И стоило ли рваться к синей выси,
За выдуманным, мнимым – мчаться рысью?
К чему на поводу идти страстей?
Есть, что богаче всяческих затей.

Признаться, я жила не так уж плохо,
Поэтому не буду больше охать.

6.
Поэтому не буду больше охать,
Притворство подмечая день за днём
Друзей фальшивых – лучше бы оглохла!
Нет, глупо: что посеем, то пожнём.

И вовсе не об этом я мечтала,
Когда в эфире солнечном летала!
Но помню, как свистели камни вслед...
Как впитывала я нездешний свет

И птицей белокрылою парила,
И тщетно Вседержителя молила
Меня в свои владения пустить.
Не в гости – чтобы жить там, не гостить.

Казалось, небу нет конца и края...
На пену облаков подуешь – тает.

7.
На пену облаков подуешь – тает
И источает сладкий аромат.
Они друг к другу жмутся, сбились в стаю.
Видать, простор небесный маловат,

А нам – огромен. Как непредсказуем
И многогранен этот чудный мир!
И то, что было сахарной глазурью,
Вдруг превратится в сливочный пломбир,

Как в детстве, белоснежный и пузатый.
И никого. Лишь ветер – провожатый –
Меня легонько в спину подтолкнёт:
– Ну что же ты замешкалась?.. Вперёд!

Я думаю, он знал царя Гороха...
Но боязно. Стою и жду подвоха.

8.
Но боязно. Стою и жду подвоха,
А за спиною слышится мне хохот.
Оглядываюсь в страхе. Между тем
День кончился. Стемнело уж совсем.

Что звёзды?.. Собери хоть их в лукошко –
Не выведут из тьмы на божий свет.
Во мраке не отыщешь даже кошку
(Особенно, когда её там нет).

А может, никого нет за спиною?..
И что случилось как-то раз со мною –
Наверное, надумала себе.
Плохого вовсе нет в моей судьбе.

И в этой, и в другой. Ведь, между прочим,
Увидит каждый то, что сам захочет.

9.
Увидит каждый то, что сам захочет,
А я уже не вижу ни черта
(Лишь тёмные плывут над миром клочья),
Да и не знаю, где же та черта,

Что отделяет выдумку от яви.
В ночных широтах где-то – царство Прави.
Не принимает. Я там не нужна.
Но мне Земля давным-давно тесна,

И не с кем переброситься словечком.
Узор словесный целый день пряду.
Готова или нет к уходу в вечность?..
Готова, не готова, а уйду.
Не надо эпитафий и надгробий:
Пока что этот час ещё не пробил.

10.
Пока что этот час ещё не пробил
(Ох, многих он в расцвете сил угробил).
Но я не тороплюсь. И подожду.
Да звёзды как лучины подожгу:

Пускай пылают заревом восходным
И путь мне освещают! Превосходно.
Наутро высь окрасится в лазурь...
Сюжет запутан сильно. Услежу ль?..

Не знаю, кто я – ада ли исчадье
Иль Господа отмечена печатью...
Что выбрать мне из зол (пока – из двух)?..
Не отвечайте: это мысли вслух.

Их запишу. Не разобрать мой почерк.
И часто между слов – огромный прочерк.

11.
И часто между слов – огромный прочерк:
Не всё возможно выразить в стихах.
Приятнее писать о пустяках:
Как новым днём кузнечики стрекочут...

Но отойду, не напугать их чтоб.
Наш пёстрый мир – цветной калейдоскоп.
Чуть поверну – и сразу целиком
Изменится картинка за стеклом.

С желаньями, как прежде, нет мне слада.
Вновь солнце – сочной долькой мармелада,
И небосвод – воздушный сладкий пудинг,
А облако – кудрявый белый пудель,

А вот ещё один. Увяз в сугробе.
Как хорошо: избавилась от фобий!

12.
Как хорошо: избавилась от фобий,
От стрел, себе надуманных, и копий,
Чтоб стать свободной в небе, на земле.
Когда на сердце камень, в кабале

Весь мир огромный видишь однобоко,
Но нет на гнев и зависть в нём намёка:
Они в тебе когда-то проросли.
И сам не злись, да и других не зли.

И солнце встанет над лазурной гладью…
Ниспосланною свыше благодатью
Взойдут в людских сердцах ростки любви.
Прошу: ты их случайно не сгуби,

Иначе потеряют краски свежесть.
О небосвод! Он разве не безбрежен?..

13.
О небосвод! Он разве не безбрежен?..
А потускнев, уменьшится вдвойне,
Но думаю об этом я всё реже,
В мечтах – в безбрежной вновь голубизне.

Пути Господни неисповедимы.
От Бога никогда неотделимы
Его творенья: целое одно.
Издревле так на свете быть должно.

Под небом ясным набираем опыт,
И вовсе неуместен будет ропот:
Живётся, мол, не очень хорошо.
Но путь земной ещё не завершён,

И мой уход в межзвёздный мир – поспешен.
Попасть туда – и будешь ты безгрешен!..

14.
Попасть туда – и будешь ты безгрешен
(Эх, улететь бы иль уйти бы пешим!).
Давно в раю гулял бы, будь ты свят.
Грехи отяжеляют, тяготят.

Наверное, меня сочтёте дерзкой...
Привыкли, что всё ровненько да гладко.
Нет, не ищу я чьей-нибудь поддержки,
А отдаю себя вам без остатка.

Как трудно сделать первый шаг навстречу!
И что? Подозревать всех без разбора?!
Зарёй, как прежде, небосвод расцвечен
(Нашла удачный ракурс для обзора).

И остаётся мне, хоть это спорно,
Внимать речам обманчивым покорно.

15.
Внимать речам обманчивым покорно,
Осмыслив – для чего? – без сожалений,
В чертогах неземных нерукотворных...
Необъяснимых много там явлений.

Реальность тяготит. Я убегаю,
Поэтому не буду больше охать.
На пену облаков подуешь – тает.
Но боязно. Стою и жду подвоха.

Увидит каждый то, что сам захочет
(Пока что этот час ещё не пробил).
И часто между слов – огромный прочерк.
Как хорошо: избавилась от фобий!

О небосвод! Он разве не безбрежен?..
Попасть туда – и будешь ты безгрешен!..

Иван НЕЧИПОРУК

г. Горловка, ДНР

Руководитель литературного объединения авторов Донбасса «Стражи весны». Редактор журнала «Пять стихий». Зам.председателя Межрегионального союза писателей, член СП России. Член-корреспондент Крымской литературной академии и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Автор 5 книг стихов.

«Когда земля уходит из-под ног...»

***

Где слово есть, но нет бумаги,
чтоб это слово осквернить.
Виктор Амелин

Судьбы моей разбита колымага,
Билет на счастье изошёл на дым.
Но я упорно верю – жизнь есть благо,
А слово, осквернённое бумагой,
Становится крылатым и святым.

И пусть кружатся мысли в вертопрахе,
Как скумпий красных лёгкая листва...
Душа подобная распахнутой рубахе,
Не думает о тьме, забыв про страхи,
И вера в слово вечное жива.

***

А сверху город, словно сказка –
Ряды недремлющих домов,
Где осень растеряла краски.
Сентябрь ещё предельно ласков,
Но путь его уже терно́в.

Без птичьей суеты – жизнь тише,
А ветер густ, как будто дым...
И мы опять сидим на крыше,
Надеясь, что Господь услышит,
Мы с Ним стихами говорим.

***

Лучи в тумане свой плетут узор,
Сливаясь в дымке с музыкою Стинга.
Почти заснул предутренний костёр,
И сосны тонконогими фламинго
Бредут по кромке Голубых озёр.

А камыши немыслимо дрожат,
Мы согреваем утро терпким чаем,
Но город ждёт, и нас зовёт назад.
Ещё чуть-чуть, и мы с тобой отчалим
В свою страну звенящих эстакад.

Мы устали

Мы живые, и мы не из стали,
Наши чаянья тают как дым.
Мы устали! Устали? – Устали
От тяжёлого гнёта беды.
Наша жизнь – словно реверс медали,
Будто свет отречённой звезды.

Скудной ролью наш день недоволен,
И несётся тревога окрест.
Сколько пролито крови и боли
Над полынной душой этих мест!
Но в любви к этой горькой юдоли
Мы готовы нести скорбный крест.

***

А гиря века всё чугуннее.
Т. Гончарова

Правит в отравленном мире
Шестигодичная тьма.
Нас продолжает ломать
Века чугунного гиря –
Пропасть становится шире,
Лирики сходят с ума.

Словно под ноготь иголка,
Боль проницает, как ток.
Кровью залитый Восток
Воет отчаяньем волка...
Время щербато и колко
Бьётся в скрещении строк.

***

Ни предчувствий, ни наитий.
Задыхаясь в ложном быте,
Вскрикнуть хочется: «Держись!»
Через жернова событий
Нас прокручивает жизнь.

Но идём ветрам навстречу,
Позабыв, что время лечит,
Отгоняем липкий страх...
А идти-то нам далече –
Долог путь из праха в прах.

***

Когда земля уходит из-под ног,
Качаются деревья и строенья,
И рвутся ленты скрещенных дорог,
И кажется, что этот мир оглох,
И чёрный рок кружит крылатой тенью.

Тогда твой страх и смутная тоска,
В скрижали дня записанные слитно,
Провалятся в грохочущий раскат.
И просвистят, как пули у виска,
Такие запоздалые молитвы.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ
г. Луганск, ЛНР

Елена Заславская – поэт, писатель, журналист – родилась в Лисичанске в 1977 году. Автор 7 книг стихов любовно-философской и гражданско-патриотической лирики, 5 книг для детей. Лауреат II Корнейчуковского фестиваля детской литературы (гран-при, 2014), международной литературной премии имени С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (в номинации «Слово Победы», 2015), международной литературной премии имени Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени» (2016). Награждена серебряной медалью Второго Всероссийского Фестиваля Фестивалей ЛиФФт (2017). Представляла Донбасс на чтениях Literaturwerkstatt в Берлине (2008), на Лейпцигской книжной ярмарке (2012) и на поэтическом фестивале в Берлине (2014, 2016). Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки.
Песни на стихи Елены Заславской вошли в альбомы московской рок-группы «Зверобой»: «Война за мир» (2016), «Родина» (2018).
Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского.

«Вкус поцелуя И вечное чудо кириллицы...»

Триумфатор

Врата распахнуты –
Входи, мой триумфатор!
Зеваки ахнут,
Троекратное «ура»
В небесный купол...
И листик лавра
Для тебя
В тарелке супа.

1998

***
Из-за морозных окон
Гляжу тебе вослед,
Как будто ты жестоко
Уходишь в бездну лет,
И я молюсь: «О Небо!
От бед его спаси».
А ты идёшь за хлебом
В соседний магазин.

1998

Письмо

Как Изольда над своим Тристаном,
Я склонилась над письмом к тебе.
Почему мы любим хулиганов,
Вопреки надеждам и судьбе?
Почему я плачу над конвертом,
Чтоб опять его запрятать в стол?
Почему мы песни лишь отпетым
Посвящаем в жизни непростой?
Почему? – и только ветер мглистый
Знает, как ответить на вопрос.
Где-то ждут устало декабристы
Наших писем, наших ласк и слёз.

1998

Пусть печаль будет светлой

Пусть печаль будет светлой, как небо в июле,
А прощанье коротким, как день в декабре.
Наше детство осталось на старом дворе,
Где мечты сумасшедшие наши заснули,
Где качели взлетали до самых небес,
Где орехом неспелым я красила губы...
Мы взрослели, но как же несчастны мы без
Этой сказки, которую смели придумать.
Что осталось? Лишь фантики мятных конфет,
Связка писем к тебе в запредельные дали,
Только там не случается светлой печали,
Но тебя там давно уже нет.

1998

С осенней почтой

И не чернила, а вода,
И не перо, а ветка клёна,
Я напишу тебе, когда
Мне станет нестерпимо больно.
Я напишу, а ты прочти,
Хоть мельком или между прочим,
Когда придут мои дожди
С осенней запоздалой почтой.

1998

Над пропастью

Кузнечики, как брызги из-под ног,
Зелёные и звонкие – бегу я,
А кажется, – лечу. Восторг
И радость, как от поцелуя.
И верится, что счастье – навсегда,
И верится, что наши души – вечны,
И потому мы искренне беспечны
Во ржи над пропастью, без жизни и без дна.

2000

Имя

Когда тебе станет невмоготу,
Имя моё раствори во рту,
Имя моё раствори в крови,
Но вслух его только не говори.
Так мне твоё имя являлось во сне,
Жарче огня, холоднее чем снег,
Не выстонать тихо и не прокричать,
Казалось, от имени можно зачать,
Достаточно лишь его вымолвить вслух,
Как будто ты – Бог, и как будто ты – Дух.
Но я не готова, и ты – не готов.
Молчание – золото, Слово – любовь!

2008

Мои самолёты

Мои самолёты, как птицы из стали,
Мои самолёты сегодня устали,
АС Пушкин подбит, полыхает как гений,
Не справился с мёртвой петлёю Есенин,
И с верного курса сошёл Маяковский,
Впал в штопор и в землю ввинтился Высоцкий,
Неотвратимым жестоким тараном,
Будто песчинку смело Мандельштама.
А я каждый раз возвращаясь на базу,
К тебе, забываю, что я камикадзе.

2012

***
Я засыпаю...
Наступает тишина,
Но гробовой зовут её напрасно,
Что было спаяно,
Казалось намертво,
Распалось,
И стало мною и тобой,
А было нами.
Мгновение назад
Ещё губами
Касались мы друг друга.
Звездопад.
Зрачки расширены
И два сердечных ритма
Сливаются в один.
Себе не веря,
Изображая зверя
О двух спинах,
Мы открываем дивный мир
И собственную андрогинность.
А утром думаем,
Что это нам приснилось.

2015

Море облаков

Давай отбросим условности
И махнём на море.
Не на Чёрное,
Не на Белое,
А на Лунное.

На лунное Море облаков.
И только не говори,
Что сейчас нелётная погода.

2015

Границы

Нас разделяют границы.
Линия фронта. Линия жизни.
Мы будем друг другу сниться,
Это всё, что осталось нам ныне.
Я ничего не забыла...
Но снова – в который раз –
Обрывается связь мобильная,
Остаётся сердечная связь.
Ни прощения, ни отмщения,
Только боль распинает грудь,
Не осталось путей сообщения,
Только Млечный Путь.
И по звёздам, что в небе светятся,
Через взорванные мосты
Я лечу к тебе, чтобы встретиться
У взятой тобой высоты.

2015

Любовь не требует

Любовь не требует взаимности,
И не гадает: что же будет?
Вот я иду по полю минному
И рву ромашки с незабудками,
А месяц тонкий, тронь – порежешься,
Глаза решимости полны.
Есть только шаг один до вечности,
до тихой легкокрылой нежности,
до бьющей в сердце откровенности,
до истинной душевной верности.
И нет ни страха, ни вины.

2016

Презреть гравитацию

Стихи существуют,
Чтобы презреть гравитацию,
Чтобы к тебе прикасаться
Губами и пальцами,
В сбивчивых ямбах вдруг возникая
Реальней реальности,
И проходя сквозь жерло воспалённой гортани,
Где плавятся гласные.

Милый,
Мы легче, чем пух тополиный,
Нам больше не справиться
Ни с притяжением, ни с пунктуацией.
Милый,
Нас время стирает, старается,
Неумолимо
Жмёт на «delete»,
Но мы всё же останемся.

Милый,
Ты знаешь,
Когда-нибудь с детской серьёзностью
Юный романтик
Нас призовёт
Своей волей и голосом,
Словом весомым нас воскресит
Мы ж летим в невесомости.

Милый,
Наверное, мир
Только снится нам,
Стёрлись все буквы
И рифмы все выцвели,
Но на устах остаются и
Не забываются

Вкус поцелуя
И вечное чудо кириллицы...

2017

Светлана ШЕМЯКИНА
г. Дзержинск (Торецк), ДНР
Член Межрегионального союза писателей.

Мы – ни там и ни здесь...

Наше место, сказали, – за плинтусом,
Потому что живём на обочине.
Результаты великого синтеза
Привели к обвиненьям беспочвенным...

Мы, эпохой октябрьской рождённые, –
Пятилетками и метростроями –
Пели песни, туманом пленённые,
И рядами ходили все стройными.

Мир казался счастливым и искренним,
А мечта – самой светлой и смелою...
Золотыми и тёплыми искрами
Пролетали мгновения зрелые...

На закате эпохи нас предали.
Кто и как? Тут вопрос риторический...
По живому на части разрезали
И сказали: «Момент – исторический».

Мы – ни там и ни здесь... Мы – нездешние
И живём, не живя, на обочине:
Здесь – чужие и там – зарубежные,
Целым миром давно опорочены.

Что нам запад и север

Что нам запад и север,
Восток или юг?
Сеют чёрные ветры
Смятенье вокруг.

Грязь и мерзость повсюду, –
Не жди чистоты.
Разнесчастному люду
По вкусу – шуты.

Если прёт безысходность
Во все закрома,
Может сгинуть народность,
Лишившись ума.

И никто не поможет:
Ни друг и ни враг.
Не напрасно тревожит
Сгустившийся мрак...

Вряд ли наступит рассвет

А он наступит? Рассвет?
Мы затерялись в ночи.
Столько мучительных лет
Плавимся в адской печи!

Душу сжигает огнём
Мир безрассудных страстей.
Горечь полынную пьём
И не считаем потерь.

Сердце опасно кровит:
Вряд ли затянется шрам.
Город надежды разбит, –
Больше не верит слезам.

Страх неизвестности – вор –
Жизни уносит года
Без сожаленья в офшор,
Но оставляет счета.

На неоплаченный счёт
Есть живодёр-ростовщик.
Он с нетерпением ждёт
Жертву коварных интриг.

То-то потеха пойдёт!
Взыщет по счёту втройне
И напоследок споёт
Реквием нашей стране...

Вряд ли наступит рассвет:
Ночь всё темней и темней.
Тает мечты силуэт
В мире безумных теней.

О некоторых РД

Перед стихией не напрасно
Бессилен честный человек,
Когда безумно, громогласно
Она вступает в новый век.

Круша повсюду всё и сразу,
Не рассуждая: прав – неправ,
Разносит всякую заразу
В угоду западным ветрам.

Её мечты сама химера
Сформировала в злую ночь,
А чёрные легионеры
Их воплотить пришли помочь.

Умы, пленённые стихией,
Сначала рады кутерьме,
А дальше – пик драматургии, –
Бесславно гибнут в мрачной тьме...

Перед стихией не напрасно
Бессилен честный человек,
Когда с оружием всевластно
Она вступает в новый век.

РД – революция достоинства.

Время исчерпано

Время исчерпано без предпосылок.
Что суетиться теперь, бунтовать?..
Смерть безысходностью дышит в затылок,
Ей до плеча – лишь рукою подать.

Хрипы дыхания огненной магмой
Выплюнуть душу давно норовят.
Боже, дай силы! Осталось полшага...
Дикие мысли безумством кипят.

Где-то рассвет ещё дремлет за лесом,
Где-то весна приготовилась в путь.
Здесь – за безвременьем, скрытым завесой, –
Пьяной метелью волнуется муть.

Не разогнать. Не развеять ветрами...
Смыть бы её ключевою водой,
Души омыть покаянно слезами
И, наконец, возвратиться домой...

Сатира и юмор

... обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуление и хвалу, гнев и любовь их равно презираю.

А. Д. Кантемир – величайший поэт-сатирик первой половины XVIII века, зачинатель русской басни.

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018).

Встреча

(рассказ из цикла «Литературный экспресс»)

Литературный экспресс шёл строго по расписанию и на конечную станцию должен был прибыть ровно в 12 часов 3 марта, во Всемирный день писателя. Так было задумано организаторами мероприятия.

Через полтора часа – прибытие во Владивосток. Во всех вагонах, заполненных литераторами России, наметилось оживление. К выходу собирались по-разному: одни доставали одежду поновее, другие брились или причёсывались, третьи – прикрепляли к своим пиджакам или кофтам литературные ордена и медали. Особенно много было молодых орденоносцев. Как это ни смешно, любую из наград, кроме медали Пушкина, можно было купить в прямом смысле этого слова. Впрочем, говорить об этом считалось дурным тоном. Говорили о другом. О том, кто будет выступать с приветственным словом, какие мероприятия планируются на ближайшие дни, что интересного можно увидеть во Владивостоке.

Но чаще всего задавали друг другу один и тот же вопрос: почему не работает сотовая связь и Интернет? Разгадать эту загадку никто не мог. Начальник поезда сообщил, что раньше такого безобразия никогда не было.

В десятом вагоне проводник последний раз за поездку разносил пассажирам горячий чай.

Читатель! Давайте заглянем в некоторые купе этого вагона до того момента, как проводник откроет дверь и занесёт чай. Интересно же, что там делается и о чём говорят литераторы.

В первом купе находились поэты Валерий Хатюшин и Владимир Шемшученко, а также – писатель-сатирик Михаил Задорнов. Хатюшин недавно закончил написание новой автобиографии и попросил Задорнова прочитать и дать свою оценку. Михаил Николаевич ознакомился с текстом и, возвращая хозяину айфон, дружески пожурил:

– Твоя автобиография претендует на заголовок «герой нашего времени».

В ответ Хатюшин надул губы и спрятался за ними.

Шемшученко достал из громоздкого дипломата пиджак, на котором красовалась медаль Пушкина. Бережно стряхнул с пиджака соринки, надел его и повернулся к зеркалу. Внимательно посмотрел на себя и остался очень доволен. Чувство глубокого удовлетворения у него плавно перешло в чувство мелкого тщеславия.

Наблюдая эту сцену, Задорнов вспомнил где-то прочитанную фразу: «Глядя на себя в зеркало, приобщаешься к прекрасному», но ничего не сказал, чтобы не обострять отношений.

Задорнов в который раз попытался воспользоваться сотовым телефоном, но из этого вновь ничего не получилось, и он разочарованно проронил:

– А связи по-прежнему нет.

– Появится, куда она денется, – выразил своё мнение Шемшученко и добавил: – Коронавируса боитесь? Во Владивостоке я маску надевать не буду и вам не советую, а то никто и не узнает... Думаю, мои-то стихи там читают; недавно большая подборка была в их «Дальнем Востоке».

Тут уж Задорнов не выдержал и съязвил:

– Кто дорожит мнимыми заслугами, тому они помогают пережить отсутствие реальных. Володя, ну кто сегодня читает стихи, кроме литераторов? Так что не обольщайся...

После этих слов Шемшученко надолго замолчал, разговаривать ему не хотелось. Он знал себе цену, но такую сумму ему никто не предлагал. Сколько ферзей в душе так и остались пешками!

В третьем купе ехали Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров. Никто из них не спешил собирать пожитки. Зощенко с Ильфом играли в шахматы, Илья проигрывал. Чтобы помочь другу и соавтору не потерпеть фиаско, Петров стал отвлекать Зощенко от шахматной доски, задавая ему вопросы, не имеющие ни малейшего отношения к шахматам.

– Первый раз еду во Владивосток. Будем там ловить птицу счастья. Как вы думаете, Михал Михалыч, поймаем?

– Не знаю, что нас там ждёт; у птицы счастья тоже есть размах крыльев, – ответил Зощенко и взял у противника пешку.

– Думаете, поездка будет не очень? – Евгений продолжал претворять свой замысел в жизнь.

Зощенко вопрос проигнорировал и через полминуты «съел» ещё одну пешку, приговаривая:

– Курочка по зёрнышку...

– Я вчера прочитал, – не унимался Евгений, – что менеджеры при увольнении из госкорпораций получают «золотые парашюты» по сто и даже двести миллионов долларов. Как вам это нравится, Михал Михалыч?

– На госслужбе вместо молока за вредность сегодня получают «золотые парашюты».

Петров выдержал минутную паузу и продолжил гнуть свою линию:

– Вчера в Думе Жириновский опять разбушевался. А что вы думаете о Жириновском, Михал Михалыч?

– В жизни всегда есть место клоуну. Среди политиков есть такие языки, на которые пора ставить заплатки, – радостно возбуждаясь, сказал Зощенко и на сей раз выиграл у Ильфа коня.

– Хорошая шутка, – отреагировал Петров, хохотнув при этом.

– Чувство юмора помогает не принимать всерьёз другие чувства, – сказал Зощенко, подумал минуту и поставил Ильфу мат.

В седьмом купе десятого вагона ехали трое прозаиков. Один из них был Всеволод Кочетов – автор когда-то нашумевших романов «Журбины» и «Чего же ты хочешь?». Другой – Владимир Тендряков – стал известен благодаря написанной им антирелигиозной повести «Чудотворная», по которой был поставлен художественный фильм. С ними же совершил длительный путь и Владимир Крупин, который продолжает оставаться широко известным писателем в узких кругах.

Слишком разными они были людьми и всю дорогу разговаривали мало.

А когда за окном промелькнуло небольшое сельцо, в котором пассажиры увидели заброшенные полуразваленные строения то ли колхоза, то ли совхоза и блеснувший купол маленький церквушки, неожиданно вспыхнула бурная словесная перепалка.

– Ишь, разграбили всю Россию, – возмутился Тендряков, – понастроили церквей, чтобы одурачить народ. Попов развелось как собак нерезаных!

После этих слов Крупин трижды перекрестился и начал бубнить какую-то молитву.

А Тендряков возбуждённо продолжал:

– Всех их: и Горбачёва, и Ельцина, и ещё кое-кого надо публично повесить на Красной площади! Чтоб другим неповадно было уничтожать Россию!

– Сгорая от жажды мести, сердце не согреешь, – тихо сказал Крупин, снова троекратно перекрестился и продолжил шептать молитву.

– Володя, смотрю я на тебя и удивляюсь, – сказал Тендряков. – В паутину религии попадают только слабые существа. Ты же никогда не был слабым. Что произошло-то с тобой?

– Приобрёл веру.

– Чтобы обрести веру в бога, нужно потерять веру в себя! – убеждённо воскликнул Тендряков.

– Володя, ты посмотри, сколько народу приходит в церковь, – сказал Крупин, считая этот факт самым весомым аргументом в споре.

– В церковь идут тогда, когда идти уже некуда! – настаивал на своём Владимир Тендряков.

– Бог тебя накажет, – сказал Крупин, опять три раза перекрестился и продолжал проговаривать начатую молитву.

– Гнев богов переносится гораздо легче, если в них не верить, – с усмешкой вмешался в разговор Всеволод Кочетов. – А тот, кто ставит во главу угла религию, так и простоит в этом углу всю жизнь, – и небрежно махнул рукой в сторону Крупина.

– А кто первым получил Патриаршую литературную премию? А, Володь? Конечно, ты! Сколько рубчиков вручил тебе Патриарх Кирилл за твоё смирение перед новыми буржуинами?..

– Оставь его в покое, – сказал Всеволод Кочетов.

– Да уж, как говорится, горбатого могила...

– Вот ты негодуешь, правильно, конечно, возмущаешься, – обратился Кочетов к Тендрякову, переводя тему разговора, – но подготовка к разрухе в России началась задолго до Горбачёва. Фактически сразу после смерти Сталина. А ты в своё время активно выступал против него. Ты же подписал в 1968 году «Письмо двадцати пяти» о недопустимости частичной или косвенной реабилитации Сталина. Там же, насколько я помню, свои подписи поставили и Катаев, и Паустовский, и Чуковский, а сразу вдогонку за ним с тем же требованием появилось «Письмо тринадцати», где засветились Смирнов, Эренбург, Дудинцев...

– Всеволод Анисимович, если бы я знал, что верхушка партии ведёт нас к реставрации капитализма, ни за что бы не подписал. Даже если бы поставили к стенке за это. Да, проявил политическую близорукость...

От дальнейшей расправы Владимира Тендрякова спас проводник, который, предварительно постучавшись, отодвинул дверь купе, вошёл и поставил на столик стаканы с горячим чаем.

Вид упомянутого сельца и церквушки породил в восьмом купе не просто разговор, а новый скандал. В этом купе находились Юрий Бондарев и Виктор Астафьев. Они всю дорогу касались в разговоре политических вопросов, спорили, кричали друг на друга, и порой ругань доходила до нецензурных выражений.

На сей раз первым завёлся Астафьев:

– Пришли к власти большевики, и ни царь им не нужен, ни бог...

– Посмотри! – Бондарев показал пальцем за окно. – И здесь всё разграбили. Там, где рушатся идеалы, суетятся мародёры. Виктор, разве за это мы с тобой на войне кровь проливали?

– Если бы не было Ленина и Сталина, мы жили бы нормально, как в Европе. И в годы войны не завалили бы немцев трупами своих солдат. Прав был Солженицын...

– Я с ним тоже много раз разговаривал по душам, – прервал своего идейного противника Бондарев. – Пока влез в душу, перепачкался с ног до головы.

– Юра, у каждого своя правда, и вместе они не уживутся, – не сдавался Астафьев.

– Ты почему смалодушничал? На фронте выстоял, а в гражданской жизни оказался... не хочу материться. Почему не отказался от звания Героя Социалистического труда? Так бы прямо и сказал: «Я, мол, против социализма». Ан-нет, кушать вкусно хочется. Когда мне Ельцин хотел всучить орден Дружбы, я же отказался. А ты смалодушничал. Всякий раз шёл туда, где тебе кормушку показывали. Или, чтобы стать безгрешным, надо поменять веру?

– Я свой и военный долг, и гражданский исполнил до конца, – попытался оправдаться Астафьев.

– Вот ты от Ельцина получил орден «За заслуги перед Отечеством». Какому Отечеству ты служишь? Олигархическому? А Ельцин – вообще преступник. Он не только переступил закон, но и вытер о него ноги...

– Но Ленин тоже переступил закон, разогнав Учредительное собрание...

– Ленин сломал буржуазное государство, чтобы на его обломках построить справедливое общество, где не будет эксплуатации человека человеком, а Ельцин – чтобы вернуть капитализм. Вот ты всё никак не угомонишься и продолжаешь лить грязь на Сталина. Уже и тридцать седьмой год вспомнил.

– Юра, от исторической правды никуда не убежишь...

– Про какую историческую правду ты говоришь? Историческая правда – это отретушированная ложь. Любой историк страдает умышленным склерозом. Правду о тридцатых годах, когда Сталин продолжал борьбу с троцкистами, мы сможем узнать только ознакомившись со стенографическими отчётами пленумов и съездов ВКПб и с документами отдела административных органов ЦК партии. А почти все эти документы засекречены. Что, непонятно, почему скрывают правду? А твои «Прокляты и убиты»? Зачем ты изгадил свой роман ложью? Неужели ты не понимаешь, что тот, кто врёт о войне прошлой, приближает войну будущую?..

– Да ну тебя на хрен. Давай заканчивать, у меня от этих разговоров уже давление поднялось...

– Ещё один важный момент – и на этом завершим. Ты, Виктор, выдающийся мастер художественного слова. А вот в вопросах философии, политэкономии, политики ты, извини за прямоту, полный ноль. Ты читал «Капитал» Маркса? Другие его работы? Энгельса? Ленина? У них множество настолько глубоких мыслей, что многие боятся к ним даже приблизиться. И пока ты не прочтёшь и не осмыслишь всё это, так и будешь всякую чушь молоть и никогда не поймёшь, что происходит в этом мире.

И они оба замолчали.

В другие купе проводник не заходил, чай едущие там литераторы не заказывали.

В девятом купе, возле туалета, ехали литературные критики из Москвы: Галина Юзефович и другие. Андрей Тимофеев отказался ехать с ними в одном купе и попал в другой вагон. К литературным критикам проводник не наведывался: чай они тоже не заказывали.

А в это время во Владивостоке начинали разворачиваться неординарные события, которые подтолкнули городскую власть к решительным действиям. Власть напоминала гнёт над процессами, которые норовят выйти из-под контроля.

Первым делом были отключены сотовая связь и интернет. На привокзальной площади и прилегающих к ней улицах стояли автозаки и водомёты. Рядом с ними расположились не только местные росгвардейцы и омоновцы, но и те, которых ещё вчера перебросили самолётами из Ростова-на-Дону и других областных центров. Все эти представители полицейских структур в своё время дали присягу, тем самым обеспечив себе место в строю, задача которого охранять власть буржуазии. Некоторые из находившихся в этом строю испытывали угрызения совести, но покинуть его не решались, ибо не знали, где и как можно, сняв погоны, заработать кусок хлеба и прокормить семью.

Рабочие трёх крупных заводов города и некоторых подразделений морского порта с утра объявили забастовку с требованием сделать 3 марта нерабочим и праздничным днём. Люди, кто на чём, уже двигались к привокзальной площади.

А на самой площади уже собралось несколько тысяч человек. Некоторые держали в руках красные флаги, были там и транспаранты антиправительственного содержания. Силовики стояли плотной цепью за временными металлическими ограждениями и препятствовали прохождению людей в здание железнодорожного вокзала, но у них это не всегда получалось. То там, то здесь небольшие группы людей прорывали оцепление и устремлялись на первую платформу, куда должен был прибыть литературный экспресс.

Напряжение на площади нарастало. Люди начали скандировать лозунги, в которых чаще всего звучало слово «долой». В момент первых задержаний начались стычки протестующих с полицией.

Бесправие даёт право на вседозволенность. Видимо, прошло время собирать камни за пазухой, и наступило время бросать их в чужой огород. В полицейских полетели лёгкие и тяжёлые предметы. После того как несколько полицейских получили серьёзные травмы, задержания прекратились, и силовики стали просто наблюдать за происходящим, но прилагали усилия, чтобы в здание вокзала и на платформу просочилось как можно меньше людей.

А к вокзалу тем временем подъезжали всё новые и новые автобусы с жителями города. Переполненные автобусы лихорадило от избытка чувств. Лица пассажиров, покидающих транспортные средства, были возбуждены. Воздух свободы был наполнен ароматом надежды.

Кто-то в толпе начал разбрасывать листовки. В век Интернета и других новейших технологий это выглядело как-то архаично, но люди сразу подбирали листовки и читали с удовольствием, так как в содержании текста находили отголоски своей души. Вот что там было написано:

«Люди! Будьте бдительны!

Мост в Будущее находится в аварийном состоянии. Наше здравоохранение охраняет не здоровье голодных, а сверхприбыли богатых. Так коронавирус мы никогда не победим.

Долой такую медицину!

Инфляция – самая изощрённая форма эксплуатации. Долой инфляцию!

Олигархи, не забывайте: бедность – это дамоклов меч над богатыми. Отдайте пока не поздно часть прибыли трудящимся!

У ветвей нашей власти один корень зла – коррупция. Она растёт на почве, удобренной властью. Долой такую власть!

Ружьё, висящее на сцене, при желании можно квалифицировать как призыв к вооружённому восстанию. Свободу Николаю Платошкину!

Товарищи! Не забывайте, дрожащими руками власть не берут.

Винтовка рождает власть!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует диктатура трудящихся!

Вся власть Советам!»

А в это время литературный экспресс уже завершал свой путь по Транссибирской магистрали и подходил к первой платформе железнодорожной станции Владивосток. Вскоре состав остановился.

На перроне за переносной металлической оградой плотной цепью стояли омоновцы, а за ними – многочисленная толпа встречающих.

Литераторы высыпали из вагонов и оставались на месте. Их предупредили, что первыми в здание вокзала и далее на площадь пойдут писатели с мировым именем, которые ехали во втором вагоне.

Классики покинули свой вагон и медленно двинулись к зданию вокзала. Они шли по проходу, который был создан искусственно: между вагонами состава и цепью омоновцев. Никто из толпы проходящих не приветствовал. Некоторые встречающие вставали на цыпочки и высматривали, кто идёт вслед за первой группой, но, судя по выражению их лиц, так и не увидели того, кто им нужен.

Вслед за классиками двинулись другие литераторы. Впереди этой колонны шли литературные чиновники: председатель Ассоциации писателей и издателей России Сергей Шаргунов, председатель Союза писателей России Николай Иванов, председатель Союза российских писателей Светлана Василенко, председатель Российского книжного союза Сергей Степашин, председатель Союза писателей Москвы Евгений Сидоров и председатель Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов. Их проход по платформе также не вызвал у публики никакой реакции. Видимо, по этой причине у литературных чиновников произошёл такой сумбурный разговор:

– Ничего не понимаю, будто бы и не встречают...

– Пора бы узнавать нас в лицо...

– Мечтать не вредно, вредно воплощать мечты в жизнь.

– Дальний Восток...

– Одним словом, провинция.

– Тем более дальний...

– Восток – дело тонкое.

– А где тонко, там и рвётся.

– Куда они денутся, будут узнавать в лицо.

– Свежо предание, но верится. Дурдом!

По платформе писатели-классики прошли молча, их тоже никто не узнавал. И только у входа в здание вокзала, слева от них, послышались жидкие аплодисменты, которые быстро испарились. Это напомнила о своём существовании группа местных литераторов. Они отличались от других тем, что всматривались в лица классиков и что-то полушёпотом говорили друг другу.

Справа от классиков расположился духовой оркестр, готовый в любую минуту начать исполнение нужной мелодии. Дирижёр вглядывался то в одну, то в другую сторону платформы, но то, что искал глазами, пока не увидел.

На происходящее классики реагировали в основном спокойно. Все они знали, что в современной России произошёл массовый «падёж» читателей, а значит, и мало кто знает их в лицо.

Ведали они и о том, как школьники в старших классах «изучают» их тексты: просматривают содержание романов и повестей в Интернете, считая, что «нечего грузить себя всякой фигнёй».

Разговор среди классиков возник лишь тогда, когда они вошли в здание вокзала. Салтыков-Щедрин услышал за своей спиной:

– Сколько сюрпризов нам здесь приготовили: сотовая связь не работает, Интернет ни гу-гу...

– А то, что каждый из нас с мировым именем, а реакции никакой – это как понимать? – возмутился другой голос.

Михаил Евграфович не удержался и, не поворачивая головы, съязвил:

– Такой ореол славы в этом сезоне не носят.

– Что же мы не заслужили, чтобы нас нормально встретили? – настаивал тот же голос.

– Заслуги стареют быстрее, чем их владельцы, – ответил Салтыков-Щедрин.

– Что сказано в шутку, может быть услышано всерьёз, – послышался ещё один голос.

При выходе из здания вокзала, классики могли увидеть одиночные пикеты и прочитать, что написано на самодельных плакатах или стендах, которые одни из пикетчиков держали в руках, а у других таблички висели на груди. Тексты этих плакатов не отличались особым разнообразием, чаще всего там встречались слова: «долой», «позор», «коррупция», «в отставку», «путин», «политзаключённые» и тому подобное. Но была и одна оригинальная надпись. Молодая девушка держала в руке массивную картонку, на которой крупными печатными буквами было выведено: «В моей смерти прошу винить вертикаль власти».

А на всё это с фасадной стены укоризненно смотрел Николай II. Лев Николаевич Толстой при взгляде на барельеф последнего российского императора лишь недоуменно пожал плечами.

Выйдя на привокзальную площадь, писатели с мировым именем начали крутить головами. Увидев величественный монумент Владимиру Ильичу Ленину, Алексей Максимович Горький заметил Салтыкову-Щедрину:

– Здесь Ильич на месте. Молодцы, не убрали.

– Борьба с памятниками – это уже не симптом психического заболевания, а его следствие, – ответствовал Михаил Евграфович.

Алексей Максимович задумался на мгновение и скорее всего самому себе сказал:

– Этот памятник символизирует идеи марксизма-ленинизма, которые сегодня в России практически запрещены. Но идеи, которые находятся в изгнании, ждут своего часа.

А в это время из седьмого вагона литературного экспресса, который стоял напротив входа в здание вокзала, не спеша вышел Иосиф Виссарионович Сталин.

Многочисленная толпа, стоящая на платформе, разразилась овациями. Духовой оркестр заиграл «Варшавянку». Люди восприняли мелодию с воодушевлением, но песню запели человек пятьдесят, не больше. Остальные пока не выучили слов этого революционного марша.

Декабрь 2020 года

Илья КРИШТУЛ

г. Москва

Лауреат премии «12 стульев» «Литературной газеты».

Дипломант международного конкурса «Журнальный вариант» (Крым, 2014).

Верьте мне, люди!

Будучи в Ярославле, я наткнулся на любопытный памятный знак. Это была простая каменная табличка на стене дома, которая гласила: «На этом месте 24 июня 1794 года ничего не произошло». Какой же был счастливый день 24 июня 1794 года!

Но вот счастье постучалось и в нашу дверь – за целую неделю не случилось ничего плохого! Хорошего, правда, тоже, но к этому-то мы уже привыкли... А тут семь дней – и ничего ужасного! Не взлетела пока до небес цена бензина, не рухнул рубль, почти ничего не сгорело и не упало, поезда и трамваи ходят по расписанию, не посадили ни одного губернатора... Правда, недавно в Череповце умер принц из Нигерии, проживший там несколько лет... Но, с другой стороны, сколько бы выдержал в Нигерии принц из Череповца?

Хотя нет, кое-что всё же случилось. Что? Кончилась тихая, золотая, очаровательная и тёплая осень, а ей на смену пришла тоже осень, но слякотная, дождливая, гриппозная, с лужами и с мокрым ветром. Радует только, что скоро снег, коньки-лыжи, Новый год, подарки, неделя бурного русского веселья, тяжкое возвращение к трудовым будням, 23 февраля и – весна. Но это я слишком далеко заглядываю...

А пока активизировались лже-газовщики, лже-мосводоканальщики, лже-собесовцы и лже-остальные. Забегали по квартирам, надеясь, что люди в сумрачном настроении от сумрачной погоды легко будут расставаться с деньгами. И некоторые расстаются. Один дедушка поставил с утра «сигнализатор загазованности» за 7 тысяч, после обеда фильтр воды за 65 тысяч, а вечером, услышав от родственников всё про своё образование и уровень интеллекта, уныло побрёл в полицию. «Уж сколько раз твердили миру...».

Помню, несколько лет назад эти же ребята, только они были помоложе, ходили с моющими пылесосами. Они показывали чудо-аппарат в действии, вместе с вами подсчитывали количество убиенных пылевых клещей и с удовольствием оставляли вам этот пылесос за 100 тысяч рублей, можно в кредит. Моя жена, кстати, купила, и я с ней с того года в разводе. Не из-за пылесоса, нет. Она потом ещё, вдогонку, набор ножей купила, который в магазине стоит 25 тысяч, а ей за 4 предложили. Когда дома столько ножей и на такую сумму, всегда лучше быстро развестись и разделить имущество. В итоге мне достались телевизор и холодильник, а ей – ножи и пылесос. Когда она всё поняла, я уже был в безопасности – ножи не резали. Да и моющий пылесос, увы, не мыл и не пылесосил, только гудел.

Но и я, каюсь, один раз купил планшет за 2 тысячи. Да, был благодушно настроен. Да, возвращался с дня рождения. Да, продавец был велеречив и долго рассказывал о плохом начальнике, который не платит зарплату. Теперь этот планшет лежит у меня памятником глупости. Зато этим летом я не купил ни одной старинной монеты, которые предлагали мне якобы строители-копатели метрополитена. И гордо отказался от бесплатного УЗИ печени по программе то ли «Здоровье города», то ли «Городское здоровье». А соседка не выдержала напора бывших продавцов пылесосов и пошла. Вернулась заплаканная, так как жить ей осталось несколько дней. Страшный диагноз «Напряжённая и зашлакованная печень» надежд не оставлял. Повезло, что лекарства продавали прямо в этом же кабинете, где УЗИ делали. 120 тысяч и жизнь спасена, да и лекарства все натуральные. Я не стал ей говорить, что мышьяк и мухоморы тоже натуральные, к тому же травить её никто не собирался. У неё ж ещё столько внутренних органов непроверенных и бесплатно работающих, одних почек две штуки! Пусть пьёт свои сахарные шарики. Да и что можно объяснить человеку, который, имея высшее образование, ещё недавно заряжал у телевизора воду?

И интересно, куда девались все те люди, которые не так давно звонили мне с предложением за вознаграждение отпустить сына, который сбил на машине человека? Не они ли сейчас звонят из сбербанка и просят дать им все данные моей карты, включая ПИН-код, во избежание блокировки? Или они занялись профилактикой пластиковых окон? «Здравствуйте... Только сегодня... Ваш дом... Совершенно бесплатно по городской программе... Мастер совершенно случайно освободился чуть раньше и уже стоит под вашими окнами... Он плачет, глядя на потерю створками ваших окон геометрии, отвратительные уплотнители и несмазанный механизм... Стеклопакеты зимой лопнут, и это будет намного дороже... Также мы оказываем бесплатную юридическую помощь...» И когда я спросил, можно ли мне заодно сделать МРТ позвоночника, мне ответили, что можно.

«Пока живут на свете дураки, обманом жить нам, стало быть, с руки...» – пели когда-то давно лиса Алиса и кот Базилио. Вот они и живут, на обмане и нашей доверчивости и, кстати, хорошо живут...

Так что же теперь, не верить людям? Конечно, верить. Но не всем. Мне – можно. Я с понедельника начинаю свой бизнес – проверка квартирных стен, полов и потолков на радиацию и, если нужно – а будет нужно! – их дезактивация. А то живёт какая-нибудь столетняя бабушка и не знает, что у неё квартира фонит страшно. Я уже нашёл какой-то непонятный старый аккумулятор, его если потрясти, то стрелка зашкаливает, слова умные выучил – «концентрация толуола у вас 2,57 микрозиверта в час, в пределах нормы, а вот содержание частиц тория превышает норму в 5 раз». Проверка – 3 тысячи, дезактивация – 10. Деньги очень нужны, литературная деятельность доход не приносит. И пылесос моющий пригодится, у него вид устрашающий, надо его у бывшей жены выпросить и где-то купить противогаз для солидности. Показываю аккумулятор с прыгающей стрелкой, вожу гудящим пылесосом по стенам, показываю тот же аккумулятор с неподвижной стрелкой, выписываю квитанцию с печатью, снимаю противогаз, беру деньги и до свидания. Так что готовьте кошельки и открывайте двери.

Предупреждение! Двери открывать только мне, все остальные это мошенники!

И если вы отдадите деньги, вам пора на МРТ и УЗИ головного мозга... По городской программе «Включайте мозг».

Гости из прошлого

...А вот предположим, что у вас есть возможность вызвать сюда, в наши дни, любую знаменитость из прошлого. Пообщаться с этой знаменитостью, посоветоваться, правду узнать из первых рук, а не от историков. Вы бы с кем хотели поговорить?

Я бы выбрал Наполеона. Человека, а не торт. Во-первых, француз, а я французский знаю. Во-вторых, очень хочется вместе с ним посмотреть «Войну и мир» Бондарчука. Пусть увидит Бородинское сражение на экране и объяснит, зачем он в Россию попёрся и где своё золото

награбленное спрятал. Хотя ответ известен: «Золотой обоз утонул в болоте под Смоленском, а насчёт фильма... Если б у меня было столько денег, сколько у вашего Бондарчука на съёмки, я бы в Россию ни за что не пошёл, cher ami...» Вот это «cher ami» меня очень раздражает, ведь от него пошло русское слово «шаромыжник». Да и зачем мне этот император без золота? Так что отказался я от Наполеона и решил пообщаться с Оливье. Тоже с человеком, не с едой.

Люсьен Оливье опять же француз, но не шаромыжник, а их потомок. Их много в России после 1812 года осталось, холодных и голодных шерочек-машерочек. Оливье я расспросил бы, конечно, про его салат, Новый год же скоро. Какую колбаску лучше положить, «Докторскую» или «Молочную», с жиром или без и какого завода, и в каком магазине покупать, в «Пятёрочке» или в «Магните»... Я Оливье больше доверяю, чем всем этим Роспотребнадзорам и Росконтролям. К тому же недавно провели опрос и салат «оливье» был признан одним из символов народного единства. Наряду с Днём Победы, «Иронией судьбы» и полётом Гагарина. Вот салат у людей в головах… Но тут мне по телевизору рассказали рецепт настоящего «оливье». Рябчики, раковые шейки, телятина, паюсная икра… Не салат получается, а золото Наполеона. Да ещё слухи ходят, что и колбаса будет стоить, как паюсная икра. У меня хоть зарплата и выросла беспрецедентно, как мне недавно сообщили, но сообщили-то на словах, сумма такая же осталась. В общем, чтобы разобраться, смогу ли я со своей беспрецедентно выросшей зарплаты позволить себе рябчиков, паюсной икры или хотя бы 300 грамм «Докторской», решил я пообщаться с каким-нибудь великим математиком.

Но – увы... Великих математиков в наше время не пускают, они здесь не требуются. В наше время требуются математики, которые не знают математику, что показала недавняя аттестация учителей. Ведь, как сказал почти главный наш банкир: «Математические школы не нужны». Ему-то, конечно, математики не нужны, они ж считать умеют. Вопросы начнут задавать неудобные, почему такие безумные проценты по кредитам и маленькие по вкладам, почему кредит и ипотека в России дороже, чем везде… Да и государство не обрадуется. Вдруг математик решит со своей пенсией разобраться, почему она и накопительная, и страховая, и ещё куча умных слов, а на руки – 9000 рублей? И куда уходят налоги от какой-нибудь Роснефти? Пожалел я математика, ведь если он в Пенсионный фонд зайдёт, он там с ума сойдёт от их схем. Ему СНИЛС сниться по ночам будет. Решил я лучше с каким-нибудь музыкантом встретиться. С Мендельсоном, например. Не с маршем, с маршем я встречался неоднократно. С автором.

Почему именно с Мендельсоном? Потому что я пять раз его самое знаменитое произведение слушал и пять же раз семейный корабль разбивался о скалы. На шестой заменил Мендельсона «Чунгой-Чангой» Шаинского и, пожалуйста – живём душа в душу. Но жена и отговорила. Придёт, говорит, Мендельсон, а у нас телевизор включён. А там – «Три аккорда» или, не дай Бог, концерт Киркорова. Мендельсон и так уже умер, а если он ещё услышит «Мурку» или «Цвет настроения синий»... Жаль, а я хотел спросить у него, под какую музыку он бракосочетался и что не так с его маршем, почему столько разводов в стране... Может, тональность изменить надо?

Из музыкантов интересно ещё поговорить с Фаррухом Булсара, который Фредди Меркьюри. Но боязно. Я недавно фильм про него посмотрел и... Человек-то я толерантный, много всего видел, с Пенкиным в одном городе живу, но всё равно боязно.

А что если с Пушкиным встретиться? С живым, не с памятником? Правда, Александр Сергеевич до меня вряд ли дойдёт. Перехватят. Он человек был богемный, светский, скандалил, стрелялся, погиб из-за жены... В общем, Малахов такое не упустит. И жаль Пушкина, если он в один ряд с героями современности встанет, которые запутались в детях, любовниках, жёнах, изнасилованиях и на всю страну с гордостью об этом говорят. Правда, за деньги, но зачем Пушкину такие деньги?

И остались у меня три кандидатуры – Ленин, Махатма Ганди и Мэрилин Монро. Ленина я бы про тайны революции расспросил, с Ганди бы просто поговорил, потому что он умный, а Мэрилин... Ну она для души, когда жена в гости уйдёт.

Тут как раз жена в комнату и заходит. Вызывай, говорит, эту скотину Уиткомба Джадсона. А кто это, спрашиваю. «Это человек, который изобрёл молнию-застёжку. Вот, полюбуйся на его изобретение...». И сапоги мне показывает новые, итальянские, с порванной молнией. «А что ты хотела из бутика на Измайловском рынке? – спрашиваю: Да за две тысячи? Одна коробка 300 рублей стоит, и доставка из Армении...». Но жене говорить что-либо бесполезно и не нужно.

Сижу без Мэрилин, с этим Уиткомбом, который молнию чинит. Хорошо, хоть Джонни Уокер есть, не человек, а виски.

А ночью, после общения с Уокером, я долго разговаривал с Генрихом VIII по поводу его отношений с Анной Болейн и как мило он от неё избавился.

Утром пойду встречаться с Артуром Гиннессом. Который пиво.

А какие планы на субботу были замечательные!

Сергей ЗАРВОВСКИЙ

г. Луганск, ДНР

Член правления Межрегионального союза писателей.

Родился и учился в Луганске. Затем окончил Московский государственный историко-архивный институт, работал в Новосибирске, вернулся в Луганск. Проработал много лет в Институте экономики промышленности АН УССР. Автор сборников «Одноразовая жизнь», «Муза на помеле», «Я давеча подался в лирики». Публиковался в различных коллективных сборниках, альманахах, газетах, литературных журналах «Российский колокол» (Москва) и «Радуга» (Киев). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Как надо поздравлять женщин

Извините, но до сих пор не могу понять, почему именно 8 Марта мы должны осыпать наших подруг и просто знакомых барышень комплиментами? Почему именно в этот день, обычно солнечный и тёплый, мы должны им доказывать, что они самые лучшие, добрые, весёлые и с вечной весной в глазах? И без того на улице и на душе у них весна, настроение и юбки лезут вверх вместе с отметкой на градуснике, а проблемы просто тают на припекающем солнце. Желать им 8 Марта весеннего настроения и красоты – такой же абсурд, как в День танкиста рассказывать нашим броненосным парням об устройстве танка. Это так же нелепо, как в День металлурга заставить заводчан водить хоровод вокруг домны. Так же неправильно, как предложить горнякам День шахтёра отметить под землёй. Как-то не так мы себя ведём, ведь естественно, что все самые лучшие слова мы должны неустанно повторять каждый день и независимо от сезона! Ежедневно и ежеминутно мы просто обязаны убеждать наших женщин, что именно они самые-самые умные, красивые, желанные и т.д. (полный список эпитетов не привожу, поскольку нужные, при необходимости, можно выбрать из любого словаря). Но это совет только для неопытных мужчин, который вполне может пригодиться, а я то знаю, что надо говорить...

Я понимаю, что никаких открытий в вышеприведённой мысли не содержится, даже уверен, что она была озвучена давным-давно, уже в скорости после изобретения Женского дня. Более того (сейчас я приступаю к самому главному!), возникает естественный вопрос: если мы станем осыпать их комплиментами 364 дня в году, то о чём мы будем с ними говорить именно 8 Марта? Я понимаю, что повторение – мать ученья, но в течение года у них будет достаточно времени, чтобы наизусть выучить все хорошие слова, которые мы готовы им высказать. Тем более, что даже в самом большом словаре их всё равно не так уж и много. В решении этого каверзного вопроса и заключается новизна моего подхода к технологии поздравления наших прекрасных половин.

А выход из положения крайне простой. С того самого времени, когда они начали борьбу за эмансипацию и достаточно в этом преуспели, мы, мужчины, ведём себя совершенно неправильно. Женщины и без нас прекрасно знают, что именно они самые умные, красивые, обаятельные и привлекательные. Зато, какой бальзам на их раны мы прольём, если 8 Марта с самого утра начнём рассказывать какие мы бестолковые, бездарные, беспомощные и вообще никудышные.

А как они счастливы будут узнать, что мы без них ну никуда и никак... Хотя каждая из них готова признаться, что она и без этих признаний в курсе. Но нам что, тяжело раз в году посыпать голову пеплом? Не баре, чай от нас не убудет, зато сколько радости любимым доставим! Это вам не какой-нибудь дежурный комплимент на скорую руку выдать, или стишок самопальный состряпать по поводу неотразимости драгоценной половины. Они же все свои достоинства и без нас давно знают и к этому уже привыкли. Так что самое лучшее для них поздравление – это наша самокритика и ещё раз самокритика. Тем более, что этим мы одновременно убиваем двух зайцев. С одной стороны им приятное делаем, с другой – обеспечиваем себе на будущее снисходительное отношение. Они же мягкие и отходчивые и, в случае чего, что с нас, убогеньких, возьмёшь...

Рыбохотобзор

Хожу на охоту, пишу мои вирши...
Н. А. Некрасов

Юрий ЖЕКОТОВ
г. Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край

Жекотов Юрий Викторович. Член Союза писателей России. Автор 6 книг прозы. Публиковался в журналах «Берега», «Дальний Восток», «Мир животных», «Молодая гвардия», «Охота и охотничье хозяйство», «Охотничьи просторы», «Подъём», «Приокские зори», «Российский писатель», «Север», «Южная звезда», «Юный натуралист» и др. Лауреат ряда международных и национальных литературных премий. Почётный работник общего образования РФ.

Сойка-пересмешница

Рассказ

Сойка сопровождать меня вдоль речки надумала, да нахальная такая попалась, всё старалась улучить момент и, на предмет покушать, содержимое рюкзака проверить или стащить харюзка из ведёрка. А рыбы, стыдно признаться, вопреки моему рыбацкому самомнению, в этот раз словил – кот наплакал: два «хвоста» размером с вершок с дюжиной чешуек на каждом. Где-то попрятались здешние хариусы: то ли резкий скачок давления на дне пережидают – отлёживаются, то ли в смену лунных фаз привередничают – аппетит у них пропал, видите ли! Таёжная речка вдобавок закоряжена, идут зацеп за зацепом, не ловля рыбы, а определение фарватера и измерение глубин получается! В итоге, ныряя в ямы и быстрину за блёснами и мушками, в какой раз закон Архимеда открываю – определяю объём воды, вытесняемый из реки моим телом. Совсем учёный стал, но настроения никакого.

А тут ещё эта бестия привязалась! С виду полное благородие и приличие! Такая вся из себя! Одёжка у птицы опрятно-аккуратная, с претензией на изысканность: сероватый сюртучок с броским оранжевым передом, с тёмными рукавами-крыльями, с двухцветными бело-чёрными манжетами, с крупными радужного отлива запонками; с подобранными со вкусом и гармонией к общему прикиду – белым шарфиком и яркой хохлатой шапочкой.

Но не по одёжке норов у сойки! Навязывая своё знакомство, раскидывая лопатами крылья, зигзагами перелетает за мной вдоль извилистого распадка птица и то с листвянки, то с берёзки глаз свой хитрый скосит, клюв о кору почистит-подточит и всё горланит: «Кы-ы-ыр...» да «гы-ы-ыр...». Такая настойчивая, прилипчивая, шумная, вынь ей и положи дань, задобри подарочком, а то не отвяжется!

– Но и я не лыком шит, тоже, если надо, с характером, вот упрусь и не пойду на поводу! И ничего тебе не обломится! Ну, по каким таким кредитам-векселям ты меня в свои должники записала? Если бы ещё с подходом, вежливо обратилась, спела бы что-нибудь ласковое, а так – оглушаешь дребезжащими криками, заставляешь то ёжиться, то вздрагивать, заикой скоро сделаешь?! Нетушки! Объявляю бойкот нахрапистости и беспардонности! Давай-ка лети отсель подобру-поздорову! – читаю я нотации птице.

Но никаких поучений пернатая проказница не принимала, воспитанию не поддавалась, не соглашалась на мирное сосуществование.

Я бродни раскатываю и в воду лезу крючок от топляка отцеплять, а она уже тут как тут, на берегу хозяйничает, вязки-замочки походного ридикюля на надёжность проверяет. И надо же, не усторожил: умыкнула из ведёрка одну рыбку сойка!

– Вот наглая! Кыш, рыжая-бесстыжая! – заметив пропажу, гнал я теперь воровку, то рукой махну, то прикрикну. – Я на вас не рассчитывал, сами с усами. И не шуми, не порхай тут! Видишь: бесклёвье! И чего я перед тобой отчитываюсь, не сродственник же?! Охотник тебя бы за такие проказы-выкрутасы шмальнул бы из ружья – и всех делов, а я с устоявшимся рыбацким менталитетом лясы с тобой точу, демократию развёл, к разуму-совести призываю!

Так ходил-бродил я с удочкой почти впустую вдоль речки, да и привык к птице-попутчице, всё же есть с кем поговорить, и бурчал уже больше для порядка:

– Вас только повадь, вы добра не помните, да и не зима сейчас, тайга полна грибами-желудями, так что наше вам с кисточкой, – и уже после полудня, теряя надежду на рыбацкую удачу, смиряясь с суровой действительностью, даже пообещал сойке сменить гнев на милость: – Вот завтра прилетай, на утренней зорьке мы с тобой и посмотрим: если повезёт, то и тебе что-то на зубок перепадёт, то бишь в клювик. А сейчас и мне сообразить бы на ужин-на ушицу, словить бы ещё рыбёшку-другую. Не мельтеши, не маячь перед глазами, не отвлекай! Всю рыбу распугала!

Я уже все известные мне тонкости и хитрости рыбацкого дела испробовал, на небо заглядывал, может, к непогоде дела складываются и потому хариус апатичен-безразличен к рыбацким «примочкам»? Но по заоблачному расписанию на клёв, скорее всего в этот день значился жирный прочерк. Ничего в хмурой выси я не высмотрел, не вымолил, не до меня там, некому рыбака утешить, зашторились и другими важными делами заняты небожители. А к вечеру в бойких выкриках неугомонившейся назойливой спутницы слышал я уже больше ехидства и подначки: «Так тебе и надо, ротозей! Рыбак с печки бряк! Так тебя здесь мы все и ждали-готовились! Что, не случилось-не

получилось? Ты-то чем меня лучше? Сам дармовщик! Я вон местных вредителей жуков усачей и шелкопрядов истребляю, кедры да дубы сажаю, а ты-то сколько за свою жизнь деревьев посадил, чего полезного содеял? Всё кыш да прочь гонишь! Других слов, видать, и не знаешь! Про воспитание балакаешь, философию развёл, пришелец из ниоткуда!.. Рыбки одной пожалел, крохобор! Молчишь, крыть-то нечем... Что, правда глаза колет?!»

А между тем в поисках рыбацкой удачи, в переругивании со скандальной сойкой забрёл я в такой замшелый лес, куда человек «тыщи» лет не захаживал и рыбы должно было бы накопиться! Но вот не идёт она на снасти, ёлки зелёные, и всё тут!

Огляделся: пихты в округе иные, чем раньше мне встречать приходилось – кряжистые, заматеревшие с комля, потерявшие стройность. Размохнатили лапы в беспорядке пихтачи, выкидывают из стволов случайные ветки, не давая разгону молодой поросли. Щетинятся нелюдимо-негостеприимно растения-старожилы, нестриженными-нечёсаными космами и бородами из лишайника заплетая входы и выходы в своё хвойное царство. Живёт отшельником, не пускает тёмный лесок к себе ни дятлов, ни синиц, сам врачует раны и трещины, обильно заливая их смолой. Перезрелый лес, на излёте своего жития, истлевший сердцевинами, с подгнившими корнями, кичится нынче своими старчеством и морщинами и каждыми нажитыми суком да веткой цепляется за былые времена, за божий свет. Не особо приветливое место, в котором и слово не откликнется, увязнет-схоронится где-нибудь в сырой глубине под кочкой-пнём, но зато сухостоя для костра – далеко ходить не надо, хоть стоянку на всё лето устраивай, всё равно не пережечь...

Костерок принялся бойко, и пусть жидкая, но ушица поспела вовремя. Около полуночи я поднялся, чтобы огонь поправить и тепла добавить к своей походной постели, да в жар иной бросило – загоготал кто-то дерзко и безумно на всю округу! Раз-другой с паузой, а потом пошло-поехало! И так бесконечно упражняется безумец: то с волчьей злобой-подвыванием, то со скрипучим стоном, поросячьим визгом, то кикиморой, то лешаком!..

Уже через час испытаний диким смехом, безудержным стоном и плачем нет у меня сил терпеть, всего наизнанку вывернуло! И вот тут он где-то, совсем недалече! Пока не показывается, но крутится вокруг костра, удобный момент для нападения выбирает! Если бы я знал точно обратную дорогу, то рванул бы из этого леса прямо посреди ночи! Вот уж жуть – вздрагиваешь при каждом крике! И кто там? Разбойник ли, оборотень, приведение или заблудшая неуспокоенная душа? Да у меня и желания разгадывать, кто такой, вовсе нет! Пусть кто-нибудь другой тут кумекает, голову ломает! Надо костёр побольше развести, может, не решится подойти, побоится огня нечистая сила?! Вот занесло-то меня в какие места! Теперь дождаться бы спасительных солнечных лучей и никогда сюда ни ногой, остаться бы только живу!

Ближе к рассвету откатилось в глубину леса и утихло гоготание. И как только первые лучи пробились в таёжные закрома, заторопился я собирать пожитки в дорогу, в сторону пихтача не смотрел: вдруг вылезет оттуда какая нежить нестерпимая для человеческого ока, прикуёт-привяжет меня взглядом к дереву-колодине или в пень превратит!

А тут сойка опять объявилась. Обрадовался я: какая-никакая, а подмога и поддержка!

Таёжная птица почти вплотную подлетела да возьми и хихикни прямо мне в лицо: «Хы-хы-хы...». И ноты явно даёт из ночной песни.

«Так это ты, что ли, издеваешься-измываешься над путником?» – запоздало прозрел я.

«Гы-гы-гы-ы... – выдала зловредно птица. – Что, жадина-говядина, получил?! Вот так вот, знай наших! Если нужно будет, я ещё и не так могу!»

«Да, не ожидал, что вы тут с таёжными классами образования умудрились языки всякие постигнуть! Примите в знак уважения и признания талантов!» – раздобрился я на смене своих чувств, достал из запасника, положил на ближайший растянувшийся на земле кряж колбаски с хлебушком и отошёл.

Сойка подлетела, диковинной копчёностью побрезговала, не тронула, а вот хлеб подмела, а затем села на сук, на меня увальня-ротозея даже не смотрит – не отвлекается, добилась своего, а теперь загордилась, думки всякие свои важные думает.

«Где научилась, у кого переняла такой говор? Надо же так язык ломать навостриться! В каких лесных академиях-университетах языковедению и филологии обучались?! Специалист. Бакалавр... Не-е-е... Магистр! Профессор! А какая к тому же красавица!» – не жалел я комплиментов для дамского сердца крылатой обитательницы тайги. «Ну вот, это другое дело! – заскворчала довольно утробно сойка, но к концу трели сорвалась на резкие тона: – А то всё брезгуешь моей компанией! Куском понукаешь!» – «Да ладно, свои же, в одних краях живём: вы в лесу, я в городе. Нам ли ссориться? Уж сразу не разобрался! Зачем же вы мне такие каверзы строите? Теперь что, всю жизнь попрекать будете?! Кушайте вот лучше ещё! – не скупился я теперь на подношения. – Давай дружить, пернатая?!»

Ночные страсти улеглись, но бесклёвье затянулось на следующий день, и я решил возвращаться домой. На границе леса простилась со мной новая знакомая, крикнула что-то бодрое на прощание и полетела по своим делам.

Владимир ПРОНСКИЙ

г. Москва

Владимир Пронский родился в городе Пронске Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романов «Провинция слёз», «Племя сирот», «Три круга любви», «Казачья Засека», «Стяжатели», «Герань в распахнутом окне», «Апельсиновая девочка», «Послушание во славу» и др. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва», «Подъём», «Север», «Странник», «Берега» и других, в коллективных сборниках, альманахах, в ближнем и дальнем зарубежье. Лауреат премии имени А. С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова «Умное сердце», премии Союза писателей России «Слово-2018» и нескольких литературных журналов. Секретарь Союза писателей России.

Цапля

Рассказ

– А её едят? – спросил я у Олега, когда он брезгливо пнул рыжевато-охристую птицу с длинными жёлто-зелёными ногами, плетьми лежащими на траве.

– Что-то не слышал, – ответил приятель неуверенно и сморщился, сказал таким тоном, будто его заставляли есть эту самую цаплю: – Точно – не едят. Мне кто-то говорил, что они дохлятину жрут!

Я начал разглядывать птицу, которую так близко никогда не видел, а Олег, осмотрев на свет стволы ружья, обиженно вздохнул:

– Только патрон зря сжёг!

После его вздоха хотел спросить, зачем он застрелил невредную птицу, но не спросил, постеснялся. Вспомнилось, как собирались на охоту, как он расхваливал здешние места, хотя ничего примечательного в безлесных берегах реки я не увидел... А по его словам выходило, что лучше, чем «охота у свояка», ничего нет на свете.

«Свояк письмо прислал, – говорил недавно Олег за кружкой пива, – пишет, что пролётная утка пошла... Так что собирайся – в следующие выходные рванём, только тормоза отрегулирую».

Вместе мы работаем недавно: стоим за соседними станками в ремонтном цехе. Он перевёлся из филиала, причину перевода я не знал, да это и неважно: главное, он – охотник. Охотник, как успел понять, заядлый, опытный, что для меня, начинающего, заманчиво вдвойне. Это, наверное, и сдружило нас. Хотя первое время не понимал, почему Олег тянется именно ко мне, но потом догадался: не противлюсь его болтовне – а заливать он мастак. Вот смог же убедить, что поохочусь всласть...

Однако за всю зарю мы ничего не добыли, только тощая цапля согнулась на рыжей траве.

– Отволоку свояку, – скрипуче сказал Олег, – собаке отдаст.

Он затолкал неуклюжую птицу в рюкзак, а когда возвращались в деревню, передумал и моргнул по-свойски:

– Чучело набью, буду гостей пугать!

Но заняться птицей сразу у него не хватило времени, а скорее – желания. Потому что, вернувшись с охоты, он уговорил свояка сделать из яблок, скармливаемых скотине, домашнее вино. Олег не поленился слазить на чердак и подал оттуда три огромные, пыльные бутыли. И к соседям сбегал – попросил мясорубку. До обеда они со свояком – молодым, сонным мужиком – провернули ворох яблок. Мне в этой затее отводилась самая скучная роль: я вырезал у яблок гнилые бока и бросал в эмалированный таз, ощерившийся сколотыми краями. Вскоре руки почернели от яблочного сока, а правая совсем занемела и едва держала нож. Мне бы воспротивиться, но было неловко отказаться, и поэтому я мужественно кромсал яблоки до тех пор, пока все бутыли на две трети не оказались наполненными красно-бурой массой, разукрашенной коричневыми зёрнышками, как изюмом.

Пообедав, Олег вспомнил о цапле, но от неё стало попахивать, и он выбросил птицу в овраг, потому что пришла пора собираться на вечернюю зарю. Пока собирались, наползли тучи – стало сыро, зябко, скучно. Начался дождь, да сильный, с пузырями, будто стояло лето, а не конец сентября. Свояк завалился спать, а мы с Олегом загрустили и стали ждать окончания дождя, но до самой темноты так и не дождались и последовали примеру хозяина, потому что минувшую ночь провели за рулём и почти не спали.

Проснулись глубокой ночью. Сонные, начали собираться и, забрав резиновую лодку и ружья, отправились на реку. Вчера четыре километра проскочили мигом, а после дождя да в темноте эти километры показались вдвое длиннее.

Вместе с дождём пришло похолодание, и теперь от реки исходил густой туман, встретивший на дальних подступах. Было интересно и жутко идти в сплошном «молоке», едва успевая за длинной фигурой Олега. У меня, потерявшего всякую ориентацию, вдруг родилось удивительное чувство: сделалось тревожно оттого, что идём в другую сторону от реки и вот-вот должны увидеть крайние деревенские дома... И тем неожиданнее было оказаться на месте – даже чуть не оступились в воду, но нас задержали камыш и осока, росшие вдоль низкого берега.

Мы похрюкали насосом, надувая лодку, расправили раструбы охотничьих сапог и стали дожидаться рассвета: Олег скрылся на лодке в камыше, а я замаскировался на берегу.

Рассветало так незаметно, что от постоянного напряжения устали глаза. Я больше доверялся слуху, надеясь услышать свист крыльев, но близко утки не подлетали, а те, что проносились чуть дальше, в тумане видны не были. От сырости и холода, от невезения я мало-помалу к охоте остыл, а ружьё повесил на плечо, устав держать наготове... А тут ещё привлек внимание паучок, возившийся на росистой метёлке камыша. У паучка, видно, в жизни что-то случилось неладное, он бегал по метёлке туда-сюда, словно искал что-то. Ему, наверное, было очень грустно от одиночества, и никто не мог ему помочь, а я не знал как. Да к тому же моё внимание что-то отвлекало, и не понять, что именно. Это походило на наваждение. Я отворачивался от суетившегося паука, закрывал глаза, но, открывая их, снова и снова видел «мешавший» предмет, находившийся у самой воды на одной мысленной линии с паучком. До предмета было метров тридцать, и в тумане он напоминал корягу, темнеющую в камыше. По-прежнему наблюдая за паучком, я нет-нет да посматривал на предмет и чувствовал, что это необычный предмет – он шевелился, и не шевелился даже – еле заметно менял положение. От собственной неподвижности и напряжения стало казаться, что из воды торчит чья-то рука; наплывала новая волна тумана – и уж виделся горбатенький старичок, стоящий на одной ноге.

Мне ещё что-то мнилось до тех пор, пока туман немного не рассеялся. И тут я догадался: это охотящаяся цапля! Едва сделав открытие, я забыл о нём, потому что услышал уток. Два чирка – свист крыльев услышал раньше, чем увидел их самих, – нацелились на полянку чистой воды, но, заметив меня, тотчас исчезли в мягкой туманной наволочи. Это произошло так быстро, что я даже не успел снять с плеча ружьё. Только привычно дёрнулся, хватаясь за ремень, и этого резкого движения оказалось достаточно, чтобы спугнуть цаплю. Она подпрыгнула и, стреканув по камышу округлыми крыльями, стала набирать высоту. Летела цапля тяжело и заполошно, испуганно вытянув шею: отвислые ноги, казавшиеся привязанными, ей явно мешали.

Вдруг мысли смешались, когда я сообразил, что птица полетела на Олега.

– Это – цапля! – крикнул в туман. – Не стреляй!..

Но слов моих Олег не слышал, потому что я не успел крикнуть «Не стреляй», как цапля, сложившись комком, рухнула в заросли... Одновременно с этим словно из дальнего далёка услышал выстрел.

В это утро охотиться я больше не мог. Сразу ушёл в деревню, собрал рюкзак и, распрощавшись с удивлённым Олеговым свояком, спросившим: «Ничего не случилось?» – отправился на шоссе дожидаться попутку, потому что не было сил возвращаться с Олегом в одной машине. Только сказал на прощание хозяину, чтобы не волновался: «Всё нормально...»

В этот момент я удивлённо подумал, что забыл имя «свояка», совсем не представляю его жену: она постоянно гремела в кухне посудой, но её саму видел раз или два. А пока дошёл до шоссе, запамятовал и название деревни, в которой останавливался на ночлег, да и не хотелось ничего запоминать.

Вернувшись в город, несколько дней ходил сам не свой.

Правда, через неделю-другую немного отмяк, во всяком случае, уже не так злобно смотрю на Олега, склонившегося за соседним станком. Только теперь почему-то постоянно кажется, что вместо него стоит кто-то другой: с длинным клювом, чёрным хохолком на вытянутой голове, по-стариковски согнутенький на длинных тонких ногах. Это наваждение не проходит и тогда, когда Олег изредка подходит и что-нибудь пищит по-птичьи, например: «На русаков не собираешься?.. А то свояк пишет – вино-то вовсю фурчит...»

В таких случаях я теряюсь и не знаю, что ответить Олегу, на каком языке говорить с ним, и всякий раз неопределённо пожимаю плечами.

Дмитрий ПОБЕДИНСКИЙ

д. Крутец, Устюженский район, Вологодская обл.

В прошлом – инженер-программист, страстный охотник. Ныне – хозяин гостевого дома на Вологодчине, охотник-натуралист. Автор рассказов о природе и охоте. Публиковался в журналах «Охота», «Русский охотничий журнал». Постоянный автор журнала «Северо-Муйские огни».

Песня весны

Рассказ

Не спалось. То ли впечатления минувшего дня переполняли мою душу, то ли предвкушение дня наступающего не давало заснуть. Извертевшись, изворочавшись, я выбрался из тёплого спальника и, поёживаясь от предутреннего холодка, подошёл к почти угасшему костру. Надо бы его взбодрить немного да согреть себе чайку – карельские ночи на границе апреля и мая коротенькие, но тёплыми их уж никак не назовёшь – мох, тронутый лёгким морозцем, похрустывает под ногами, а

вода в котелке подёрнулась тонкой корочкой льда. Как неспешно приходила весна в этом году, как неторопливо вступала она в свои права, тесня отчаянно сопротивлявшуюся зиму!

Был тот самый момент ночи, когда в лесу умолкает всё живое, когда тишина становится почти осязаемой и сгущается темнота. Я немного пошевелил прогоревшие головни, поворочал их с боку на бок и водрузил сверху увесистый обломок давно высохшего смолистого соснового корня – самые жаркие и яркие, хотя и очень быстро сгорающие дрова. В недрах костра что-то сухо щёлкнуло, к небу взвился сноп ярких искр, шустрыми змейками разлетевшихся в разные стороны, взметнулись язычки пламени и начали старательно облизывать сушинку. Едва я успел сходить с чайником за водой, как пламя уже весело плясало в костре, издавая тот негромкий гул, шипение, потрескивание, которые делают любую, даже самую глухую ночь уютнее.

Пристроив чайник в углях – там, где жар был поровнее, я уселся возле костра и залюбовался огнём. Удивительное это дело – магия огня: сам не заметишь, как он заворожит тебя, околдует, опутает своими тёплыми чарами. Так и уплываешь мыслями куда-то далеко-далеко. То всплывут в памяти какие-то стародавние воспоминания, то задумаешься о будущем, замечтаешься...

Внезапно зашипевший чайник вывел меня из мечтательной задумчивости. Он уже вовсю кипел, подпрыгивал на углях, выбрасывал пар из-под крышки и старательно плевался из носика, всеми способами пытаясь показать мне, что он уже готов напоить нас с моей сладко спящей женой чаем. Машинально взглянув на часы, я ахнул – как же это я так засиделся? Нам через двадцать минут выходить на тетеревиный ток! Сыпанув в чайник заварки, я стремглав бросился будить жену – размеренный, неспешный семейный завтрак отменялся из-за моей мечтательной задумчивости, теперь придётся всё делать очень быстро.

Жена, тёплая и сонная, выбиралась из спальника, на ходу придумывая исключительно важные причины, которые позволили бы ей там остаться. Ничего путного не придумывалось и ей всё-таки пришлось выбраться из такой уютной норки. Тогда она уселась у огня и нахохлилась, словно птичка. Было совершенно ясно, что сейчас она моментально окажется во власти сладкой дрёмы: я по себе знаю, как же это трудно – выкарабкиваться из мягких лап глубокого сна в тёплом спальном мешке.

– Солнышко, просыпайся! Тетерева, понимаешь? Они вот-вот запоют!

– А мы потихонечку к ним потом пройдём...

– Да какой там «потихонечку» – у нас скрадок прямо посреди болота воткнут, строго в центре токовища... Пока будем по болоту пробираться и ногами хлюпать, весь лес распугаем...

– Ну вот... – она горестно вздохнула. – И даже чаю не дадут?

Вид у неё был совершенно несчастный, и мне стало совестно:

– И как только ты меня терпишь? Понежиться не даю, гоню куда-то среди ночи, да ещё бегом...

– Знаешь... – она мягко улыбнулась, – сама выбирала!

Вот теперь она полностью проснулась. Снова передо мной сидела моя напарница – азартная, терпеливая и ловкая охотница.

– Хорошая моя, вот чаёк, сейчас чуть-чуть перекусим и пойдём.

– Ну и как на тебя сердиться? – она засмеялась и неожиданно с неподдельным интересом добавила: – Думаешь, сегодня запоют?

– Даже не сомневаюсь! Ночь тишайшая, дождя нет – обязательно запоют!

Мы уже несколько лет собирались поохотиться на тетеревином току, много читали об этой охоте, но всё как-то не складывалось: то времени не хватало – едва успевали побывать на глухарином току, то сам ток оказывался разбит и распуган опередившими нас стрелками, оставившими вокруг скрадка целую россыпь стреляных гильз. Тетеревиный ток словно не давался в руки, ускользал от нас. И вот, наконец, сегодня утром все «если», кажется, сойдутся в одном месте. Надо только успеть загодя забраться в скрадок.

Идти от лагеря до скрадка надо было чуть меньше километра, и нам предстояло пройти это расстояние очень быстро. Поэтому, чтобы не вспотеть по дороге, мы похватали тёплую одежду под мышки, забросили за плечо ружья, включили фонарики и пошли. Едва мы отошли от костра, как ночная тьма словно бы надвинулась на нас, сгустилась вокруг узких лучей света наших фонарей. Однако шлось легко, ходко – нас подгонял вперёд охотничий азарт: мы впервые в жизни шли на тетеревиный ток. Немного не доходя до края болота, мы выключили фонарики – дальше придётся идти в темноте, чтобы ярким светом не вспугнуть птиц, ночующих где-то неподалёку от токовища, вдоль края болота.

Дальше мы пошли почти на ощупь, однако глаза, привыкшие к яркому свету фонарей, потихоньку адаптировались к темноте, да и небо уже начинало еле заметно светлеть, так что на болото мы вышли почти вовремя. Ещё вчера утром, охотясь на глухарином току, мы заметили время, когда со стороны тока донеслось первое далёкое тетеревиное бормотание – именно оно, казалось бы, такое негромкое, разносится далеко-далеко. Вчера это случилось в три с четвертью часа утра. Сегодня, то и дело проваливаясь по колено в начавшее оттаивать болото, мы добрались до шалаша ровно в три и были совершенно уверены в том, что у нас есть ещё несколько минут, чтобы одеться потеплее и устроиться.

«ЧУФФЫШШ!» – внезапно раздалось прямо за нашими спинами среди полной тишины. Мы ошалело уставились друг другу в глаза, замерев на месте и не издавая ни одного звука. Тут же раздалось отдалённое чуфыканье, потом совсем близкое хлопанье крыльев – метрах в десяти от нас на болото приземлился тетерев. Через несколько секунд – ещё один... и ещё!

Какое-то время мы, так и не успев сесть, стояли неподвижно, боясь пошевелиться, чтобы не распугать петухов. Вот один из них нахохлился, чуть развёл крылья – и забормотал, «забулькал». Вскоре к нему присоединился второй. Тихо-тихо, стараясь не делать ни одного лишнего движения, мы присели, так и не успев надеть тёплые куртки. Нам и без них было жарко – такое волнение нас охватило.

Тетерева продолжали слетаться на токовище один за другим и вскоре мы насчитали не меньше восьми птиц. Страсти на току разгорались, перед нами то и дело словно бы вспыхивали ослепительно-белые подхвостья, напомнившие мне своим видом цветки лотоса – тетерева перемещались вокруг нашего шалаша, бормотали, время от времени то один, то другой издавали громкое чуфыканье – этот неподражаемый, шелестяще-свистящий звук.

Светало. Горизонт всё ярче и ярче разгорался нежно-розовым сиянием утренней зари. Перед нами разворачивалась потрясающая картина великолепного таинства природы: бархатно-чёрные с просинью птицы с ярко-красными бровями и ослепительно белыми цветками-подхвостьями важно вышагивали по болоту, останавливались друг перед другом, важно растопырив крылья, топорща лиру хвоста, выпятив грудь и оглушительно чуфыкая друг на друга.

Вот один, захлопав крыльями, подскочил вверх. Его противник в тот же миг тоже взмыл вверх, и петухи ударились грудью друг о друга. Другая парочка бойцов тоже сшиблась друг с другом. Время от времени то один, то другой боец взлетал на вершинку торчащей из болота хилой сосенки, несколько минут смотрел на происходящее сверху и затем снова слетал вниз. Страсти кипели, птицы, казалось, были полностью поглощены своими танцами и схватками.

Я потихоньку повернулся к жене и шепнул ей в самое ухо:

– Будешь стрелять?

– Нет... знаешь – красота такая, рука не поднимается. Давай ещё посмотрим?

– Давай! Я, пожалуй, тоже сегодня стрелять не буду.

Между тем, с начала токования прошло уже два часа. Мы оба совершенно продрогли и тряслись мелкой дрожью, ноги и спину ломило – сидеть на уложенных в болото жердинах было очень неудобно – но никак не решались пошевелиться, чтобы не нарушить разворачивающийся перед нами спектакль.

Токование оборвалось без нашего участия, так же внезапно, как и началось – в одно мгновение вся стая, оглушительно хлопая крыльями, поднялась в воздух и скрылась в лесу. Мы удивлённо переглянулись, не понимая, что могло так сильно испугать птиц. Впрочем, загадка вскоре разрешилась – я увидел, как в небе, распластав огромные крылья, описывал широкие круги ястреб-тетеревятник. Видимо, он-то и послужил причиной такого поспешного бегства.

Нам ничего не оставалось кроме как встать и пойти обратно в лагерь – пусть без трофеев, но зато с душами, наполненными восторгом и радостью от увиденного. Жена тихонько засмеялась, я удивлённо посмотрел на неё.

– Знаешь, – ответила она на мой немой вопрос, – когда я услышала это первое чуфыканье прямо за спиной, мне показалось, что кто-то нас разыгрывает.

Теперь уже я рассмеялся:

– Да, хороши бы мы были! Да и так – лучше никому не рассказывать: хороши охотники – всё утро мёрзли на болоте и пошли обратно без трофея!

– Да никуда от нас трофеи не денутся. Добудем ещё, – жена смотрела на меня радостными, блестящими глазами, – зато как это было красиво!

Мы уже почти вошли под сень окружавшего болото леса, когда из самого поднебесья, внезапно, упал журавлиный крик. Пронзительный и немного печальный, он словно ворвался в самое сердце, заставив его встрепенуться. Мы замерли на месте и, не сговариваясь, оглянулись – в нежном свете разгоревшейся зари, высоко-высоко, медленно и величаво плыл журавлиный клин. Прижавшись друг к другу, мы с восхищением наблюдали за ним, а красавица-Весна нежно обнимала нас своими тёплыми руками.

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна(Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новонукутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»
Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:
•всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
•укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
•участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
•оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
• создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
•развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:
•осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
•осуществлять издательскую деятельность;
•участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
•осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
•сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.

Авторский литературный журнал "Северо-Муйские огни"

Северомуйск – 2021